

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2022

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

Academic Journal

There are 4 issues of the magazine a year.

Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, History of pedagogy and education

19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, Personality psychology, History of psychology

19.00.05 Social Psychology

19.00.13 Developmental psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal "Psychology. Pedagogics. Education" publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts; to promote the integration of academic and university science; stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series

is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information

Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8 (499) 973 44 33

e-mail: ip@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolo, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелобина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Contents

From the editor	10
-----------------------	----

Thematic reports

Tatyana D. Martsinkovskaya

Personal integrity in the context of the aesthetic paradigm	14
--	----

Empirical research

Vladimir A. Mokhov, Svetlana L. Babushkina

The role of existential experience in processing uncertainty	26
---	----

Olga T. Melnikova, Maria I. Tychinina

Models of romantic relationships and narrative identity of female representatives of generations X, Y, Z	47
---	----

Vasilisa R. Orestova, Daria P. Tkachenko, Timofei S. Samsonov

Study of parasocial relationships with videogame characters and aspects of interpersonal communication in videogame users	70
---	----

Svetlana V. Fedotova, Ilia D. Beloglazov

Indirect self-presentation of people with a high level of Machiavellianism in a situation of success and failure	85
---	----

Works of young scientists

Veronika I. Voytysheva

Differences in romantic relationships between young people with monogamous or polyamorous partners	94
---	----

Anastasia S. Gorshkova

Gender specificity of the self-image of modern young people	106
--	-----

Vsevolod A. Grudin

The interrelationship of cognitive and personal characteristics with the success of problem solving 119

Содержание

От редактора 10

Тематические сообщения

Т.Д. Марцинковская

Целостность личности в контексте эстетической
парадигмы 14

Эмпирические исследования

В.А. Мохов, С.Л. Бабушкина

Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации
неопределенности 26

О.Т. Мельникова, М.И. Тьчнина

Модели романтических отношений и нарративная
идентичность представительниц поколений X, Y, Z 47

В.Р. Орестова, Д.П. Ткаченко, Т.С. Самсонов

Исследование связи склонности к формированию
парасоциальных отношений с персонажами видеоигр
и особенностей межличностной коммуникации пользователей
видеоигр 70

С. В. Федотова, И. Д. Белоглазов

Косвенная самопрезентация людей с высоким уровнем
макиавеллизма в ситуации успеха и неудачи 85

Работы молодых ученых

В. И. Войтышева

Особенности переживания одиночества и избегания близости
у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного
и полиаморного типа 94

А. С. Горшкова

Гендерная специфика образа Я современных молодых
людей 106

В.А. Грудинин

Связь когнитивных и личностных характеристик
с успешностью решения проблемных задач 119

От редактора

Дорогие друзья,

Представляю второй номер нашего журнала, в котором представлены работы наших молодых коллег, завоевавших право на публикацию в журнале по результатам их выступлений на международной конференции, проходившей в апреле этого года в РГГУ. В их статьях привлекает и разнообразие тем, и хороший уровень исследовательской культуры.

В работе А.С. Горшковой «Гендерная специфика образа Я современных молодых людей» показано влияние гендерной социализации на позитивный образ Я. В исследовании В.А. Грудинина «Связь когнитивных и личностных характеристик с успешностью решения проблемных задач» изучалась связь между когнитивными и личностными характеристиками при решении задач «научного» и «художественного» содержания. Были выявлены связи между разными типами заданий и личностными чертами, но не когнитивными характеристиками. В статье В.И. Войтышевой представлен теоретический анализ и краткой эмпирическое исследование особенностей переживания одиночества и избегания близости у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного и полиаморного типа.

Результаты исследования косвенной самопрезентация людей с высоким уровнем макиавеллизма в ситуации успеха и неудачи представлены в статье С.В. Федотовой и И.Д. Белоглазова. Результаты их работы расширяют диагностические возможности изучения не только прямой, но и косвенной, без диагностики личностных характеристик, анализа самопрезентаций.

В работе В.Р. Орестовой, Д.П. Ткаченко и Т.С. Самсонова «Исследование связи склонности к формированию парасоциальных отношений с персонажами видеоигр и особенностей межличностной коммуникации пользователей видеоигр» был проведен первичный этап стандартизации опросника МОПС-О (Мультижанровый опросник парасоциальных отношений). Эти материалы, также, как и материалы предыдущей статьи, существенно помогают диагностике сложных психологических процессов, характерных для поведения и состояния людей в современном многоаспектном мире.

Результаты исследования нарративной идентичности представительниц поколений X, Y, Z и их моделей романтических отношений раскрыты в статье О.Т. Мельниковой и М.И. Тычины. Полученные материалы выявили несовпадения между поколенческими нарративами и возрастными задачами, а также различия между ценностями и моделью у разных поколений.

В статье В.А. Мохова и С.Л. Бабушкиной раскрывается роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределен-

ности. Материалы проведенного исследования убедительно показывают, что развернутое переживание экзистенциального опыта способствует личностной зрелости, увеличению доверия к миру и обретению творческой позиции по отношению к жизни, помогающей преобразованию ситуации неопределенности.

Проблема кардинальных изменений и неопределенности рассматривается и в статье Т.Д. Марцинковской. Анализируется продуктивность анализа проблемы холизма с позиции эстетической парадигмы и культурного капитала и доказывается, что различные варианты поведения в культурном поле могут рассматриваться как различные виды динамической устойчивости личности.

From the editor

Dear friends,

I am glad to present the second issue of our journal in which we present the works of our young colleagues. They won the right to publish their articles according to the results of their presentations at the International conference held in RSUH/RGGU at April. In their articles attracts both - a variety of topics and a good level of research culture.

In the work of A.S. Gorshkova "Gender specificity of the self-image of modern young people" is shown the influence of gender socialization on the positive self-image. In the study by V.A. Grudinin "Relationship of cognitive and personal characteristics with the success of solving problematic tasks" was studied the relationship between cognitive and personal characteristics in solving problems of "scientific" and "artistic" content. Relationships were found between different types of tasks and personality traits, but not cognitive characteristics. The article by V.I. Voitysheva presents a theoretical analysis and a brief empirical study of the features of experiencing loneliness and avoiding intimacy in young people who are in monogamous and polyamorous relationships.

The results of the study of indirect self-presentation of people with a high level of machiavellianism in a situation of success and failure are presented in the article by S.V. Fedotova and I.D. Beloglazov. The results of their work expand the diagnostic possibilities of studying not only direct, but also indirect, without diagnosing personal characteristics, analysis of self-presentations.

In the work of V.R. Orestova, D.P. Tkachenko and T.S. Samsonov "Research on the connection between the propensity to form parasocial relationships with video game characters and the features of interpersonal communication of video game users", the initial stage of standardization of the MOPS-O questionnaire (Multigenre Questionnaire of Parasocial Relationships) was carried out. These materials, as well as the materials of the previous article, significantly help in diagnosing complex psychological processes that are characteristic of the behavior and emotional state of people in the modern multidimensional world.

The results of the study of the narrative identity of representatives of generations X, Y, Z and their models of romantic relationships are disclosed in the article by O.T. Melnikova and M.I. Tychinina. The obtained materials revealed discrepancies between generational narratives and age tasks, as well as differences between values and models in different generations.

In the article by V.A. Mokhov and S.L. Babushkina reveals the role of existential experience in experiencing a situation of uncertainty. The materials of the study convincingly show that a detailed emotional experience of existential practice contributes to the personal maturity, the increase in trust in the world and the acquisition of a creative position in relation to life, which helps to transform the situation of uncertainty.

The problem of cardinal changes and uncertainty is also considered in the article by T.D. Martsinkovskaya. The productivity of the analysis of the problem of holism from the standpoint of the aesthetic paradigm and cultural capital is analyzed, and it is proved that various behaviors in the cultural field can be considered as different types of dynamic stability of the person.

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-14-25

Целостность личности в контексте эстетической парадигмы

Татьяна Д. Марцинковская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Психологический институт Российской академии образования,
Москва, Россия, martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Аннотация. Рассматривается вопрос сохранения целостности личности в ситуации кардинальных изменений. Показывается сложность подхода к анализу вопроса о связи устойчивости и трансформации ценностных ориентаций в контексте психологии личности. Обосновывается продуктивность анализа проблемы холизма и динамической связи ценностных ориентаций с позиции эстетической парадигмы. Раскрывается роль социума и культурных ценностей как большой системы, меняющей восприятие и интериоризацию культуры человеком. В данном контексте большая система может рассматриваться как соотношение культуры и субкультуры, информация о которых меняет не только содержание субкультуры, но и культуры в целом. Анализируются варианты сохранения гармонии между развитием и устойчивостью, динамикой-стабильностью ценностей, при которых создается пространство субкультуры как подсистемы в общем пространстве культурного поля. При этом такая субкультура способна существовать автономно, не входя в конфликт с большой системой ценностей социума, как, например, созданный Дали и Галя вариант субкультуры. Другие варианты информационных подсистем культуры, как в науке, так и в искусстве, могут постепенно так изменять информационное поле культуры в целом, что оно практически сливается с содержанием конкретной субкультурной подсистемы (квантовая физика, атональная музыка, импрессионизм). Раскрывается роль культурного капитала в поддержании целостности личности и ее изменчивости в ситуации множественных и кардинальных трансформаций социума. Показывается связь постоянного значения первого уровня культурного капитала как вложения в развитие последующих поколений с большой информационной системой культуры. Дается анализ разных уровней культурного капитала и их содержания

в различных ситуациях и с учетом имеющейся степени изменений. Прослеживается связь этих уровней и степени их изменчивости с мотивацией человека и эталонами поведения в разное время и в разных культурных контекстах. Доказывается, что разнообразные варианты поведения в культурном поле могут рассматриваться как различные виды динамической устойчивости личности.

Ключевые слова: холизм, большая информационная система, культурный капитал, пространство культуры и субкультуры, самореализация, стабильность

Для цитирования: Марцинковская Т.Д. Целостность личности в контексте эстетической парадигмы // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 14–25. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-14-25

Personal integrity in the context of the aesthetic paradigm

Tatyana D. Martsinkovskaya

Russian State University for the Humanities,

*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia, martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Abstract. The problem of preserving the personal integrity in a situation of cardinal changes is considered. The complexity of considering the question of the relationship between stability and the transformation of value orientations in the context of personality psychology is shown. The productivity of the analysis of the problem of holism and the dynamic connection of value orientations from the standpoint of the aesthetic paradigm is analyzed. The role of society and cultural values as a large system that changes the perception and internalization of culture by a person is shown. In this context, a large system can be considered as a ratio of culture and subculture, information about which changes not only the content of the subculture, but also the culture as a whole. The options for maintaining harmony between development and sustainability, dynamics-stability of values are considered, in which the space of subculture is created as a subsystem in the general space of the cultural field. At the same time, such a subculture can exist autonomously, without coming into conflict with a large system of values of society, such as, for example, the variant of the subculture created by Dali and Gala. Other versions of information subsystems of culture, both in science and in art, can gradually change the information field of culture as a whole in such a way that it practically merges with the content of a particular subcultural subsystem

(quantum physics, atonal music, impressionism). The role of cultural capital in maintaining the integrity of the individual and its variability in a situation of multiple and cardinal transformations of society is revealed. The connection of the constant value of the first level of cultural capital as an investment in the development of subsequent generations with a large information system of culture is shown. An analysis of different levels of cultural capital and their content in different situations and with varying degrees of changes is given. The connection of these levels and the degree of their variability with the motivation of a person and the standards of behavior at different times and in different cultural contexts is shown. It is proved that different variants of behavior in the cultural field can be considered as different types of dynamic stability of the personality.

Keywords: holism, big information system, cultural capital, space of culture and subcultures, self-realization, stability

For citation: Martsinkovskaya, T.D. (2022), "Personal integrity in the context of the aesthetic paradigm", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 14–25, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-14-25

*Искусство тем и велико, что оно
не подчиняется ни природе, ни логике
М. Врубель*

Проблема холизма, целостности личности остается одной из самых значимых для психологии на протяжении многих десятилетий, если не столетий [Шпет 2007; Гришина 2011]. Еще в античности и Аристотель, и Эпикур писали о важности сохранения себя в любых, самых неблагоприятных обстоятельствах. В последние годы вопрос сохранения Я-концепции поднимался и как сохранение идентичности, и как преемственность этапов жизненного пути [Марцинковская 2015а].

При этом лейтмотивом всех работ оставались дилеммы гармоничного сочетания между стремлением человека к личностному развитию, росту и эмоциональному комфорту, и психологической стабильности, а также как баланс между устойчивыми, трансцендентными и преходящими ценностями [Марцинковская 2021].

Обе эти дилеммы не были решены в контексте психологии личности. Вопрос о том, можно ли сочетать развитие и психологическую устойчивость, оставался открытым. Более того, чаще ответом на этот вопрос было скорее – нет, а не да. Точно так же не разрешался и вопрос об устойчивости и трансформации ценностей. В то же время в некоторых исследованиях, в частности

в работе Г.М. Андреевой и К. Хелкама [Константа в неопределенном 2009], ученые приходили к выводу, что существует связь между гибкостью ценностей и отношением людей к изменчивости, то есть люди, которые положительно относятся к изменению ценностей и готовы к таким изменениям, воспринимают мир как изменчивый. При этом люди, не готовые к динамике ценностей, считают окружающую действительность стабильной, отрицательно относятся к изменениям и не хотят замечать подобные явления в окружающем социуме.

Таким образом, можно констатировать, что вопрос о важности трансцендентных ценностей для восприятия изменений и сохранения холизма остается открытым. Попробуем ответить на этот вопрос с других точек зрения – эстетической парадигмы и культурного капитала.

Эстетическая парадигма и устойчивость человека внутри социальной системы

Анализ функций эстетической парадигмы для психологии показывает, что, помимо рефлексии доминирующих в обществе переживаний и кристаллизации этих переживаний в эстетических эталонах и продуктах творческой деятельности, эстетика помогает стабилизировать систему, в которой живут люди [Марцинковская 2015b, Марцинковская 2015c]. Это достигается за счет восстановления связи между отдельными периодами жизни человека, то есть сохранением целостности его Образа Я. Но ведь и в психологии личности можно говорить о приведении всех сфер идентичности к большой системе и таким образом достижении классичности и гармонии стабильность - развитие, устойчивость - изменчивость.

С точки зрения автора теории большой системы Х. Эверетта [Everett 1957], рассмотрение связей внутри системы проводится в рамках информационной интерпретации. То есть человек, при восприятии информации внутри системы, частично меняет эту систему, так как вкладывает в нее свою интерпретацию полученного знания. Эта интерпретация происходит не только на основании понятий воспринимающего, но и основываясь на его интенциях и переживаниях [Марцинковская 2016]. Естественно, что полученная информация изменяет и самого человека, но вопрос о том, насколько значимы границы этих изменений, всегда остается открытым. Более того, обычно сами эти границы меняются со временем, с трансформацией окружающего человека большого мира и его референтной группы. Не менее важной является и содержание экзистенции, прежде всего, гибкость и подвижность границ, ее окружающих.

В рамках эстетической парадигмы большая система времени-пространства трансформируется в подсистему «человек-культура». В этом случае целесообразно рассматривать две составляющие культурного контекста – культура и субкультура. Тогда можно представить ситуацию как вариант, при котором мотивация людей, создающих определенную субкультуру, меняет не только динамику становления субкультурного общества, но и его отношения с ведущей культурой, доминирующей в окружающем мире.

Возможно несколько вариантов сохранения гармонии между развитием и устойчивостью и динамикой-стабильностью ценностей. Например, люди в определенный момент времени и в конкретной социальной ситуации осознают, что нереально изменить большую систему культурного поля так, чтобы чувствовать себя в нем эмоционально комфортно, и одновременно развиваться, сопрягая свою личностную сущность, свои ценностные ориентации с мейнстримом в обществе и культуре. В этом случае субкультурное поле становится одновременно и убежищем, где разделяющие общи интересы люди формируют подсистему, не только сохраняющую некоторую феноменологию классичности и устойчивости, но и предоставляющую поле для развития. Со временем данная субкультура может войти в общекультурное пространство, но может и остаться в стороне от общего развития культуры, выполняя тем не менее свою функцию поддержания холизма и развития людей. Таковы, например, культуры панков или готтов, которые в рамках рок-культуры, вошедшей уже в основной контекст современной масс-культуры, остаются подсистемой.

Крайне интересным феноменом является созданная Дали и Галя собственная подсистема внутри большой субкультуры авангарда. Свое творчество и свои ценности Дали и Галя связывали одновременно с двумя краеугольными камнями разных культур. С одной стороны, – это ценность денег, процветания «бизнеса в культуре», которая только осознавалась в середине прошлого века именно как культурная ценность, важная для признания художника. Хотя цена работы мастера рассматривалась как один из критериев его таланта уже в XVII веке. Например, как только голландский художник Ф. Вауэрман начал брать большие деньги за свои полотна, и их оценка, и ценность его как художника резко возросли и картины стали быстро раскупаться. В то время как другие его работы, за которые он вначале не решался просить много, раскупались плохо, хотя были несколько не хуже тех, которые он стал продавать очень дорого. Однако такой подход не был распространен как признанная тенденция и как ведущий стиль поведения. Именно Дали и Галя доказали

значение не ценности, но цены произведения для оценки художника. Второй важной чертой измененной ими информационной подсистемы их культуры стало возведение эпатажа в инструмент завоевания рынка. Хотя обе эти ценностные ориентации уже существовали, пусть подспудно, в культурном поле, однако именно Дали сделал их ведущими, заложив на их основе базис для своего творчества, которое, будучи безусловно талантливым, могло бы не реализовываться полностью без новых технологий. Сами по себе приемы их поведения стали именно новыми технологиями успеха в мире масс-культуры, однако воспроизвести субкультуру, созданную этими художниками (а Галя, безусловно, также была творческой личностью), в полной мере было, конечно, невозможно, равно как и любую подсистему больших художников и ученых.

Возможен и другой вариант создания устойчивого сегмента внутри большой системы культуры, когда интенции людей, создавших субкультуру, настолько энергетически наполнены, что, даже при неполном (а иногда лишь частичном) совпадении их ценностей с ценностями, доминирующих в основной культуре, что изменяют все общекультурное пространство, исходя из своего понимания роли искусства и науки в данный момент времени и в данном социуме. Это может произойти не сразу и иногда занимает десятилетия, но постепенно большая система (культура) трансформируется. Так происходило и в науке с математикой Н.И. Лобачевского или квантовой теорией Э. Резерфорда, Н. Бора и В. Гейзенберга. Так происходило и в музыке, когда аютальная музыка А. Шенберга и А. Берга стала одной из основных линий в музыкальной жизни, реализовавшихся в произведениях К. Дебюсси, И. Стравинского, Б. Бартока, так происходило и с импрессионизмом, который стал, пусть не сразу, одним из наиболее востребованных течений в живописи.

При этом личности людей, входящих одновременно в разные контексты культуры и субкультурных сообществ, могут, не изменяя своей экзисфере, испытывать эмоциональный комфорт и развиваться, и творить. Однако, безусловно, важнейшие ценности человека должны сочетаться с ведущими ценностями его референтной группы, с необходимостью изменяясь, принимая важные для группы идеалы и ценности.

Таким образом, различные сценарии развития большой системы культуры и подсистем субкультур могут рассматриваться как разные дискурсы возможной связи устойчивости (постоянства) и изменчивости самой личности. Важным фактором при подобном развитии большой классической системы становятся уровни культурного капитала

*Культурный капитал:
постоянные и изменчивые уровни*

Как и понятие социального капитала, термин культурный капитал был введен П. Бурдьё [Bourdieu, Passeron 1999]. Он считал, что этот вид капитала определяет те виды потребления продуктов культуры, которые отличают людей разных социальных слоев друг от друга. Он также исходил из предположения, что в современных обществах элита стремится не просто передать свое статусное место потомкам, но инвестировать в их «культурный капитал», то есть в их образование, знакомство с культурными трендами, поднимая их компетентность в престижных и актуальных для конкретного времени сферах культуры. Эти идеи разрабатывались и в трудах П. ДиМаджио [DiMaggio, Mohr 1985], доказавшего, что знание важных культурных эталонов прямо коррелирует с карьерным ростом и социальным статусом.

В целом, было доказано, что вложение в культурный капитал является непреходящей ценностью, но его уровни и частично содержание изменяются. Разберем эти уровни с точки зрения целостности личности, прежде всего целостности в условиях кардинальных трансформаций.

Первый уровень – культурный капитал неизменно важен, вложение в него является непреходящей ценностью и это основа устойчивости во всех группах и системах. К тому же по уровню в иерархии потребления этих культурных ценностей можно диагностировать и принадлежность к определенному слою-группе, и личностные качества, и материальный-социальный статус, что тоже является устойчивым параметром.

Это классическая большая система, так как при изменении смысла самой информации о содержании культурного капитала в разных обществах и культурах, неизменной остается констатация того, что в той или иной степени взрослые вкладывают определенные, важные для данной культуры и данного общества знания, которые помогли бы детям занять более высокий социальный статус. Значение этого статуса, естественно, меняется, так же, как и его роль, с точки зрения родителей, – помогать в хозяйстве-бизнесе, поддерживать в старости, компенсировать упущенные родителями возможности и т.д.

Анализ любого уклада и любого социума доказывает, что этот уровень культурного капитала во многом является основанием для развития и совершенствования социума, его хозяйственного и творческого становления.

Второй уровень – содержание уровней потребления меняется, причем меняется часто даже не название уровня, но его составля-

ющая. Например, в современном обществе не оспаривается то, что ценность образования непреходяща, но содержание его меняется.

В разное время и в разных культурах менялись приоритеты направлений образования. Например, в середине XIX века в России важнейшими направлениями считались медицинское и биологическое образование, от которых ожидали решения самых актуальных вопросов, необходимых для развития общества в тот момент времени. В начале XX века во всем мире доминирующей стала физика, что было связано не только с успехами этой науки, но с новыми задачами общества. Этот всплеск интереса к физике был даже отражен в стихотворении известного поэта Б. Слуцкого «Что-то физики в почёте. Что-то лирики в заго-не. Дело не в сухом расчёте, Дело в мировом законе» [Слуцкий 1991].

В моменты становления общественного самосознания и этнической идентичности и в России, и в Германии XIX века наиболее востребованными становились гуманитарные науки, философия, психология. На протяжении десятилетий в XIX-XX веках одними из ведущих оставались технические профессии, а статус инженера был крайне высок. С развитием цифрового общества повышается престиж IT-технологий и, соответственно, вложение в это направление образования становится важной ценностью культурного капитала.

Но уровни культурного капитала дифференцируются не только по содержанию образования, но с точки зрения ценности определенных сфер потребления (еды, услуг), проведения досуга, моды. Например, еще недавно самым престижным видом культурного досуга было посещение концертов классической музыки. Даже если не вкладывались деньги в обучение музыке, они вкладывались в приобретение билетов на самые дорогие фестивали классической музыки (особенно престижным считался Зальцбургский фестиваль), на концерты в Венской филармонии. Именно там считалось крайне модным и необходимым появиться, там часто завязывались значимые для карьеры знакомства. Были и отдельные концерты, и, в меньшей степени, драматические спектакли, которые рассматривались как *must be*.

Но в последние годы престиж классики существенно упал, это видно по публике в Metropolitan opera, в Венской и Берлинской филармонии. Зато на концертах культовых рок музыкантов собирается современная элита, и именно эти билеты становятся самыми дорогими.

Еще в большей степени можно говорить о моде как феномене культурного капитала. Еще в середине прошлого века финансы вкладывались в драгоценности: появление в украшениях с драго-

ценными камнями свидетельствовало об определенном статусе человека. Однако уже в конце прошлого века более престижными показателем статуса и свидетельством «хорошего тона» в современном культурном тренде стала дорогая бижутерия, которая сейчас часто по цене не очень отличается от украшений из драгоценных камней, золота и платины.

Точно так же изменения содержания культурного капитала прослеживаются и в обстановке жилищ, офисов и, особенно, в одежде. Например, если в середине прошлого века брючные костюмы у женщин рассматривались как проявления своеобразного эпатажа, то сегодня – это один из самых распространенных видов туалета даже на приемах, например, на Met-gala. Также изменилось отношение к спортивной одежде, а спортивная обувь не только в повседневной жизни, но и в качестве выходной стала очень престижной и выпускается даже Chanel.

Поэтому важным компонентом культурного капитала как одного из элементов целостности личности становится толерантность в принятии изменения конкретного содержания этих уровней.

Заключение

Анализ понятий холизма, представлений о целостности личности людей в транзитивном мире показывает значимость подхода к культуре и субкультуре как к элементам большой информационной системы, способствующим гармоничному сочетанию стабильности и развития. Понимание ценности культурного капитала, его постоянных и трансформирующихся уровней, а, главное, модификации содержания этих уровней также приводит к осознанию гармонии между устойчивостью и изменчивостью. Тогда многообразные сценарии построения своей жизни в культурном поле и реализация содержания различных уровней культурного капитала могут рассматриваться как разные дискурсы возможной связи устойчивости (постоянства) и изменчивости самой личности.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта РНФ 22-18-00140 «Динамическая устойчивость личности в пространстве социокультурной неопределенности».

Acknowledgments

The research was carried out with the support of Russian Scientific Foundation, project No 22-18-00140 “Dynamic stability of personality in the space of sociocultural uncertainty”.

Литература

Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. Психология. Социология. 2011. Вып. 4. С. 109–116.

Константа в неопределенном 2009 – Константа в неопределенном и меняющемся мире: маленькая психологическая серенада к юбилею Г.М. Андреевой / Под ред. Ю.П. Зинченко, Т.Д. Марцинковской. М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2009.

Марцинковская 2015a – *Марцинковская Т.Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.

Марцинковская 2015b – *Марцинковская Т.Д.* История, культура, развитие как образующие историко-генетической парадигмы // Культурно-историческая психология. 2015. № 4. С. 69–78.

Марцинковская 2015c – *Марцинковская Т.Д.* Эстетическая парадигма в современной психологии: гармонизация переживаний времени и пространства // Вопросы психологии. 2015. № 6. С. 1–11.

Марцинковская 2016 – *Марцинковская Т.Д.* Культура и субкультура в пространстве психологического хронотопа. М.: Смысл, 2016.

Марцинковская 2021 – *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2. С. 31–45.

Слущкий 1991 – *Слущкий Б.А.* Физики и лирики // Собрание сочинений в 3-х томах. Т. 1 / Сост. Ю. Болдырев. М.: Художественная литература, 1991. С. 351.

Шпет 2007 – *Шпет Г.Г.* Философия и психология культуры. М.: Наука, 2007.

Everett 1957 – *Everett H.* «Relative State» Formulation of Quantum Mechanics // Reviews of Modern Physics. 1957. Vol. 29. P. 454–462.

Bourdieu, Passeron 1990 – *Bourdieu P., Passeron J.-C.* Reproduction in education, society and culture. London: Sage, 1990.

DiMaggio, Mohr 1985 – *DiMaggio P., Mohr J.* Cultural capital, educational attainment, and marital selection // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 90. P. 1231–1257.

References

- Bourdieu, P. and Passeron, J.-C. (1990), *Reproduction in education, society and culture*, Sage, London, UK.
- DiMaggio, P. and Mohr, J. (1985), “Cultural capital, educational attainment, and marital selection”, *American Journal of Sociology*, vol. 90, pp. 1231–1257.
- Everett, H. (1957), “«Relative State» Formulation of Quantum Mechanics”, *Reviews of Modern Physics*, vol. 29, pp. 454–462.
- Grishina, N.V. (2011), “Existential problems of a person as a life challenge”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta, Series 12, Psikhologiya. Sotsiologiya*, vol. 4, pp. 109–116.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), *Problema sotsializatsii v istoriko-geneticheskoy paradigme* [The problem of socialization in the historical-genetic paradigm], Smysl, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), “History, culture, development as forming the historical-genetic paradigm”, *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no. 4, pp. 69–78.
- Martsinkovskaya, T.D. (2015), “Aesthetic paradigm in modern psychology: harmonization of experiences of time and space”, *Voprosi psikhologii*, no. 6, pp. 1–11.
- Martsinkovskaya, T.D. (2016), *Kul'tura i subkul'tura v prostranstve psikhologicheskogo khronotopa* [Culture and subculture in the space of the psychological chronotope], Smysl, Moscow, Russia.
- Martsinkovskaya, T.D. (2021), “New methodology of the investigation transitive space of changing personality”, *Novyye psikhologicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 31–45.
- Shpet, G.G. (2016), *Filosofiya i psikhologiya kul'tury* [Philosophy and psychology of culture], Nauka, Moscow, Russia.
- Sluzkiy, B.A. (1991), “Physics and Lyrics”, in Boldyrev Yu. (ed.), *Sobranie sochineniy v 3-x tomah. Tom 1* [Collected works in 3 volumes. Vol. 1], Hudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia.
- Zinchenko, Yu.P. and Martsinkovskaya, T.D. (ed.) (2009), *Konstanta v neopredelennom i menyayushhemsya mire: malen'kaya psikhologicheskaya serenada k yubileyu G.M. Andreevoy* [Constant in an uncertain and changing world: a little psychological serenade for the anniversary of G.M. Andreeva], Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *martsinkovskaya.t@rggu.ru*

Information about the author

Tatiana D. Marsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Psychological institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mohovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *martsinkovskaya.t@rggu.ru*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-26-46

Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности

Владимир А. Мохов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vlmokhov@gmail.com*

Светлана Л. Бабушкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия svetlana.babushkina@gmail.com*

Аннотация. Неопределенность является неотъемлемой объективной чертой современного мира. Вызовы неопределенности приобрели особый смысл в последнее время в связи с пандемией, привнесшей небывалый уровень тревоги и актуализировавшей экзистенциальные проблемы. Главным инструментом в способности принятия неоднозначности картины мира и обнаружения новых возможностей в условиях неопределенности является смысл. Экзистенциальный опыт, выраженный в переживании проблем смерти, свободы, одиночества и смысла, глубоко эмоционально затрагивая человека, становится источником личностных изменений и осуществляет ценностно-смысловую регуляцию всей его жизни. Цель данной работы – анализ роли экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности. В ходе работы изучались письменные интервью 108 респондентов в возрасте 25-45 лет, проведенные в период второй волны коронавируса в Москве, на представленность в них экзистенциальных проблем. Выделены типы переживания экзистенциального опыта, проведен эмпирический анализ связи особенностей переживания экзистенциального опыта с показателями толерантности к неопределенности, жизнестойкости, личностной тревожности, субъективного счастья и доверия к миру. По результатам развернутое переживание экзистенциального опыта положительно связано с большей экзистенциальной исполненностью. Наличие ресурса при этом также положительно связано с большей жизнестойкостью и меньшей личностной тревожностью. Толерантность к неопределенности положительно коррелирует с субъективным счастьем у респондентов с

развернутым типом переживания экзистенциального опыта. Делается предположение о том, что развернутое переживание экзистенциального опыта способствует личностной зрелости, увеличению доверия к миру и обретению творческой позиции по отношению к жизни, выражающейся не только в успешном совладании с тревогой, но и в удовольствии от творческого преобразования ситуации неопределенности.

Ключевые слова: экзистенциальный опыт, толерантность к неопределенности, субъективное счастье, доверие к миру, экзистенциальная исполненность, пандемия

Для цитирования: Мохов В.А., Бабушкина С.Л. Роль экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 26–46. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-26-46

The role of existential experience in processing uncertainty

Vladimir A. Mokhov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vlmokhov@gmail.com*

Svetlana L. Babushkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, svetlana.babushkina@gmail.com*

Abstract. Uncertainty is an objective feature of the modern world. The uncertainty has acquired a special meaning recently in connection with the pandemic, which has brought an unprecedented level of anxiety and actualized existential givens. According to research, the main tool in the ability to accept the ambiguity of the world and discover new opportunities in the face of uncertainty is meaning. Existential experience, expressed in processing existential givens of death, freedom, loneliness and meaning, deeply affecting a person, becomes a source of personal changes and carries out value-semantic regulation of a person's entire life. The purpose of the study is to analyze the role of existential experience in processing uncertainty. Written interviews of 108 subjects aged 25-45, which took place during the second wave of coronavirus in Moscow, were studied for the presence of existential issues. The types of processing existential experience were singled out; an empirical analysis of the relationship between the aspects of processing existential experience and indicators of tolerance for ambiguity, hardiness, trait anxiety, subjective happiness and basic hope were carried out. According to the results, emotional

processing of existential experience is positively associated with greater existential fulfillment. Together with presence of personal resources it is positively associated with greater hardiness and low level of trait anxiety. Tolerance to ambiguity positively correlates with subjective happiness in respondents with an emotional type of processing existential experience. An assumption is made that an emotional type of processing existential experience contributes to personal maturity, an increase in basic hope and the acquisition of a creative position in relation to life, which is expressed not only in successful coping with anxiety, but also in the pleasure of creative transformation of uncertainty.

Keywords: existential experience, existential givens, tolerance to ambiguity, uncertainty, existential fulfillment, basic hope, subjective happiness, pandemic

For citation: Mokhov, V.A. and Babushkina, S.L. (2022), "The role of existential experience in processing uncertainty", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 26–46. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-26-46

Введение

Описывая особенности современного мира, психологи последних десятилетий все чаще говорят о росте неопределенности [Асмолов 2015]. Эти перемены обусловлены изменениями социального контекста жизни человека, характеризующимися социальной вариабельностью, изменением культурных норм и ценностей, а также высокой скоростью протекающих изменений. Согласно Д.А. Леонтьеву, неопределенность является неотъемлемой объективной чертой современного мира. Говоря об отношении к неопределенности, Д.А. Леонтьев описывает постепенное усложнение картины мира в процессе онтогенеза: от максимально простого представления об окружающей действительности в детстве, до неоднозначной и вариативной картины мира во взрослом возрасте. При этом многие взрослые люди стремятся сохранить упрощенное видение мира, поддерживаемое современной массовой культурой, отказываясь принять неопределенность жизни как возможность личностного роста [Леонтьев 2015]. В результате проведенного Е.Т. Соколовой исследования было описано пять видов переживания субъективной неопределенности: первый тип характеризуется невыносимой тревогой, второй носит менее выраженный негативный аффект, переживается как противоречивость и сложность, третий вид выражается в отказе от автономии и проявлении выраженного конформизма, четвертый – погружение в хаос и отказ от правил и норм, и, наконец, пятый связан с переживанием интереса и удовольствия и направлен на творческое преобразование неопределенности.

При этом большинство людей переживает неопределенность как нечто негативное и угрожающее [Соколова 2015].

Неопределенность, связанная с невозможностью контролировать ожидаемый результат развития событий, вызывает чувство тревоги. С точки зрения экзистенциальной мысли, неопределенность, равно как и тревога, неотделима от человеческой жизни [Леонтьев 2004]. По Р. Мэю, любая творческая интеллектуальная деятельность предполагает наличие как тревоги, так и интереса, позволяя реализовать свой внутренний потенциал, преодолевая разрыв между ожиданием и реальностью [May 1977]. Еще один конструкт, тесно связанный с проблемой неопределенности, – введенное С. Мадди понятие «жизнестойкость», представляющее собой форму экзистенциального мужества, позволяющего личности в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний и преодолевать тревогу. Результаты большого количества исследований Д.А. Леонтьева, посвященных проблеме неопределенности, говорят о том, что толерантность к неопределенности связана с такими личностными особенностями, как жизнестойкость, осмысленность жизни, оптимизм. А также со способностью принимать жизненно важные решения и совершать «выбор будущего» [Леонтьев, Мандрикова 2005; Фам 2015]. Именно положительное отношение к неопределенности способствует развитию личности и сопротивляемости стрессам. Суть такого отношения заключается «в том, чтобы отказаться от детской иллюзии стабильности и однозначности картины мира и вырабатывать более взрослую позицию принятия неопределенности, другой стороной которой выступает обнаружение новых возможностей» [Леонтьев 2015, с. 8].

Вызовы неопределенности современного мира приводят к необходимости выстраивания человеком собственной структуры смыслов и ценностей, которая позволит ему максимально полно прожить жизнь, реализуя свой потенциал. Согласно В.В. Знакову, именно экзистенциальный опыт осуществляет ценностно-смысловую регуляцию всей жизни человека [Знаков 2014]. Экзистенциальный опыт является результатом переживания человеком экзистенциальных проблем смерти, свободы, одиночества и смысла. Они актуализируются на разных этапах жизни в связи с возрастными изменениями, жизненными событиями, внутренней потребностью в переменах. По результатам исследования изменений ценностно-смысловой сферы у студентов Н.В. Гришина приходит к выводу, что «взросление человека выводит его на уровень проживания экзистенциальной проблематики, а обретаемый им экзистенциальный опыт становится источником его личностных изменений» [Гришина 2015, с.5].

Экзистенциальный опыт находит отражение в базовых имплицитных теориях, определяет базовое представление человека о мире и является ценностно-смысловым регулятором его поведения на разных уровнях жизнедеятельности [Гришина 2015]. М.В. Аллахвердов провел экспериментальное исследование имплицитной теории доверия и делает вывод о том, что показатель доверия к миру определяет поведение человека в разных жизненных ситуациях [Аллахвердов, Гришина 2013]. Согласно Т. Скрипкиной, доверие к миру – это постоянно меняющееся и нуждающееся в пересмотре и опытной проверке, динамическое образование личности, основная функция которого заключается в интеграции картины мира в единую систему. Она рассматривает доверие как некое условие взаимодействия человека с миром, предшествующее самому взаимодействию, проявляющееся в результате активности индивида [Скрипкина 2011]. Это заключение согласуется с экзистенциальной парадигмой, акцентирующей внимание на интенциональной активности личности, связанной с непрерывным развитием. Таким образом, экзистенциальный опыт оказывает влияние на базовые представления о мире, формирует его отношения с окружающими, влияя на ход всей жизни человека.

Основным структурным элементом экзистенциального опыта является переживание. Экзистенциальный опыт, наделяя впечатления глубоким личностным смыслом, может привести к изменению восприятия мира, а также сущности самой личности [Фахрутдинова 2013]. Переживание экзистенциального опыта как ответ на актуализацию метапотребностей личности связано с понятием экзистенциальной исполненности. Экзистенциальная исполненность максимально полно описана в концепции фундаментальных мотиваций А. Лэнгле и «показывает, много ли осмысленного в моей жизни, как часто я живу с внутренним согласием, соответствуют ли моей сущности мои решения и поступки, могу ли я вносить хорошее, как я его понимаю, в жизнь» [Кривцова и др. 2009, с. 141].

Другим понятием, тесно связанным с исполненностью личности, является субъективное благополучие. М. Селигман выделил понятия «приятная жизнь», «достойная жизнь» и «осмысленная жизнь». В условиях приятной жизни преобладают удовольствия и комфорт, достойная жизнь включает в себя реализацию собственного потенциала, осмысленная жизнь предполагает реализацию личного смысла посредством вклада в общество, выхода за собственные пределы. Понятие осмысленной жизни по Селигману наиболее близко к пониманию исполненности жизни в рамках экзистенциального подхода [Гришина 2016]. Эта разница

нашла отражение в понятиях эвдемонического, подразумевающего осмысленную активную включенность в мир, и гедонистического, связанного с чувственным удовольствием и поддержанием гомеостаза, благополучия. Исследования подтверждают, что респонденты с высоким уровнем экзистенциальной исполненности соотносят понятие счастья с вовлеченностью в мир, с низким уровнем экзистенциальной исполненности – с комфортом и отсутствием проблем [Карташева, Гришина 2015]. Канадский психолог В. Хута, проведя теоретический и эмпирический анализ отличий эвдемонии и гедонии, пришла к выводу, что поведение, характеризующееся преодолением гомеостаза и выходом за пределы себя, может сопровождаться переживанием радости и удовольствия [Huta 2016].

Неопределенность последних десятилетий приобрела особый смысл во время эпидемии коронавирусной инфекции. Опыт собственной болезни, болезнь и утрата близких, меры ограничений передвижения и общения, потеря работы или финансовые ограничения привнесли небывалый уровень неопределенности и экзистенциальной тревоги [Blustein, Guarino 2020]. Проведенное нами исследование в период второй волны коронавируса в Москве показало, что в опыте 90% испытуемых актуализированы одна или несколько экзистенциальных данностей – тем смерти, одиночества, свободы и смысла. Более половины респондентов демонстрировали повышенный уровень личностной тревожности [Мохов, Бабушкина 2021]. Зарубежные исследования, осуществленные во время пика коронавирусной инфекции, свидетельствуют о том, что доверие к миру, осмысленность и удовлетворенность жизнью служат буфером против тревоги, а также способствуют продуктивности мышления и поведения в ситуации неопределенности [Trzebinski et al. 2020]. В них также отмечается положительный эффект переживания экзистенциальной тревоги для раскрытия человеческого потенциала, что подтверждает опосредующую связь экзистенциальной тревоги и уровня удовлетворенности жизнью между симптомами посттравматического стресса и посттравматическим ростом за счет запуска процесса смыслообразования [Tomaszek, Muchacka-Suerman 2020].

Наша работа была посвящена исследованию роли экзистенциального опыта в переживании ситуации неопределенности, вызванной пандемией коронавируса. Для этого мы проанализировали письменные интервью респондентов, проходившие в период второй волны пандемии в Москве, на представленность экзистенциальных тем смерти, одиночества, свободы и смысла, выделили типы переживания экзистенциального опыта и про-

вели проверку связи особенностей переживания экзистенциального опыта с показателями толерантности к неопределенности, жизнестойкости, личностной тревожности, субъективного счастья и доверия к миру.

Выборка. В исследовании приняли участие 108 человек, из них 87 женщин и 21 мужчина. Возрастной диапазон от 25 до 45 лет (средний возраст 35).

Методики. Для исследования особенностей переживания экзистенциального опыта было проведено письменное интервью. Респондентам предлагалось развернуто описать 3-5 значимых или примечательных события, произошедших с ними за последний год, а также включить в этот рассказ эмоциональное отношение к ним.

Для исследования экзистенциальной исполненности был использован опросник «Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций» в адаптации В.Б. Шумского, Е.М. Уколовой и др. [Шумский и др. 2016].

Для исследования субъективной удовлетворенности жизнью применялась «Шкала субъективного счастья» С. Любомирски в адаптации Д. Леонтьева [Осин, Леонтьев 2020].

Для определения базового доверия к миру – субшкала «Доброжелательность окружающего мира» «Шкалы базисных убеждений» Р. Янов-Бульман в адаптации М.А. Падуна, А.В. Котельниковой [Падун, Котельникова 2008].

Толерантность к неопределенности выявлялась с привлечением «Шкалы толерантности к неопределенности» Д. Маклейна в адаптации Е. Осина [Осин 2010].

Для исследования уровня тревожности была использована «Шкала личностной тревожности» Ч.Д. Спилберга в адаптации Ю.Л. Ханина [Сергиенко и др. 2003].

Жизнестойкость исследовалась с помощью «Теста жизнестойкости» С. Мадди в модификации Е. Осина и Е. Рассказовой (сокращенная версия) [Осин, Рассказова 2013].

Сбор данных проводился анонимно онлайн (Google Forms) с декабря 2020 по март 2021 года. Цели исследования сообщались участникам в общем виде.

Методы обработки данных. Для анализа письменных интервью респондентов на представленность экзистенциальных тем, а также выделения особенностей переживания экзистенциального опыта был проведен контент-анализ данных. Для анализа связи особенностей переживания экзистенциального опыта с показателями толерантности к неопределенности, жизнестойкости, лич-

ностной тревожности, субъективного счастья и доверия к миру использовались методы статистической обработки с помощью IBM SPSS Statistics 23.

Анализ представленности экзистенциальных данностей и выделение типов переживания экзистенциального опыта

Проведенный анализ переживания экзистенциального опыта в письменных интервью респондентов показал, что в опыте 90% испытуемых актуализирована одна или несколько экзистенциальных данностей [Мохов, Бабушкина 2021].

С помощью контент-анализа письменных интервью были выделены четыре группы респондентов с разным типом переживания экзистенциального опыта. Основными критериями для определения групп и последующего анализа стали:

1. Наличие развернутых чувственных переживаний и/или рефлексии опыта (или же событийных, нерефлексивных его описаний, не наполненных чувственно).

2. Наличие или дефицит эмоциональных ресурсов, выраженных в преобладании позитивного или негативного эмоционального опыта, а также активностью или пассивностью позиции респондента по отношению к жизни.

Соответствующие группы распределились в выборке следующим образом: развернутое переживание экзистенциального опыта с наличием ресурса (РР) – 42% респондентов, развернутое переживание экзистенциального опыта с дефицитом ресурса (РД) – 30%, краткое описание опыта с наличием ресурса (КР) – 18%, краткое описание опыта с дефицитом ресурса (КД) – 11%. Более подробное описание групп можно найти в предыдущей статье [Мохов, Бабушкина 2021].

Гипотезы

Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта имеют более высокий уровень экзистенциальной исполненности по сравнению с респондентами с кратким типом переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурсов.

Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта имеют более высокий уровень субъективного счастья по сравнению с респондентами с кратким типом переживания экзистенциального опыта с соответствующим уровнем ресурса. Кроме того, содержательное наполнение субъективного счастья будет отличаться у респондентов с кратким и развернутым типом переживания экзистенциального опыта.

Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта имеют более высокий уровень толерантности к неопределенности, жизнестойкости и более низкий уровень личностной тревожности по сравнению с респондентами с кратким типом переживания экзистенциального опыта с соответствующим уровнем ресурса.

Толерантность к неопределенности и жизнестойкость будут выше, а уровень личностной тревожности ниже с возрастанием экзистенциальной исполненности, субъективного счастья и доверия к миру у респондентов с развернутым типом переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурсов.

Результаты

Для анализа *связи особенностей экзистенциального опыта с экзистенциальной исполненностью* было проведено сравнение результатов опросника ТЭМ А. Лэнгле по критерию Манна-Уитни в группах с развернутым и кратким типом переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурса.

Таблица 1

Различия в экзистенциальной исполненности по ТЭМ А. Лэнгле в группах с развернутым и кратким типом переживания опыта вне зависимости от наличия ресурсов, средние

Шкала ТЭМ	Среднее в группе РР+РД	Среднее в группе КР+КД	Р уровень значимости
Общий показатель ЭИ	109,5 ± 17,6	101 ± 15,6	0,00

Общий показатель экзистенциальной исполненности в группах с развернутым переживанием экзистенциального опыта (РР+РД) значимо выше уровня экзистенциальной исполненности в группах с кратким описанием опыта (КР+КД). Гипотеза подтверждается.

Для анализа связи особенностей переживания экзистенциального опыта с субъективным счастьем было проведено сравнение результатов опросника ШСС С. Любомирски в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта по критерию Манна-Уитни.

Анализ субъективного счастья в группах РР и КР, а также в группах РД и КД не показал значимых отличий между группами. Уровень субъективного счастья в группе РР значимо выше уровня субъективного счастья в группе РД ($p < 0,001$). Уровень субъективного счастья в группе КР значимо выше уровня субъективного счастья в группе РД ($p < 0,01$). Уровень субъектив-

ного счастья в группе РР значимо выше уровня субъективного счастья в группе КД ($p < 0,001$).

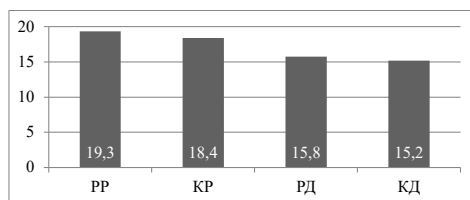

Рис. 1. Показатель субъективного счастья по ШСС С. Любомирски в изучаемых группах, средние

Мы также проанализировали различия в наполнении субъективным счастьем у людей с разным типом переживания экзистенциального опыта. Для этого мы провели корреляционный анализ на основе данных по методике ШСС и данных по опросникам ТЭМ, ШБУ, ШТН, «Тест жизнестойкости» и ШЛТ в изучаемых группах (по критерию Спирмена).

Таблица 2

Корреляционный анализ показателя субъективного счастья в группах РР, РД, КР и КД (отражены шкалы методик, имеющие значимую корреляцию с показателем субъективного счастья в одной из групп)

Субъективное счастье				
	РР	РД	КР	КД
ТЭМ: защищенность	0,351*	0,397*		
ТЭМ: пространство	0,386**	0,389*		
ТЭМ: соотнесенность	0,571**		0,480*	
ТЭМ: близость	0,361*	0,393*	0,458*	
ТЭМ: интересов. внимание	0,311*			0,605*
ТЭМ: включенность во взаимосвязи			0,572*	
ТЭМ: Экзист.исполненность	0,514**	0,351*		
ШБУ: Доброжелат.окр. мира	0,332*	0,369*		
ШБУ: убеждение о контроле	0,471**		0,473*	
Толерантность к неопределен.	0,333*			
Жизнестойкость: вовлеченность	0,458**			0,665*
Жизнестойкость	0,487**			
Индекс ЛТ	-0,476**	-0,447*		

Примечания. * уровень значимости $p < 0,05$, ** уровень значимости $p < 0,01$

В группе РР субъективное счастье значимо связано с экзистенциальной исполненностью, убеждением в доброжелательности окружающего мира, жизнестойкостью, толерантностью к неопределенности, а также отрицательно связано с личностной тревожностью. В группе РД субъективное счастье связано с экзистенциальной исполненностью, убеждением в доброжелательности окружающего мира, а также отрицательно связано с личностной тревожностью. В группе КР субъективное счастье значимо связано с соотнесенностью и эмоциональной близостью с людьми, включенностью во взаимосвязи и с убеждением о способности контролировать происходящие с ними события. В группе КД субъективное счастье связано с заинтересованным вниманием к собственному «Я» и чувством вовлеченности в жизнь. Гипотеза подтверждается частично.

Для анализа *связи экзистенциального опыта с толерантностью к неопределенности* было проведено сравнение результатов опросника «Шкала толерантности к неопределенности» Д. Маклейн в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта по критерию Манна-Уитни.

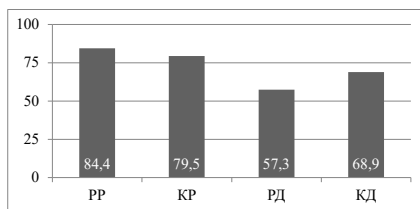

Рис. 2. Показатель толерантности к неопределенности (интегральный) шкалы толерантности к неопределенности Д. Маклейн в изучаемых группах, средние.

Анализ толерантности к неопределенности в группах РР и КР, а также группах КР и КД не показал значимых отличий. Толерантность к неопределенности в группе РР значимо выше по сравнению с группой РД ($p < 0,001$). Толерантность к неопределенности в группе КР значимо выше по сравнению с группой РД ($p < 0,001$). Толерантность к неопределенности в группе РР значимо выше по сравнению с группой КД ($p < 0,01$).

Для анализа *связи экзистенциального опыта с жизнестойкостью* было проведено сравнение результатов опросника «Тест жизнестойкости» С. Мадди в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта по критерию Манна-Уитни.

Уровень жизнестойкости в группе РР значимо выше уровня жизнестойкости в группе КР ($p < 0,05$). В группе РР уровень

жизнестойкости значительно выше по сравнению с группой РД ($p < 0,001$). В группе КР уровень жизнестойкости значительно выше по сравнению с группой с КД ($p < 0,02$). В группе КР уровень жизнестойкости значительно выше по сравнению с группой РД ($p < 0,001$).

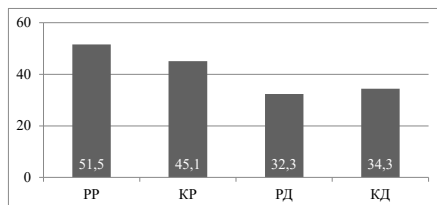

Рис. 3. Показатель жизнестойкости (интегральный) теста жизнестойкости С. Мади в изучаемых группах, средние.

Для анализа связи особенностей экзистенциального опыта с личностной тревожностью было проведено сравнение результатов опросника ШЛТ Ч.Д. Спилберга по критерию Манна-Уитни в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта. В качестве нормы взят верхний предел, отвечающий умеренной личностной тревожности, в соответствии с диагностическими критериями предоставленными авторами методики.

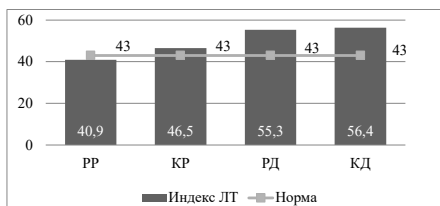

Рис.4. Показатель личностной тревожности шкалы личностной тревожности Ч.Д. Спилберга в изучаемых группах, средние

Индекс личностной тревожности в группе РР соответствует умеренному уровню тревожности, остальных групп – высокому.

Уровень личностной тревожности в группе РР значительно ниже уровня тревожности в группе КР ($p < 0,05$). Анализ личностной тревожности в группах РД и КД не показал значимых отличий. В группе РР уровень личностной тревожности значительно ниже по сравнению с группой РД ($p < 0,01$). В группе КР уровень личностной тревожности значительно ниже по сравнению с группой КД ($p < 0,01$). В группе КР уровень личностной тревожности значительно ниже по сравнению с группой РД ($p < 0,01$). В группе РР

уровень личностной тревожности значимо ниже по сравнению с группой КД ($p < 0,01$). Гипотеза подтверждается частично.

Для анализа экзистенциального опыта, экзистенциальной исполненности, субъективного счастья и базового доверия к миру как личностных факторов толерантности к неопределенности (включая жизнестойкость и уровень личностной тревожности) был проведен корреляционный анализ показателя толерантности к неопределенности по методике ШТН с общим показателем экзистенциальной исполненности ТЭМ, опросником ШСС, показателем «доброжелательность окружающего мира» методики ШБУ, интегральным показателем жизнестойкости методики «Тест жизнестойкости», и опросником ШЛТ в группах с разным типом переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурсов по критерию Спирмена.

Таблица 3

Корреляционный анализ показателя толерантности к неопределенности в группах с развернутым и кратким типами переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурсов

Толерантность к неопределенности (интегральная)		
	РР+РД	КР+КД
Экзистенциальная исполненность (интегральная)	0,707**	0,739**
Субъективное счастье	0,429**	
ШБУ: Доброжелательность окружающего мира	0,529**	0,469**
Жизнестойкость (интегральная)	0,634**	0,759**
Индекс ЛТ	-0,701**	-0,613**

Примечания. * уровень значимости $p < 0,05$, ** уровень значимости $p < 0,01$

В группах с развернутым переживанием экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурса (РР+РД) толерантность к неопределенности значимо связана с экзистенциальной исполненностью, субъективным счастьем, убеждением в доброжелательности окружающего мира, уровнем жизнестойкости, а также отрицательно связана с уровнем личностной тревожности. В группах с кратким описанием экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурса (КР+КД) толерантность к неопределенности значимо связана с экзистенциальной исполненностью, убеждением в доброжелательности окружающего мира, с уровнем жизнестойкости, а также отрицательно связана с уровнем личностной тревожности. Гипотеза подтверждается.

Обсуждение результатов

Развернутое переживание экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурса положительно связано с большей экзистенциальной исполненностью. Экзистенциальная исполненность характеризует зрелую личность, осмысленно проживающую жизнь, открытую к взаимодействию с миром через способность переживать данности своего существования. Согласно В.П. Зинченко, главным инструментом в преодолении неопределенности является смысл [Зинченко 2007]. Таким образом, развернутое чувственное переживание экзистенциального опыта способствует осмысленной и активной включенности в мир, создавая предпосылки к успешному совладанию и творческому преобразованию неопределенности.

Респонденты с наличием ресурсов имеют более высокий уровень субъективного счастья по сравнению с респондентами с дефицитом ресурсов. Проведенные ранее исследования свидетельствовали о связи субъективного благополучия с уровнем экзистенциальной исполненности [Гришина 2016]. Однако, учитывая, что данное исследование было проведено в период пандемии, результат может говорить о важности ресурсов в период потрясений, связанных с наличием угрозы жизни и безопасности.

Наполнение субъективного счастья различается у респондентов с развернутым и кратким типом переживания экзистенциального опыта. Субъективное счастье респондентов с развернутым типом переживания экзистенциального опыта связано с осмысленностью жизни, внутренним согласием ценностей, решений и действий, активной включенностью в мир. Наличие ресурсов при этом способствует удовлетворенности личности при встрече с неопределенными и сложными ситуациями, что может говорить о творческой исследовательской позиции человека по отношению к жизни. Субъективное же счастье респондентов с кратким типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов положительно связано с соотнесенностью и близостью с людьми, включенностью во взаимосвязи (субшкалы ТЭМ А. Лэнгле) и убежденностью в способности контролировать происходящие с ними события. Эти данные говорят о субъективной важности взаимосвязей с людьми при наличии частично закрытой позиции по отношению к миру, что может свидетельствовать о недостаточной эмоциональной зрелости людей с дефицитом чувственных переживаний и рефлексии значимого опыта. Субъективное счастье респондентов с кратким типом переживания экзистенциального опыта и дефицитом ресурсов положительно связано с заинтересованным вниманием к собственному «Я» (субшкала ТЭМ А. Лэнгле) и вовлеченностью в жизнь (субшкала Теста

Жизнестойкости Мадди), что может говорить о сжатости внутреннего мира и о низкой дифференцированности эмоциональных переживаний людей с кратким типом переживания опыта и дефицитом ресурсов.

Развернутое переживание экзистенциального опыта и наличие ресурсов положительно связаны с более высоким уровнем жизнестойкости и более низким уровнем личностной тревожности. Респонденты с развернутым типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов имеют умеренный уровень личностной тревожности, респонденты с другими типами переживания экзистенциального опыта – высокий уровень тревожности. Полученные данные могут говорить о том, что дефицит устойчивости личности в условиях угрозы жизни и безопасности связан как с отсутствием как ресурсов необходимых для переживания экзистенциальной тревоги, так и доступа к чувственным переживаниям и рефлексии опыта. Способность к развернутому чувственному переживанию экзистенциального опыта и наличие ресурса связана с устойчивостью личности, проявляющейся в форме экзистенциального мужества, позволяющего в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний, преодолевать тревогу даже в ситуации угрозы жизни и безопасности и оставаться открытыми новому опыту в условиях неопределенности.

Значимых отличий в толерантности к неопределенности между кратким и развернутым типом переживания экзистенциального опыта и наличием ресурсов выявлено не было. Это может быть вызвано снижением творческой, надситуативной активности у людей с развернутым типом переживания экзистенциального опыта, и перенаправлением ресурсов на совладание со стрессом в условиях угрозы жизни и безопасности, характеризующей пандемию. А также о наличии защит от тревоги, обусловленной угрозой жизни, у респондентов с дефицитом чувственных переживаний и сохранение ими прежней активности.

Толерантность к неопределенности и жизнестойкость повышаются, а уровень личностной тревожности понижается с возрастанием экзистенциальной исполненности, субъективного счастья и доверия к миру у респондентов с развернутым типом переживания экзистенциального опыта вне зависимости от наличия ресурсов. Согласно Д.А. Леонтьеву, именно способность положительного отношения к неопределенности помогает развитию личности и сопротивляемости стрессам [Леонтьев 2015]. Положительная корреляция между толерантностью к неопределенности и субъективным счастьем у респондентов с развернутым типом переживания экзистенциального опыта позволяет сделать

предположение о том, что развернутое переживание экзистенциального опыта способствует личностной зрелости, увеличению доверия к миру и обретению творческой позиции по отношению к жизни, выражающейся не только в успешном совладении с тревогой, но и в удовольствии от творческого преобразования неопределенности.

Вывод

Опираясь на полученные данные, можно говорить о разных способах взаимодействия личности с миром у респондентов с кратким и развернутым типами переживания экзистенциального опыта. Развернутое переживание экзистенциального опыта связано с осмысленной и активной включенностью в мир, позволяющей в меньшей степени зависеть от ситуативных переживаний, а также с восприятием неопределенности как источника новых возможностей и переживанием удовольствия от ее творческого преобразования.

Литература

Аллахвердов, Гришина 2013 – *Аллахвердов М.В., Гришина Н.В.* Модель имплицитной теории доверия: Экспериментальная проверка // Вестник СПбГУ. 2013. № 4. С. 28–35.

Асмолов 2015 – *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 40 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 мая 2022).

Гришина 2015 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальная психология в поисках своего вектора развития [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 42 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 мая 2022).

Гришина 2016 – *Гришина Н.В.* Психологическое благополучие в экзистенциальном понимании: эмпирические особенности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2016. № 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 мая 2022).

Зинченко 2007 – *Зинченко В.П.* Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция? // Вопросы психологии. 2007. № 6. С. 3–20.

Знаков 2014 – *Знаков В.В.* Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 16–29.

Карташева, Гришина 2015 – *Карташева Ю.В., Гришина Н.В.* Экзистенциальные корреляторы психологического благополучия // Научные ис-

следования выпускников факультет психологии СПбГУ. 2015. Т. 3. С. 57–62.

Кривцова и др. 2009 – *Кривцова С.В., Лэнгле А., Орглер К.* Шкала экзистенции (Existenzscala) А. Лэнгле и К. Орглер // Экзистенциальный анализ ИЭАПП. Бюллетень. 2009. № 1. С. 141–170.

Леонтьев 2004 – *Леонтьев Д.А.* Смысл смерти: на стороне жизни // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. 2004. № 2 (5). С. 40–50.

Леонтьев 2015 – *Леонтьев Д.А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 40 (8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 2 мая 2022).

Леонтьев, Мандрикова 2005 – *Леонтьев Д.А., Мандрикова Е.Ю.* Моделирование «Экзистенциальной дилеммы»: Эмпирическое исследование личностного выбора // Вестник Московского университета. 2005. № 4. С. 37–42.

Мохов, Бабушкина 2021 – *Мохов В.А., Бабушкина С.Л.* Особенности переживания экзистенциального опыта и его связь с тревожностью в период пандемии COVID-19 // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 4. С. 24–40.

Осин 2010 – *Осин Е.Н.* Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86.

Осин, Леонтьев 2020 – *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142.

Осин, Рассказова 2013 – *Осин Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 2. С. 147–165.

Падун, Котельникова 2008 – *Падун М.А., Котельникова А.В.* Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. № 4 (29). С. 98–106.

Сергиенко и др. 2003 – *Сергиенко С.К., Бодров В.А., Писаренко Ю.Э.* Практикум по инженерной психологии и эргономике: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Под ред. Ю.К. Стрелкова. М.: Издательский центр «Академия», 2003.

Скрипкина 2011 – *Скрипкина Т.П.* Антиномия доверия к миру и доверия к себе в человеческом бытии // Проблемы развития и бытия личности. 2011. № 3. С. 111–131.

Соколова 2015 – *Соколова Е.Т.* Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. С. 896 с.

Фам 2015 – *Фам А.Х.* Индивидуальные особенности выбора в ситуациях различной значимости: автореф. дис ... канд. псих. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. 35 с.

Фахрутдинова 2013 – *Фахрутдинова Л.Р.* Переживание, впечатление и экзистенциальный опыт // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 455.

Шумский и др. 2016 – *Шумский В.Б., Уколова Е.М., Осин Е.Н., Лунандина Я.Д.* Диагностика экзистенциальной исполненности: оригинальная русскоязычная версия теста экзистенциальных мотиваций // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4 (13). С. 763–788.

Blustein, Guarino 2020 – *Blustein D., Guarino P.* Work and Unemployment in the Time of COVID-19: The Existential Experience of Loss and Fear // Journal of Humanistic Psychology. 2020. Vol. 60 (5). P. 702–709.

Huta 2016 – *Huta V.* Eudaimonia versus Hedonia: What Is the Difference? And Is It Real? // International Journal of Existential Psychology and Psychotherapy. Special Issue. Proceedings of the 2016 Meaning Conference. 2016. P. 1–8.

May 1977 – *May R.* The Meaning of Anxiety. NY: Pocket Books, 1977.

Tomaszek, Muchacka-Cymerman 2020 – *Tomaszek K., Muchacka-Cymerman A.* Thinking about My Existence during COVID-19, I Feel Anxiety and Awe—The Mediating Role of Existential Anxiety and Life Satisfaction on the Relationship between PTSD Symptoms and Post-Traumatic Growth // International Journal of Environmental research and Public health. 2020. Vol. 17. P. 1–13.

Trzebinski et al. 2020 – *Trzebinski J., Cabański M., Czarniecka J.* Reaction to the COVID-19 Pandemic: The Influence of Meaning in Life, Life Satisfaction, and Assumptions on World Orderliness and Positivity // Journal of loss and trauma. 2020. Vol. 25. P. 554–557.

References

Allakhverdov, M.V. and Grishina, N.V. (2013), “Model’ implitsitnoi teorii doveriya: Ekhspperimental’naya proverka”, *Vestnik SPBGU*, no. 4, pp. 28–35.

Asmolv, A.G. (2015), “Psychology of Modernity: Challenges of Uncertainty, Complexity and Diversity”, *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], no. 40 (8), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 2 May 2022).

Blustein, D. and Guarino, P. (2020), "Work and Unemployment in the Time of COVID-19: The Existential Experience of Loss and Fear", *Journal of Humanistic Psychology*, vol. 60 (5), pp. 702–709.

Fakhrutdinova, L.R. (2013), "Impression, processing, and existential experience", in Zhuravlev, A.L. and Sergienko, E.A. (ed.), *Chelovek, sub"ekt, lichnost' v sovremennoj psikhologii. Materialy Mezhdunarodnoj konferencii, posvyashennoj 80-letiyu A.V. Brushlinskogo* [Man, subject, personality in modern psychology. Materials of the International Conference dedicated to the 80th anniversary of A.V. Brushlinsky], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Fam, A.KH. (2015), "Individual features of choice in situations of varying significance", Ph.D. Thesis, Moscow State University, Moscow, Russia.

Grishina, N.V. (2016), "Existential approach to well-being: empirical characteristics", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], no. 9, available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 2 May 2022).

Grishina, N.V. (2015), "Existential psychology in search of development vector", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], no. 42 (8), available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 2 May 2022).

Huta, V. (2016), "Eudaimonia versus Hedonia: What Is the Difference? And Is It Real?", *International Journal of Existential Psychology and Psychotherapy*, special issue, Proceedings of the 2016 Meaning Conference, pp. 1–8.

Kartasheva, Yu.V. and Grishina N.V. (2014), "Existential Correlators of Psychological Well-Being", *Nauchnye issledovaniya vypusnikov fakulteta psihologii SPBGU*, vol. 3, pp. 57–62.

Krivtsova, S.V., Lehngle, A. and Orgler, K. (2009), "Existence Scale (Existenzscala) by A. Langle and K. Orgler", *Ehkzistentsial'nyi analiz IEHAPP Byulleten'*, no. 1, pp. 141–170.

Leont'ev, D.A. (2004), "The meaning of death: on the side of life", *Ehkzistentsial'naya traditsiya: filosofiya, psikhologiya, psikhterapiya*, no. 2 (5), pp. 40–50.

Leont'ev, D.A. (2015), "The Challenge of Uncertainty as a Central Problem in Personality Psychology", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], no. 40 (8), available at: psystudy.ru (Accessed 2 May 2022).

Leont'ev, D.A. and Mandrikova, E.Yu. (2005), "«The Existential Dilemma»: An Empirical Study of Personal Choice", *Vestnik Moskovskogo Universiteta*, no. 4, pp. 37–42.

May, R. (1977), *The Meaning of Anxiety*, Pocket Books, New York, NY, USA.

Mokhov, V.A. and Babushkina, S.L. (2021), "Aspects of processing existential experience and its relationship with anxiety during the COVID-19 pandemic", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 24–40.

Osin, E.N. (2010), "Factor structure of the Russian version of MSTAT I by D. McLane", *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 2, pp. 65–86.

Osin, E.N. and Leont'ev, D.A. (2020), "Brief Russian scales for diagnosing subjective well-being: psychometric characteristics and comparative analysis", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 1, pp. 117–142.

Osin, E.N. and Rasskazova, E.I. (2013), "A short version of the hardiness test: psychometric characteristics and application in an organizational context", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, no. 2, pp. 147–165.

Padun, M.A. and Kotel'nikova, A.V. (2008), "Modification of Basic Believes Scale by R. Yanoff-Bulman", *Psikhologicheskii zhurnal*, no. 4 (29), pp. 98–106.

Sergienko, S.K., Bodrov, V.A. and Pisarenko, Yu.E. (2003), *Praktikum po inzhenernoi psikhologii i ehrgonomike: Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii* [Workbook on engineering psychology and ergonomics: Textbook. university student manual], in Strelkov, Yu.K. (ed.), Akademiya, Moscow, Russia.

Shumskii, V.B., Ukolova, E.M., Osin, E.N. and Lupandina, Ya.D. (2016), "Diagnostics of existential fulfillment: the original Russian version of the test of existential motivations", *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki*, no. 4 (13), pp. 763–788.

Skripkina, T. (2011), "The antinomy of trust in the world and trust in oneself in human existence", *Problemy razvitiya i bytiya lichnosti*, no. 3, pp. 111–131.

Sokolova, E.T. (2015), *Klinicheskaya psikhologiya utraty YA* [Clinical psychology of the loss of self], Smysl, Moscow, Russia.

Tomaszek, K. and Muchacka-Cymerman, A. (2020), "Thinking about My Existence during COVID-19, I Feel Anxiety and Awe—The Mediating Role of Existential Anxiety and Life Satisfaction on the Relationship between PTSD Symptoms and Post-Traumatic Growth", *International Journal of Environmental research and Public health*, vol. 17, pp. 1–13.

Trzebinski, J., Cabański, M. and Czarnecka, J. (2020), "Reaction to the COVID-19 Pandemic: The Influence of Meaning in Life, Life Satisfaction, and Assumptions on World Orderliness and Positivity", *Journal of loss and trauma*, vol. 25, pp. 554–557.

Zinchenko, V.P. (2007), "Tolerance to uncertainty: novelty or psychological tradition?", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 3–20.

Znakov, V.V. (2014), "Theoretical foundations of the psychology of understanding the multidimensional world of man", *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 16–29.

Информация об авторах

Владимир А. Мохов, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *vlmokhov@gmail.com*

Светлана Л. Бабушкина, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *svetlana.babushkina@gmail.com*

Information about authors

Vladimir A. Mokhov, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *vlmokhov@gmail.com*

Svetlana L. Babushkina, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *svetlana.babushkina@gmail.com*

Модели романтических отношений
и нарративная идентичность представительниц
поколений X, Y, Z

Ольга Т. Мельникова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, melnikova-o@yandex.ru*

Мария И. Тычинина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, mariatychinina@gmail.com*

Аннотация. Цель исследования заключалась в выявлении различий между романтическими отношениями и нарративами о них представительниц поколений X (род. 1967–1984), Y (род. 1985–1999), Z (род., начиная с 1999 и далее) и их соотношении с поколенческими ценностями по Н. Хоуву и У. Штрауссу (индивидуальные ценности – X, социально-ориентированные ценности – Y; микросоциальный индивидуализм и макро-социальная конформность – Z). В исследовании участвовали 24 представительницы поколений X, Y и Z 18 – 54 лет. Использовались методики нарративного интервью и нарративного анализа NOI Д. Хайлса и И. Чермака, дискурс-анализа Дж. Поттера и М. Уэзерелл, образных ассоциаций. У поколений X, Y, Z мы обнаружили различия ядер нарративов («обретение себя» – X, «самоотдача» – Y, «поиск мы» – Z), сюжетов («Путь» – X, Z, «Тернии» – Y), дискурса о любви (преобладание у поколений X и Z «эмоционального» и «гуманистического» интерпретативных репертуаров, а у поколения Y – «конструктивно-рационального») и моделей романтических отношений («индивидуальные» – X; «эффективные» – Y; «ролевые» – Z). Результаты соотносятся с ценностями поколений по Н. Хоуву и У. Штрауссу и отражают межпоколенный контраст, а также частично – с моделью трансформации интимности Э. Гидденса: идея романтической любви (X) сменяется различными типами конфлюэнтной любви (Y и Z). При сопоставлении поколенческих нарративов с возрастными задачами были выявлены несовпадения.

Ключевые слова: нарратив, нарративный анализ, нарративная идентичность, романтические отношения, поколение X, поколение Y, поколение Z

Для цитирования: Мельникова О.Т., Тычинина М.И. Модели романтических отношений и нарративная идентичность представительниц поколений X, Y, Z // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 47–69. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-47-69

Models of romantic relationships and narrative identity of female representatives of generations X, Y, Z

Olga T. Melnikova

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, melnikova-o@yandex.ru*

Maria I. Tychinina

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, mariatychinina@gmail.com*

Abstract. Psychological differences between generations are especially pronounced in the interpersonal domain - romantic relationships and narratives about them. The aim was to find differences between narratives about romantic relationship of generations X (1967-1984), Y (1985-1999) and Z (born in 1999 and later). We assume that generational narratives associated with individual values (X), group values (Y), external conformity (Z) according to Howe - Strauss theory. The study involved 24 female participants aged 18 to 54 years. We used narrative interview, narrative analysis NOI (D. Hiles, I. Čermák), discourse analysis (J. Potter, M. Weatherell) and non-verbal association method. For three generations we found differences between cores of narratives ("finding myself" - X, "giving myself" -Y and "searching for "we" - Z), "storyline" ("Road" - X, Z, "Thorns" - Y), and models of romantic relationships ("individual" - X; "effective" - Y; "role-playing" - Z). Discourse of love was similar for generations X and Z ("emotional" and "humanistic") and specific for generation Y ("rational", "constructive"). Results are consistent with ideas of N. Howe - W. Strauss and partially consistent with A. Giddens's transformation of intimacy. Our findings provide evidence that narratives change in a generational cycle: the concept of romantic love (X) is replaced by the idea of confluent love (Y, Z). We also discuss socio-psychological view on generational features comparing to developmental psychology.

Keywords: narrative, narrative analysis, narrative identity, romantic relationships, generation X, generation Y, generation Z

For citation: Melnikova, O.T. and Tychinina, M.I. (2022), "Models of romantic relationships and narrative identity of female representatives

of generations X, Y, Z”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, pp. 47–69, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-47-69

*Введение:
постановка проблемы*

Романтические отношения претерпевают социальную и культурную трансформацию, на что указывают Э. Фромм [Фромм 2007], Ю.Б. Рюриков [Рюриков 1990], Э. Гидденс [Гидденс 2004], И.С. Кон [Кон 2011] и др. Однако изменения романтических нарративов у разных социально-исторических поколений людей почти не исследовались эмпирически. В поколенческом ракурсе опросными методами изучается возраст вступления в брак и организация семьи в разное историческое время [Poppel et al. 2008], цели начала близких отношений при преобладании внешних (деньги, имидж, успех) или внутренних (самопринятие, аффилиация) ценностей у «Бэби-бумеров», «X», «Y» [Twenge et al. 2012] и т.д. Подобные работы фиксируют поведение и его когнитивные регуляторы, тогда как романтические отношения связаны с идентичностью [Фромм 2007; Гидденс 2004]. Нарративный анализ позволяет изучать романтические отношения в динамике конструирования идентичности [McAdams 2011; Dunlop et al. 2019], а реализация данного метода на поколенческих группах даёт возможность учитывать социальную процессуальность и исследовать психологическое содержание любви во временном контексте. Понимание поколения как культурно-символического пространства и групповой биографии [Howe, Strauss 1997; Семенова 2003] открывает возможности для качественного анализа и частично снимает ограничения, связанные с объемом выборки: для многих представителей одной поколенческой культуры могут задаваться общие системы значений и схемы организации социального опыта [Семенова 2003; Hammack, Toolis 2015].

Цель исследования – выявление различий между моделями романтических отношений и идентичности, представленными в нарративах женщин поколений X, Y и Z, а также соотнесение данных моделей и типов нарративной идентичности с поколенческими ценностями согласно Н. Хоуву и У. Штрауссу. Мы рассматривали женские нарративы, т.к. 1) сфокусировались на межпоколенных различиях, пока не затрагивая гендерные; 2) по Э. Гидденсу, социальные трансформации романтических отношений в большей степени затронули женский ролевой репертуар [Гидденс 2004].

*Теоретическая часть**Социально-историческая трансформация романтических отношений*

В психологической науке романтические отношения исследуются с различных точек зрения. Поздний психоанализ, гуманистическая и экзистенциальная психология рассматривают метафорическое представление *о любви как проявлении личности*, заложенном в ее структуре: способе достижения личностной интеграции, баланса между социализацией и индивидуализацией [Фромм 2007], индивидуальности [Франкл 1990]. После 60-х гг. XX в. социально-психологические теории выходят на интерперсональный уровень, анализируя *романтические отношения как разновидность межличностных отношений*, воплощенную в форме партнерства или супружества. Внимание уделяется «объективным» аспектам любви – аттракции [Byrne, Nelson 1965], сексуальности, институционализации, соотношению гендерных и семейных ролей и т.д. [Гидденс 2004; Кон 2011; Regan 2011]. Дискурсивный и нарративный поворот 1980-х направляет интерес исследователей на то, *как любовь и отношения конструируются в языке*. Согласно М. Фуко, с помощью дискурсов на индивидуальном и социальном уровне формируются моральные нормы и способы управления сексуальностью, а сама любовь в конце XX в. становится процедурой признания в ней: *романтический дискурс* «заражает» переживаниями [Фуко 1996]. *Нарратив о романтических отношениях* являет собой одну из биографических линий, на основе которых конструируется нарративная идентичность [McAdams 2011; Dunlop et al. 2019]. По мнению исследователей различных направлений, метафора нарратива отражает природу романтических отношений: представления о них черпаются из наблюдаемых культурных моделей или жизненных историй [Sternberg 1996]. Личный рассказ о любви включает осмысленные события и переживания, что отражено в ландшафте действий и ландшафте идентичности [Bruner 1987]. Нарративный подход позволяет рассматривать романтические отношения одновременно с точки зрения меняющейся идентичности [McAdams 2011], межличностного взаимодействия и социокультурного контекста [Hiles, Čermák 2008].

Представление об *изменчивости романтических отношений, созвучной социальному контексту*, встречается у философов, социологов и психологов. Ю.Б. Рюриковым (1990) выдвигается предположение об эволюции любви в социогенезе от телесного эроса античности, связанного с переживанием эстетики физического облика возлюбленного, до индивидуализированных духов-

ных отношений, в которых партнер воспринимается как уникальная личность. Согласно Ю.Б. Рюрикову, любовь является исторически поздним достижением человечества, обусловленным развитием искусства и просвещения, а также психологическим усложнением человека; она появляется в тех типах обществ, где мужчины и женщины устанавливают «дружественную близость», а не конфронтацию на социальном и эмоциональном (страх, неприязнь, презрение) уровнях [Рюриков 1990, с. 17].

В 1992 г. Э. Гидденс описывал трансформацию интимности в XX в., говоря об историческом развитии трех типов отношений и рассказов о них: 1) страстная любовь, 2) романтическая любовь, 3) конфлюэнтная любовь. *Страстная любовь* противопоставляется браку по экономическим причинам: она связана с влечением, конфликтна, нонконформна по отношению к социальному порядку. *Романтическая любовь* «надстраивается» над элементами страстной любви, привнося в нее направленность на личность партнера, идеалы и идею повествования («Romance»). Основной романтической любви является эмоциональная привязанность, «психическая коммуникация» с партнером, формирование общей истории и жизненной перспективы, а также разделение гендерных ролей [Гидденс 2004]. Психологические теории (В. Франкл, Э. Фромм, Р. Мэй и др.) обращаются к описанию «идеала романтической любви» в послевоенное время, когда повышается ценность жизни и личности. После западной сексуальной революции 70-х (для России актуально говорить о 1980-90-х гг. [Кон 2016]) идеал романтической любви сменяется ориентированностью на ценность отношений: *конфлюэнтная любовь* опирается на идеи социального и эмоционального («отдача-получение») равенства, а сексуальность в ней предстает как возможность самовыражения и достижения идентичности. Отношения поддерживаются, пока существует взаимное согласие; допускается свобода в принятии или отказе от идей официального брака, единственного на всю жизнь партнера и т.д. [Гидденс 2004]. Р. Мэй называет тип отношений, «потеснивший» романтическую любовь, «новым пуританством» и говорит о его издержках: легкость смены партнеров ведет к угнетению эмоциональной привязанности и «эроса». По мнению Мэя, данная идеология не освобождает личность, а создает «неуместные обязательства» (например, вступление в интимные отношения до возникновения чувств к партнеру) и противопоставляет эмоции разуму и телу как что-то нежелательное, опасное, способное захватить волю человека [Мэй 1997]. До Энтони Гидденса Эрих Фромм (1956) также указывал на возможную трансформацию романтической любви, однако в ином ключе: в условиях идеологии общества

потребления любовь становится в меньшей степени лично-ориентированной и в большей степени направленной на реализацию прагматических интересов. Согласно Э. Фромму, человек, социализирующийся в таком обществе, воспринимает свои психологические ресурсы как инвестиции, отношения – как обмен «личными пакетами», а партнера – как заменимого «сотрудника». В подобных отношениях партнеры получают спасение от одиночества и возможность вместе противостоять «враждебному» окружающему миру; однако, акцентируясь на поддержании согласия любыми путями, они испытывают сложности в достижении сущностной близости друг с другом и наращивают действительные конфликты [Фромм 2007].

Поколенческие предпосылки изменения романтических нарративов

Смена поколений является одной из моделей социального развития. Понятие «поколение» в социальной психологии имеет несколько взаимодополняющих трактовок, отличных от представления о возрастной стратификации общества [Рикель, Тычинина 2017]. 1) Поколение – большая группа сверстников, которые осуществляют свою социализацию в едином историческом контексте, вследствие чего приобретают схожие психологические особенности и общую направленность социального познания [Mannheim 1952; Левада 2002; Семенова 2003; Howe, Strauss 1997; Twenge et al. 2012]. 2) Поколение – культурно-символическое пространство, т.е. особое коммуникативное поле между сверстниками, содержащее свои нормы коммуникации и взаимодействия, образы и символы, дискурс [Левада 2002; Семенова 2003]. Применительно к поколениям используют понятия «субкультуры» [Марцинковская, Чумичева 2015; Марцинковская, Полева 2017], «паттерна» [Семенова 2003], «поколенческих архетипов» [Howe, Strauss 1997], которые описывают конструируемые сверстниками знаковые системы и способы идентификации. 3) Поколение – групповая биография, описываемая событийно и определяющая схожесть жизненных сценариев представителей поколений [Howe, Strauss 1997; Семенова 2003]. На символическом уровне поколений складываются актуальные ведущие нарративы, а личные истории могут отражать заложенные в них требования к социальной идентичности и сюжету индивидуального жизненного пути [McAdams 2011; Hammack, Toolis 2015].

Согласно Н. Хоуву и У. Штрауссу, смена поколений происходит циклично: они отличаются друг от друга ценностями, а те становятся противоположными у последующей генерации [Howe, Strauss 1997; Howe, Strauss 2007]. При этом ценност-

ные «поколенческие разрывы» могут как проявляться, так и не проявляться в виде конфликта [Семенова 2001]. Границы поколенческих групп характеризуются «нахлестом» и определяются лишь примерно [Левада 2002; Семенова 2003; Campbell et al. 2017]. Мы сосредоточим внимание на трех поколениях типологии Н. Хоува и У. Штраусса: 1) поколении X (гг. рождения 1964-1984, архетип Странника), для которого характерны духовные и индивидуальные ценности; 2) поколении Y, или «Миллениалах» (гг. рождения 1985-1999, архетип Героя), разделяющих социально-ориентированные ценности, коллективизм и прагматизм; 3) поколении Z (гг. рождения с 1999, архетип Артиста), чьи представители склонны к конформности на уровне социальных институтов и к индивидуализму на межличностном уровне [Howe, Strauss 1997; Howe, Strauss 2007].

Социально-психологический опыт поколений (в частности, ценности) определяет способ восприятия, интерпретации, трансляции событий и переживаний в личных нарративах [Mannheim 1952; Howe, Strauss 1997; Howe, Strauss 2007].

Метод

При сборе данных применялись методики нарративно-го интервью и образных ассоциаций [Мельникова 2007]. Пусковой вопрос нарративного интервью: «Расскажите историю о развитии ваших с ... (партнером) отношений от начала до сегодняшнего момента с возможными перспективами. Упомяните наиболее значимые для вас моменты, повлиявшие на развитие и характер отношений. Если внешний социальный контекст оказывал влияние на ваши отношения, опишите его». После рассказа интервьюер задавал дополнительные вопросы. Далее рассказчицам предъявлялись 60 изображений природы на мониторе компьютера, из которых необходимо было выбрать одно или несколько, ассоциирующихся с рассказанным нарративом, и прокомментировать свой выбор. Интервью проводились очно (15) и дистанционно – 9 (письменно, по аудио- и видеосвязи); длительность интервью составила от 20 до 100 мин. Анализ данных осуществлялся по схеме NOI (narrative oriented inquiry) Д. Хайлса и И. Чермака [Hiles, Čermák 2008], состоящей из 6 этапов; в 5-й этап NOI был включен дискурс-анализ по Дж. Поттеру и М. Уэзерелл [Мельникова, Хорошилов 2013]. Включение дискурс-анализа в нарративный анализ предполагается схемой NOI [Hiles, Čermák 2008, p. 158]: в нашем случае нарративный анализ позволяет отследить конструирование идентичности в романтических отношениях и смысловое содержание этих отношений для респонденток, а дискурс-анализ дает возможность

исследовать особенности коммуникации о любви, нерефлексируемое контекстуальное влияние на отношения и сделать выводы о соотношении личного рассказа с характерными для поколения формами организации социального опыта. При совмещении схемы NOI и методики образных ассоциаций были выделены сюжеты романтических отношений для поколений: выбранное изображение позволяет респонденткам проиллюстрировать свой сюжет, выполняя функции «коды».

Выборка. В исследовании приняли участие 24 женщины – по 8 представительниц поколений X (в нашем исследовании род. 1967–1985), Y (род. 1988–1995) и Z (род. 1999–2001), имеющих опыт партнерских или супружеских отношений. Стратегия отбора респонденток – «снежный ком»; критерии – год рождения, уровень образования (не ниже среднего общего).

Анализ и обсуждение результатов

Сюжеты и фабулы нарративов о романтических отношениях поколений X, Y, Z

Особенности фабул поколения X (1967–1985): разнообразие и индивидуальность сценариев – выделено 5 фабул; очные знакомства с партнером (метро, город, общие знакомые, ВУЗ); разнообразие форм отношений и семьи (официальный брак, свободные отношения, гостевой брак); браку не всегда предшествует сожителство (4 респондентки). Конфликты в паре не акцентируются («были притирки»).

Особенности фабул поколения Y (1988–1995): универсальность сценариев – выделено 2 фабулы; 4 из 8 знакомств происходили в социальных сетях («в реальности мы бы не встретились»). Рассказчицы выделяют «периоды общения» («долго переписывались», «созванивались»), события помолвки («сделал мне предложение» – 4 респондентки) и признания в любви, этап совместной жизни (5 респонденток), свадьбу. Перспектива отношений часто направлена на официальное замужество и рождение детей в браке. Конфликты в паре отрицаются (4), опускаются (1) или характеризуются как «кризисы» (3) поздних этапов отношений (после предложения, свадьбы).

Особенности фабул поколения Z (1999–2001): универсальность сценариев – выделена 1 фабула; очные знакомства в группах принадлежности (школа, ВУЗ, близкое окружение – 7 респонденток); почти все респондентки выделяют «период ссор» на раннем этапе отношений («начали ссориться по пустякам каждый день»), который приводит к стабилизации или расставанию.

Сюжетные особенности нарративов: у поколений X и Z ландшафты действий и идентичности (переживаний) по Дж. Брунеру уравновешены, чаще встречаются концентрические сюжеты (по 4 нарратива); у поколения Y преобладает ландшафт действий (события) и хроникальные сюжеты (6 нарративов). Также отметим, что у поколения Z в ландшафт действий может входить пересказ разговоров и переписка (3 респондентки), а хроникальные и многолинейные сюжеты напоминают набор отдельных эпизодов. Нарративы поколения Y в большей степени структурируются объективно, чем субъективно (как у X и Z), т.е. с опорой на факты (что произошло или было высказано) и соблюдением временной последовательности событий.

Кроме того, у поколений X и Y часто встречается сюжет «метаморфозы» по Ф. Шютце (см. табл. 1), когда уже сформированная личность меняется в отношениях (доставляется или перестраивается), в нарративах же поколения Z мы данный сюжет не встретили. У поколения X мы чаще наблюдали нарративы, где главный герой активен, инициативен в своих решениях и планировании действий («стратегия»); у поколений Y и Z чаще встречался тип сюжета «траектория» (у Y также встречается и «стратегия»), описывающий учет нарраторами внешних обстоятельств и условий, которые играют на руку или препятствуют развитию истории.

Примечательно, что у поколений X и Z встречается сюжет «притчи» по В.И. Тюпе, в которой присутствуют выводы респондентки из рассказа, т.е. описывается его некоторое завершение и следствия для личности. У поколения Y нарративы чаще представлены в стиле ситуативной истории («анекдота», описывающего авантюрный сюжет, но не обязательно комедийного жанра) с финалом, еще требующим осмысления в дальнейшем, или открытым концом. Также респондентки поколения Y несколько чаще женщин других поколений критикуют свои отношения (нарратив регресса по К. Гергену и М. Герген), хотя их фобулы зачастую успешные.

При совмещении нарративного анализа по схеме NOI Д. Хайлса и И. Чермака [Hiles, Čermák 2008] и методики образных ассоциаций были выделены тематические сюжеты для поколений.

Сюжет 1 – «Путь» (X; Z). Изображение: открытая прямая или извилистая дорога. Характерен для 4 респонденток X и 3 респонденток Z, где в парах ровесники. Описываются длительные отношения, в нарративе прослеживается линия прохождения определенного жизненного пути вместе с партнером, сопровождаемого поиском себя или «мы». В историях респондентки поднимают

тему и физических перемещений – переездов, путешествий, прогулок. Сюжету соответствуют траектории и метаморфозы по Ф. Шютце. Нарративы завершаются позитивными оценками отношений: *«постепенно все стало прям хорошо»* – X; *«сейчас мы вместе уже 4 года, и, в принципе, все в отношениях идеально»* – Z.

Сюжет 2 – «Тернии» (Y). Изображение: *дорога в лесу*. Сюжет «Терний» (3 респондентки Y) повествует о преодолении: речь также идет про путь, но не открытый, а таящий в себе неожиданности и препятствия. Лес характеризуется девушками одновременно как возможность защиты от посторонних глаз и неизведанная опасность. Партнеры описываются как находящиеся в постоянной готовности к борьбе с обстоятельствами. Сюжет характерен для замужних, где в парах ровесники; ему соответствуют траектории и метаморфозы по Ф. Шютце. Респондентки обобщают нарративы кодой – *«в общем, жизнь»*, которая оценивает отношения как непростые и неидеальные, но постепенно движущиеся вперед.

Сюжет 3 – «Равновесие» (X; Y). Изображения – *водная гладь, поле*. К данному сюжету относятся 2 истории поколения Y (в парах – ровесники) и 3 истории X, где мужчины старше девушек, т.е. могут являться носителями ценностей предшествующего поколения. Сюжет описывает ровные по динамике, эгалитарные отношения: женщины и мужчины в паре отказываются от некоторых гендерных стереотипов. Отнесенные к данному сюжету нарративы являются стратегиями по Ф. Шютце, что может говорить о сознательной работе партнеров по достижению равновесия. В конце нарратива приводится оценка отношений как *«спокойных», «доставляющих радость/счастье»*.

Сюжет 4 – «Вдохновленный идеалами» (X; Y; Z). Изображения небесные – *радуга, северное сияние, облака, звездное небо*. Сюжет связан с идеальными представлениями, и у каждого поколения раскрывается по-разному в зависимости от временной перспективы нарратива. У 4-х респонденток Z (по Ф. Шютце – 3 траектории и 1 стратегия) преобладают мечты о будущем: девушки предвкушают положительные изменения своего восприятия жизни и любви после расставания или описывают ожидания от зарождающихся отношений – *«это и боль, и радость, и слезы, и счастье»*. Истории 2-х замужних респонденток Y (траектория; стратегия с чертами институциональной карьеры) содержат перфекционистские описания семейных отношений, однако не лишены указаний на трудности; коды их нарративов звучат по аналогии с фольклорным финалом – *«жить долго и счастливо и быть вместе до конца», «поглядим, конечно, поглядим»*. Респондентка X раскрывает сюжет личностной метаморфозы и показывает кон-

траст своего мировоззрения в начале отношений и спустя время: «просто я повзрослела».

Таблица 1

Соотнесение нарративов поколений X, Y, Z с типологиями Ф. Шютце, К. Гергена и М. Герген, В. И. Тюпы

	X (1967–1984)	Y (1988–1995)	Z (1999–2001)
Ф. Шютце	метаморфоза (4) стратегия (4) траектория (2)	метаморфоза (3) траектория (3) стратегия (2) институциональная карьера (1)	траектория (7) стратегия (1)
К. Герген, М. Герген	прогресс (6) стабильность (2)	прогресс (4) стабильность (2) регресс (2)	прогресс (5) стабильность (3)
В.И. Тюпа	притча (5) жизнеописание (3) «анекдот» (2)	«анекдот» (4) сказание (3) жизнеописание (1)	жизнеописание (4) притча (3) «анекдот» (2)

Ядра нарративов поколений X, Y, Z

Для поколений X, Y, Z были выделены характерные ядра нарративов – основное содержание истории, отражающее конструируемую респондентками нарративную идентичность в отношениях.

Ядро нарратива поколения X (1967–1985) – *обретение себя*. Респондентки описывают, как через благоприятные или сложные отношения достраивают свою идентичность, приходя к «целостности», «принятию себя». Темы, входящие в ядро нарратива поколения X: 1) взаимные поддержка и принятие в отношениях (8 респонденток); 2) «комплиментарность» партнеров (4) (респондентки описывают партнеров положительно – *умный, творческий, самостоятельный, заботливый, обладающий «житейской мудростью»*, а себя критично – «я очень сложный человек»; приводят противоположные акцентуации: «он – шизоид, я истерить могу»); 3) поддержка партнерами друг друга в профессиональной реализации (7).

Ядро нарратива поколения Y (1988-1995) – *самоотдача*. Девушки рассказывают, как они вкладываются в отношения, перестраивают свои жизненные цели и личность под требования социального окружения и партнера; от партнера ожидается

равноценный вклад. Примечателен дефицит гуманистических и эмоциональных категорий в 6 нарративах, а 2 респондентки указывают на отсутствие заботы и поддержки от партнера в критических ситуациях. Темы ядра нарратива у поколения Y: 1) общие интересы и «когнитивное» совпадение партнеров (4 респондентки); 2) противопоставление себя и партнера (респондентки описывают себя в нейтральных качествах, а партнера – с точки зрения соответствия или несоответствия норме (6), напр., «инфантильный», «социофоб», «интернет-зависимый» и т.д.); 3) третьи лица в отношениях – родители, знакомые и соперники (6) (пара описывается как открытая система, но отношения сохраняют устойчивость); 4) навыки разрешения конфликтов с партнером («часто разговариваем, чтобы не запускать»; «знаем, как с этим справиться») и социальным окружением; конфликты отрицаются, но тема является значимой (крупные секвенции, повторения в нарративе).

Ядро нарратива поколения Z (1999-2001) – поиск «мы». Истории повествуют о формировании «мы-идентичности» в паре и конструировании личностной идентичности через создание и ролевое отыгрывание отношений, где ссоры выступают как способ установить нормы. Личностные особенности в рассказах не раскрываются, пара описывается как целое – «мы». Темы ядра нарратива у поколения Z: 1) поддержка, понимание, забота (8 респонденток) как причины возникновения чувств; 2) стремление партнеров сблизить пути социализации (7) (школа/ВУЗ); 3) описание себя и партнера через сходства и различия (4) («есть много общего и немного безбашенности в нас»); 4) антагонизм пары со сверстниками (5); 5) рассуждения о любви и трансформации чувств (6).

Дискурс романтических отношений поколений X, Y, Z

О развитии отношений респондентки X, Y и Z говорят по-разному. Женщины поколения X описывают отношения как целостный сюжет, который развивается естественно: «стало понятно, что мы будем вместе», «отношения стали перерастать в более близкие и желание создать семью». Девушки поколения Y разделяют отношения на последовательные этапы («выводить отношения на новый уровень»; «сейчас мы на такой стадии отношений»), переход на которые происходит через договор (предложение, признание в любви и т.д.). «Игреки» подчеркивают важность общения, вербализации чувств, подкрепления эмпатии конвенцией; объясняют эмоции с помощью объективных индикаторов (эстетических, физиологических), транслируют представление о том, что отношения требуют работы и ра-

ционального подхода (эмоциональные высказывания заменяются когнитивными категориями или обрываются). Среди женщин поколения Y звучит идея любви «с первого взгляда» (2) («не знаю как он, но я влюбилась сразу») и обозначается ее причина в партнере. Девушки поколения Z не соизмеряют вклады партнеров в отношения, часто употребляют «мы»: «мы были готовы на все друг ради друга», «нам было все равно»; развитие отношений описывают динамически: сначала определяются роли партнеров и осуществляется ролевое поведение («проявлял знаки внимания», «взял за руку», «начали гулять»), затем период ссор качественно меняет отношения, и при осознании понимания, заботы, эмоциональной близости с партнером постепенно возникают чувства. Дискурс поколения Z ближе к дискурсу X, но заметен меньший акцент на индивидуальности партнеров. Тему интимных отношений респондентки разных поколений не акцентируют и не табуируют.

В таблице 2 представлены интерпретативные репертуары романтических отношений (по Дж. Поттеру и М. Уэзерелл), присутствующие в нарративах респонденток разных поколений; в скобках приведено количество интервью, в которых данный репертуар встречается. Мы можем наблюдать, что у поколений X и Z преобладают гуманистический и эмоциональный репертуары, тогда как у поколения Y чаще встречаются «когнитивные» категории дискурса – конструктивно-рациональный репертуар и репертуар консенсуса. Конструктивный дискурс встречается у поколения X в тех интервью, где респондентки столкнулись со сложностями в отношениях. Эмоциональный дискурс у поколения Y не ярко выражен, как и гуманистический; для респонденток данного поколения характерны обрывы эмоциональных слов и замена их когнитивными категориями (например, «его пережива... ну то, что он об этом думает»). Такое повествование может быть определенной защитной стратегией. У младшего поколения Z, напротив, эмоциональный дискурс утрирован и выразителен, как в письменной, так и в устной речи: «и боль, и радость, и слезы, и счастье», «невыносимая тоска», «чувства настоящие, которые чувствуешь так, как будто тебе дышать без человека тяжело».

Таблица 2

**Интерпретативные репертуары дискурса любви
в нарративах женщин поколений X, Y, Z**

X (1967–1984)	Y (1988–1995)	Z (1999–2001)
Гуманистический (8): «сопереживание», «тебя принимают, а не оценивают»	Конструктивно- рациональный (5): «построить», «работать над отношениями»	Гуманистический (8): «понимание», «забота», «очень помог мне»
Эмоциональный (5): «главное – это чувства»; «совместные позитивные эмоции»	Эстетический (4): «не в моем вкусе внешне»; «эти улыбочки, эти ямочки»	Эмоциональный (8): «полюбила», «испытала весь спектр эмоций»
Репертуар комплиментарности (4): «я индивидуалистка, он - коллективист <...> но, он меня все-таки слушает»	Репертуар консенсуса (4): «Он предложил мне <...>. Я отказалась, потому что <...>. Он решил эти проблемы, и я ответила положительно»	Поведенческий (6): «гулять вместе», «стал уделять мне знаки внимания»
Физический/ энергетический (2): метафоры «резонанса», «напряжения»	Физиологический (3): «2 года на эндорфинах», «всякая телесная штука»	Оценочный (4): «понравился, показался особенным»
Магический (2): «может, он меня так “привел” к себе»	Магический (3): «влюбилась сразу»; «чувство магии»	Романтический (4): «не представляла, как буду существовать без него»
Репертуар познания (2): «мне с ним было интересно постоянно»	Утопический (2): «быть вместе до конца»	Ролевой (3): «ему не нужна была девушка»; «кто-то больше, чем подружка»
Конструктивный (2): «я благодарна <...> значит, я могу построить такие на данный период отношения»	Эмоциональный (1): «он ко мне проявлял чувства, у меня к нему что-то раскрывалось тоже как ответ»	Репертуар самопрезентации (2): «мы уже могли позволить себе обнять друг друга и поцеловать, сфотографироваться и выложить это в соцсеть»

*Категории социального контекста, оказывающие влияние
на отношения*

1) Родительские семьи (упоминаются всеми тремя поколениями – X, Y, Z). Респондентки X в конфликтах с родителя-

ми отстаивают свои отношения и репутацию партнера (5 нарративов); говорят о негативной модели родительских отношений (2 респондентки). Девушки Y ценят семейные традиции, признают родительский авторитет и путем уступок стремятся избежать конфликтов с родителями по поводу своих отношений (5). Девушки Z говорят об одобрении родителями их отношений (4) и описывают родительские семьи как благоприятную идентификационную модель.

2) Социальные сети (поколения Y, Z) используются для знакомства (4 нарратива поколения Y, 1 нарратив поколения Z) и для повседневного общения с партнерами (Y, Z).

3) Образовательные учреждения (поколения X, Z) являются местами знакомства и общения с партнером, а также фактором развития или осложнения отношений при принадлежности к разным учебным заведениям (Z).

4) Группа сверстников (Y, Z) поколением Z рассматривается как помеха отношениям, повышающая конфликтность в паре; поколение Y, напротив, стремится интегрировать отношения в близкое окружение.

5) Совместные праздники (упоминаются всеми тремя поколениями – X, Y, Z): поколение Y (3), Z (2), X (1) наделяют Новый год символическим смыслом для пары и стараются встретить его вместе; негативные решения об изменении статуса пары (выбор: расставание или продолжение отношений) переносятся на время после Нового года.

6) «Квартирный вопрос» упоминается поколениями X и Y. Поколение X стремится к созданию нуклеарной семьи, обретению собственной территории (6 респонденток), а также подчеркивает необходимость сохранения личного пространства даже в отношениях (2). Для респонденток поколения Y важно иметь общую площадь, на которой можно жить вместе, однако пары готовы жить и с родительскими семьями, если нет конфликта (2).

7) Социально-политическая обстановка (X) лишь в 1 нарративе X событийно повлияла на отношения; остальные респондентки как данного поколения, так и младших поколений, отмечают, что макросоциальный контекст напрямую не влияет на отношения.

Модели отношений, конструируемые представительницами поколений X, Y, Z

На основе анализа мы предположили, что представительницы поколений принимают следующие модели отношений и идентичности (ядро нарратива), которые соотносятся с поколенческими ценностями по Н. Хоуву и У. Штрауссу [Howe, Strauss 1997,

2007] и несколько отличаются от предложенной Э. Гидденсом тенденции трансформации интимности [Гидденс 2004].

Поколение X (1967–1984) принимает социальные идеи 1) развития личности в отношениях; 2) независимости отношений от социальной оценки и нормативных предписаний относительно сценариев развития и формы семьи. Модель отношений поколения X – *«индивидуальные отношения»*, в которых происходит *обретение себя*: в нарративах воспроизводятся черты *романтической любви* по Э. Гидденсу – ценность личности партнера, важность эмоциональной привязанности, принятия и понимания; однако мы не заметили указания на властные отношения между гендерными ролями, т.е. партнеры выступают скорее как равные. Как видим, в отношениях проявляются индивидуальные ценности поколения X по Н. Хоуву и У. Штрауссу – индивидуализм, самостоятельность, личностная и социальная свобода.

Поколение Y (1988–1995) транслирует социальные идеи 1) построения устойчивых, эффективных отношений; 2) построения социально-одобряемых (со стороны родителей, близкого социального окружения) и нормативных отношений. Модель отношений Y – *«эффективные отношения»*, требующие *самоотдачи*: респондентки описывают преимущественно *конфлюэнтную любовь* [Гидденс 2004], однако в их рассказах присутствует направленность на долгосрочную жизненную перспективу (6 респонденток) и идеалистическая идея «вместе и навсегда» (2 респондентки), характерные для романтической любви, а также в большинстве нарративов отсутствует выраженный акцент на сексуальности. Наблюдается соответствие социально-ориентированным ценностям, которые Н. Хоув и У. Штраусс приписывают поколению Y, – общность, успех, социальное и технологическое развитие.

Поколение Z (1999–2001) принимает 1) идею конструирования идентичности в отношениях через создаваемое «мы»; 2) идею социально-ролевой и институциональной обусловленности отношений (сценарии отношений связаны с представлением о ролевых моделях и «прикреплены» к социальным институтам). Модель отношений поколения Z – *«ролевые отношения»*, в которых осуществляется *поиск «мы»*: нарративы транслируют черты и *конфлюэнтной*, и *романтической любви*. Партнеры «отыгрывают» ситуацию отношений и рефлексировать ее в эмоциональных, гуманистических и романтических категориях, а затем индифференцируют переживания. В отношениях проявляется индивидуализм на уровне пары и макросоциальная конформность (плюрализм, согласие).

В поколенческом ряду мы наблюдаем смену идеи романтической любви разными типами конфлюэнтной любви: поколения Y и Z в большей степени ориентированы на самооценку отношений, чем на индивидуальность партнера, в отличие от X. При этом у поколения Z на уровне дискурса наблюдается возвращение к романтизации отношений (например, встречаются крайние формулировки, усиливающие переживания: «*в наших отношениях было все: от... до...*»; «*лучшее/худшее время в моей жизни*»). Однако полученные на основе наших эмпирических данных модели «эффективных» (Y) и «ролевых» (Z) отношений отличаются от описания конфлюэнтной любви, приведенного Гидденсом: респондентки направлены на построение семьи как социального института, что обеспечивает чувство безопасности, жизненные перспективы и включенность в социальный контекст, а не на поиск идентичности через развитие сексуальности. Ядра нарративов – «самоотдача» (Y) и «поиск себя через поиск “мы”» (Z) – говорят о том, что отношения могут не только предоставлять условия для поиска идентичности, но и потребовать ее «отдать» ради отношений: перестроить себя (Y) или пребывать в состоянии пластичной готовности к созданию пары (Z). Таким образом, актуальным для современности являются представления о сотрудничестве в отношениях и отдаче-получении психологического ресурса «во благо общего дела» по Э. Фромму [Фромм 2007].

В дискурсе и сюжетах мы видим контраст между «соседствующими» поколениями, но сходства между «родителями» и «детьми». Поколения X и Z показывают схожее восприятие психологического содержания отношений: их сюжет «Путь» можно противопоставить сюжету «Тернии» поколения Y. Если для X и Z отношения способствуют конструированию личностной идентичности при любом качестве союза («я благодарна за такие отношения»), то для Y отношения несут субъективную трудность и угрозу сформированной идентичности даже при благоприятном сценарии («думала, все, я с человеком ничего не хочу»; «было очень тяжело»). Причем, сюжет «Тернии» у Y скрывается и под фасадами других сюжетов – «Вдохновленный идеалами», «Восхождение»: вторым изображением девушки также выбирают лес и рассказывают о пережитых проблемах в отношениях. В личных нарративах кроме специфических поколенческих представлений и ценностей ожидаемо проявили себя универсальные социальные нормы и идеалы: предполагаемые были общие для поколений сюжеты «Равновесия» (X, Y) и «Вдохновленный идеалами» (X, Y, Z).

Н. Хоув и У. Штраусс, В.В. Семенова, Ю.А. Левада связывают причины поколенческих различий со сменой макросоциаль-

ных тенденций, значимых исторических событий [Левада 2002; Семенова 2003; Howe and Strauss 1997]. Однако респондентки в большей степени рефлексируют влияние межличностного общения на отношения (социальные сети, образовательная среда, семейное окружение) [Семенова 2003], а в качестве идентификационных моделей называют лишь родительские семьи. Мы предположили неосознаваемое влияние популярной культуры на дискурс и нарративы поколений Y и Z: фраза «сделал мне предложение» (3 респондентки Y), кольцо для помолвки (Y), романтический дискурс (Z) отсылают к кинематографу и литературе. Об эффекте воздействия популярных источников дискурсов и нарративов на формирование идентичности в отношениях также пишет Э. Гидденс [Гидденс 2004]. С развитием средств массовой коммуникации в XXI веке усиливается коммуникативный аспект любви: поколениями Y и Z подчеркивается важность вербализации чувств, дискурса и символического поведения, о чем говорил М. Фуко [Фуко 1996]. При этом влияние социального контекста не является прямым и очевидным: Интернет предоставил новые возможности знакомства поколению Y, но эта тенденция не усилилась среди поколения Z (с 1999 и младше), а сократилась. В условиях, казалось бы, большей свободы коммуникации, респондентки, напротив, ищут «точки опоры», сужая альтернативы выбора до кругов общения. Вероятно, стратегия отношений «предписывается» ценностями и нормами, складывающимися у сверстников: так судя по нашим данным, для поколения Z оказалась характерна норма личностной закрытости и «надежности» партнера (т.е. знакомства внутри групп принадлежности).

Альтернативным объяснением полученных результатов могут быть возрастные различия. Сопоставив поколенческие нарративы с возрастными задачами по периодизациям Э. Эриксона, Д.Б. Эльконина, Д. Левинсона, Р. Хевигхерста, Б. Ньюмен и П. Ньюмена, Р. Гоулда [Карабанова 2005], мы выявили несоответствия: поколение X (37–55 лет) в большей степени ориентировано на индивидуальные ценности, чем на социальный макроконтекст; поколение Y (23–36 лет) активно решает задачу продуктивности, но испытывает трудности с достижением эмоциональной близости с партнером и психологической сепарации от родителей; девушки Z (17–22 лет) еще находятся в процессе конструирования личностной идентичности. Таким образом, устойчивые ценности поколений, не сводимые лишь к новообразованиям возраста, могут влиять на интерпретацию и приоритетность возрастных задач, а социальные условия – на успешность прохождения этапов развития.

Заключение

Типы романтических отношений и нарративной идентичности женщин поколений X, Y и Z отражают поколенческие ценности, по Н. Хоуву и У. Штрауссу, и частично соотносятся с типами любви по Э. Гидденсу: «индивидуальные отношения» и обретение себя – X (1967–1984); «эффективные отношения» и самоотдача – Y (1988–1995); «ролевые отношения» и поиск «мы» – Z (1999–2001). По сюжетам нарративов и дискурсу поколения X и Z схожи, а Y отличается от них; в то же время Y и Z больше ориентированы на построение структуры отношений (конфлюэнтная любовь), чем на познание личности партнера (романтическая любовь). Мы реализовали один из ракурсов анализа, полученные результаты могут быть интерпретированы с других методологических позиций. В дальнейших исследованиях мы рассмотрим гендерный аспект, проследив поколенческие изменения мужских нарративов о романтических отношениях.

Литература

- Гидденс 2004 – *Гидденс Э.* Трансформация интимности. СПб: Питер, 2004.
- Карабанова 2005 – *Карабанова О.А.* Возрастная психология. М.: Айрис-пресс, 2005.
- Кон 2016 – *Кон И.С.* Клубничка на березке. Сексуальная культура в России. М.: Время, 2016.
- Кон 2011 – *Кон И.С.* Три в одном: сексуальная, гендерная и семейная революции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14. № 1. С. 51–65.
- Левада 2002 – *Левада Ю.А.* Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 2 (58). С. 9–11.
- Марцинковская, Полева 2017 – *Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Поколения эпохи транзитивности: ценности, идентичность, общение // Мир психологии. 2017. № 1. С. 24–37.
- Марцинковская, Чумичева 2015 – *Марцинковская Т.Д., Чумичева И.В.* Проблема социализации подростков в современном мультикультурном пространстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1094-martsinkovskaya39.html> (дата обращения 05 февр. 2022).
- Мельникова 2007 – *Мельникова О.Т.* Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Мельникова, Хорошилов 2013 – *Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А.* Эмпирическая апробация триангуляции как стратегии валидации качественного исследования // Журнал практического психолога. 2013. № 4. С. 145–183.

Мэй 1997 – *Мэй Р.* Любовь и воля. М.: Рефл-бук, 1997.

Рикель, Тычинина 2017 – *Рикель А.М., Тычинина М.И.* Межпоколенные различия стратегий межличностных отношений [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 51. С. 9. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1384-rikel51.html> (дата обращения 05 февр. 2022).

Рюриков 1990 – *Рюриков Ю.Б.* Детство человеческой любви // Философия любви / Под общ. ред. Д.П. Горского. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. С. 11–36.

Семенова 2001 – *Семенова В.В.* Дифференциация и консолидация поколений в условиях трансформирующегося общества // Россия трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 256–271.

Семенова 2003 – *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся: Ежегодник / Отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237.

Франкл 1990 – *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

Фромм 2007 – *Фромм Э.* Искусство любить. Исследование природы любви. СПб.: Азбука-классика, 2007.

Фуко 1996 – *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996.

Bruner 1987 – *Bruner J.* Life as narrative // Social Research. 1987. no. 54 (2). P. 11–32.

Byrne, Nelson 1965 – *Byrne D., Nelson D.* Attraction as a linear function of proportion of positive reinforcements // Journal of Personality and Social Psychology. 1965. no. 1 (6). P. 659–663.

Campbell et al. 2017 – *Campbell S.M., Twenge J.M., Campbell W.K.* Fuzzy But Useful Constructs: Making Sense of the Differences Between Generations [Электронный ресурс] // Work, Aging and Retirement. 2017. no. 3 (2). P. 130–139. URL: <https://doi.org/10.1093/workar/wax001> (дата обращения 15 апр. 2022).

Dunlop et al. 2019 – *Dunlop W.L., Hanley G.E., McCoy T.P.* The narrative psychology of love lives // Journal of Social and Personal Relationships. 2019. Vol. 36 (3). P. 761–784.

Hammack, Toolis 2015 – *Hammack P.L., Toolis E.E.* Putting the Social into Personal Identity: The Master Narrative as Root Metaphor for Psychological and Developmental Science // Human Development. 2015. no. 58. P. 350–364.

Hiles, Čermák 2008 – *Hiles D., Čermák I.* Narrative Psychology // The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology / Ed. by C. Willig, W. Stainton-Rogers. London: Sage, 2008. P. 147–164.

Howe, Strauss 1997 – *Howe N., Strauss W.* The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny. NY.: Bantam Doubleday Dell, 1997.

Howe, Strauss 2007 – *Howe N., Strauss W.* The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve // Harvard Business Review. 2007. no. 85 (7–8). P 47–52.

Mannheim 1952 – *Mannheim K.* The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge: Collected Works. Vol. 5. London: Routledge and Kegan Paul, 1952. P. 276–322.

McAdams 2011 – *McAdams D.P.* Narrative identity // Handbook of Identity Theory and Research / Ed. by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. NY.: Springer, 2011. P. 99–115.

Poppel et al. 2008 – *Poppel van F., Monden C., Mandemakers K.* Marriage Timing over the Generations // Springer Science: Hum Nat. 2008. no. 19. P. 7–22.

Regan 2011 – Regan P. Close Relationships. NY.: Routledge, 2011.

Sternberg 1996 – Sternberg R.J. Love stories // Personal Relationships. 1996. no. 3 (1). P. 59–79.

Twenge et al. 2012 – Twenge J.M., Campbell W.K., Freeman E.C. Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for Others, and Civic Orientation, 1966–2009 // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. no. 102 (5). P. 1045–1062.

References

Bruner, J. (1987), “Life as narrative”, *Social Research*, no. 54 (2), pp. 11–32.

Byrne, D. and Nelson, D. (1965), “Attraction as a linear function of proportion of positive reinforcements”, *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 1 (6), pp. 659–663.

Campbell, S.M., Twenge, J.M. and Campbell, W.K. (2017), “Fuzzy But Useful Constructs: Making Sense of the Differences Between Generations”, *Work, Aging and Retirement* [Electronic], no. 3 (2), pp. 130–139, available at: <https://doi.org/10.1093/workar/wax001> (Accessed 15 Apr. 2022).

Dunlop, W.L., Hanley, G.E. and McCoy, T.P. (2019), “The narrative psychology of love lives”, *Journal of Social and Personal Relationships*, vol. 36 (3), pp. 761–784.

Foucault, M. (1996), *Volya k istine: po tu storony znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality], Kastal', Moscow, Russia.

Frankl, V. (1990), *Chelovek v poiskah smysla* [Man in search of meaning], Progress, Moscow, Russia.

Fromm, E. (2007), *Iskusstvo lyubit'. Issledovanie prirody lyubvi* [The art of loving. An Enquiry into the Nature of Love], Azbuka-klassika, St. Petersburg, Russia.

- Giddens, A. (2004), *Transformatsiya intimnosti* [The Transformation of Intimacy], Piter, St. Petersburg, Russia.
- Hammack, P.L. and Toolis, E.E. (2015), "Putting the Social into Personal Identity: The Master Narrative as Root Metaphor for Psychological and Developmental Science", *Human Development*, no. 58, pp. 350–364.
- Hiles, D. and Čermák, I. (2008), "Narrative Psychology", in Willig, C. and Stainton-Rogers, W. (ed.), *The Sage Handbook of Qualitative Research in Psychology*, Sage, London, UK, pp. 147–164.
- Howe, N. and Strauss, W. (1997), *The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*, Bantam Doubleday Dell, New York, USA.
- Howe, N. and Strauss, W. (2007), "The Next 20 Years: How Customer and Workforce Attitudes Will Evolve", *Harvard Business Review*, no. 85 (7–8), pp. 47–52.
- Karabanova, O.A. (2005), *Vozrastnaya psikhologiya* [Developmental Psychology], Airis-press, Moscow, Russia.
- Kon, I.S. (2016), *Klubnichka na beriozke. Seksual'naya kul'tura v Rossii* [Strawberry on Birch. Sexual Culture in Russia], Vremya, Moscow, Russia.
- Kon, I.S. (2011), "Three in One: Sexual, Gender and Family Revolution", *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii*, vol. 14, no. 1, pp. 51–65.
- Levada, Yu.A. (2002), "Notes on the Problem of Generations", *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny*, no. 2 (58), pp. 9–11.
- Mannheim, K. (1952), "The Problem of Generations", *Essays on the Sociology of Knowledge: Collected Works*, vol. 5, Routledge and Kegan Paul, London, UK, pp. 276–322.
- Martsinkovskaya, T.D. and Chumicheva, I.V. (2015), "The problem of teenagers' socialization in modern multicultural space", *Psychological studies* [Electronic], vol. 8, no. 39, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n39/1094-martsinkovskaya39.html> (Accessed 5 Feb. 2022).
- Martsinkovskaya, T.D. and Poleva, N.S. (2017), "Generations of the era of transitivity: values, identity, communication", *Mir psikhologii*, no. 1, pp. 24–37.
- May, R. (1997), *Lyubov' i volya* [Love and Will], Refl-buk, Moscow, Russia.
- McAdams, D.P. (2011), "Narrative identity", in Schwartz, S.J., Luyckx, K. and Vignoles, V.L. (ed.), *Handbook of Identity Theory and Research*, Springer, New York, USA, pp. 99–115.
- Melnikova, O.T. (2007), *Fokus-gruppy: metody, metodologiya, moderirovanie* [Focus groups: methods, methodology, moderation], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Melnikova, O.T. and Khoroshilov, D.A. (2013), "Empirical testing of triangulation as a strategy for validating a qualitative study", *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, no. 4, pp. 145–183.

- Poppel, van F., Monden, C. and Mandemakers, K. (2008), "Marriage Timing over the Generations", *Springer Science: Hum Nat*, no. 19, pp. 7–22.
- Regan, P. (2011), *Close Relationships*, Routledge, New York, USA.
- Rikel, A.M. and Tychinina, M.I. (2017), "Intergenerational differences of strategies of interpersonal relationships", *Psychological studies* [Electronic], vol. 10, no. 51, available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n51/1384-rikel51.html> (Accessed 5 Feb. 2022).
- Ryurikov, Yu.B. (1990), "Childhood of human love", in Ivin, A.A. and Gorskiy, D.P. (ed.), *Filosofiya lyubvi* [Philosophy of Love], vol. 1, Politizdat, Moscow, Russia, pp. 11–36.
- Semenova, V.V. (2001), "Differentiation and consolidation of generations in a transforming society", in Yadov, V.A. (ed.), *Rossiya transformiruyuscheesya obschestvo* [Russia: a transforming society], KANON-press-TS, Moscow, Russia, pp. 256–271.
- Semenova, V.V. (2003), "Modern conceptual and empirical approaches to the concept of «generation»", in Drobizheva, L.M. (ed.), *Rossiya reformiruyuschazsya: Yezhegodnik* [Reforming Russia: yearbook], Institut Soziologii RAN, Moscow, Russia, pp. 213–237.
- Sternberg, R.J. (1996), "Love stories", *Personal Relationships*, no. 3 (1), pp. 59–79.
- Twenge, J.M., Campbell, W.K. and Freeman, E.C. (2012), "Generational Differences in Young Adults' Life Goals, Concern for Others, and Civic Orientation, 1966–2009", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 102 (5), pp. 1045–1062.

Информация об авторах

Ольга Т. Мельникова, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11/9; *melnikova-o@yandex.ru*

Мария И. Тychинина, аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11/9; *mariatychinina@gmail.com*

Information about the authors

Olga T. Melnikova, Sc.D. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *melnikova-o@yandex.ru*

Maria I. Tychinina, graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11/9, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *mariatychinina@gmail.com*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-70-84

Исследование связи склонности
к формированию парасоциальных отношений
с персонажами видеоигр и особенностей
межличностной коммуникации
пользователей видеоигр

Василиса Р. Орестова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Тимофей С. Самсонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, combine2009@yandex.ru*

Аннотация. Работа посвящена исследованию связи склонности к парасоциальным отношениям с персонажами видеоигр и особенностей межличностной коммуникации пользователей видеоигр. Целью работы также является первичный этап стандартизации опросника МОПС-О (Мультижанровый опросник парасоциальных отношений). В результате данного этапа воспроизведена факторная структура пилотного исследования, состоящая из двух шкал для измерения парасоциальных отношений – эмоционального симбиоза с персонажем и авторитета персонажа. Продемонстрированы удовлетворительные показатели внутренней согласованности данных шкал. Выборкой исследования стали пользователи игровых сообществ в возрасте от 16 до 30 лет ($M=20,34$; $SD=3,28$), указавшие наличие предпочитаемого игрового персонажа. Было обнаружено, что показатели зависимого одиночества, эмоционального симбиоза с персонажем и авторитета персонажа выше у представителей возрастной группы 16–19 лет, а также показатели социальной тревоги более выражены у женщин. В результате корреляционного анализа, проведенного в возрастной группе 16 – 19 лет, не было выявлено связи показателей парасоциальных отношений и одиночества. Показана положительная связь социальной тревоги с фактором авторитета персонажа у женщин. Рассматривается обоснованность и возможность проверки в будущих исследованиях связи полученных результатов с гендерно-специфичными особенностями социального взаимодействия.

Ключевые слова: парасоциальные отношения, видеоигры, одиночество, социальная тревога, распознавание эмоций

Для цитирования: Орестова В.Р., Ткаченко Д.П., Самсонов Т.С. Исследование связи склонности к формированию парасоциальных отношений с персонажами видеоигр и особенностей межличностной коммуникации пользователей видеоигр // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 70–84. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-70-84

Study of parasocial relationships with videogame characters and aspects of interpersonal communication in videogame users

Vasilisa R. Orestova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, bigbro-littlebro@yandex.ru*

Timofei S. Samsonov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, combine2009@yandex.ru*

Abstract. The main purpose of the study is to explore the correlation between the intensity of parasocial relationships with videogame characters and aspects of interpersonal communication in videogame users. Additionally, psychometric properties of a new Multi-genre parasocial relationships inventory (MPRI) are tested. As a result of this test, the factor structure identical to the one in the pilot study has been reproduced, and is presented by two scales measuring the intensity of parasocial relationships – emotional symbiosis with a character and authority of a character. Both scales show adequate measures of internal reliability. Respondents with preferable videogame character have been sampled from videogaming communities, age ranging from 16 to 30 years old ($M=20,34$; $SD=3,28$). The group of videogame users aged from 16 to 19 years old showed significantly higher levels of dependent loneliness, emotional symbiosis and authority of a videogame character. Correlation analysis conducted independently for a 16–19 years old group showed no correlation between intensity of parasocial relationships and loneliness. Female videogame users showed significantly higher social anxiety, which was correlated to authority of a videogame character, compared to no

correlation with parasocial relationship factors among male videogame users' group. Future research could link these results to gender-specific features of interpersonal communication overall: the foundations for this hypothesis are discussed.

Keywords: parasocial relationships, videogames, loneliness, social anxiety, emotion recognition

For citation: Orestova, V.R., Tkachenko, D.P. and Samsonov, T.S. (2022), "Study of parasocial relationships with videogame characters and aspects of interpersonal communication in videogame users", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 70–84, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-70-84

Введение

Феномен парасоциальных отношений был впервые описан в 1956 г. и охарактеризован Д. Хортоном и Р. Воллом [Horton, Wohl 1956] как отношения между зрителем и экранными фигурами (телевидения или кино) без взаимного обмена, но с переживанием близости, как будто эти персонажи являются хорошими знакомыми субъекта. Первый широко применяемый методический инструмент для измерения парасоциального взаимодействия (на тот момент понятия парасоциальные отношения и парасоциальное взаимодействие использовались взаимозаменяемо) был разработан в 1985 г. [Rubin et al. 1985]. Несмотря на такое название измеряемого феномена, в действительности ранние опросники измеряют парасоциальные отношения, так как их предъявление респонденту, как правило, происходит вне его взаимодействия с медиа ресурсом (т.е. отношения пользователя медиа и персонажа выходят за рамки их непосредственного взаимодействия, в отличие от парасоциального взаимодействия). Примерно половина работ (53,1%, на 2019 г.) в области парасоциальных феноменов относится к парасоциальным отношениям, и опросные методики являются основными для них, в то время как 30,5% относится к парасоциальному взаимодействию, и применение в них эксперимента и опросников встречается одинаково часто [Schramm, Liebers 2019]. Интенсивность парасоциальных отношений может быть связана с различными факторами: например, симпатией по отношению к персонажу, идентификацией с ним, степенью похожести на самого человека, интерактивностью взаимодействия. Вымышленность персонажа также имеет значение: по отношению к таким персонажам парасоциальные отношения интенсивнее [Schramm, Liebers 2019].

Примечательно то, что идентификация положительно связана с интенсивностью парасоциальных отношений: это способствует

изменению представлений человека о его собственном окружении [Schramm, Liebers 2019], повышению уверенности [Greenwood 2008], принятию или отвержению убеждений и ценностей персонажа, изменению системы представлений о себе [Green 2021; Tukachinsky et al. 2020]. Идентификация предполагает, что пользователь проживает опыт нахождения в позиции медиа персонажа, принимая перспективу последнего, в то время как парасоциальные отношения относятся к нахождению во внешней позиции, отношению к персонажу как к другому человеку. Связь обоих феноменов, несмотря на такую противоречивую сущность, объясняется тем, что при взаимодействии с медиа ресурсом проявление идентификации выражено в эмпатическом проживании опыта персонажа и его перспективы, в то время как парасоциальные отношения отражают привлекательность персонажа в целом, за пределами непосредственного взаимодействия. Также идентификация не является непрерывным процессом, и перспектива медиа пользователя может сдвигаться к его собственной позиции [Tukachinsky et al. 2020]. В качестве особенностей межличностной коммуникации в данной работе нами рассматриваются одиночество и социальная тревога пользователей видеоигр.

Одиночество. Одиночество – это состояние отдаленности от контактов с другими людьми [Осин, Леонтьев 2013]. Оно может возникать как в условиях физической изоляции, так и в присутствии людей, и в обоих случаях оно может быть как добровольным, так и вынужденным. Одиночество переживается людьми по-разному. Зависимое одиночество (или тревога одиночества) болезненно и избегается человеком, потому что в нем внимание обращено на факт своей отделенности и изолированности от людей, а не на «встречу с самим собой», интеграцию опыта взаимодействия с миром. Такое одиночество мешает принятию своей обособленности от других, выбору своего собственного пути и способности выстраивать отношения. В то же время, позитивное одиночество представляет собой переживание отделенности от людей как возможности творческого уединения и личностного развития, интеграции опыта в личностную структуру.

Социальная тревога. Социальная тревога в клинической практике называется также социальной фобией [Сагалакова, Труевцев 2007]. Она предполагает то, что человек испытывает страх участия в социальных ситуациях. В основе социальной тревоги лежит страх негативной оценки со стороны окружающих. Опасения такого отвержения побуждают человека избегать выстраивания социальных контактов, выражения собственного мнения и чувств в присутствии других людей. Социальные ситуации, вызывающие тревогу, разнообразны: нахождение в центре вни-

мания, экспертные ситуации (экзамены, пр.), выражение чувств, необходимость проявить инициативу в формальных ситуациях, непосредственный контакт с кем-либо (боязнь выступления на аудиторию или страх заявить собственное несогласие) [Сагалакова, Труевцев 2012].

Межполовые различия в склонности к парасоциальным отношениям. Исследования в области парасоциальных отношений демонстрируют несбалансированность своих выборок по гендерному признаку. Так, на 2019 год только 17,6% исследований обладали сбалансированной выборкой, в то время как в 43,6% из них наблюдалось существенное смещение в сторону женской части выборки, и только в 7,5% подобное относилось к количеству респондентов мужского пола [Schramm, Liebers 2019]. Множество эмпирических исследований в данной области, как правило, охватывают молодую и преимущественно женскую выборку. Это сопровождается такими факторами, как образование респондентов выше среднего (что часто обусловлено их набором из соответствующей студенческой среды) и в целом большая заинтересованность женщин в тематике, объединяющей соответствующие исследования. Малая представленность гендерно сбалансированных выборок ограничивает, а в некоторых случаях и исключает возможность обобщить полученные результаты на генеральную совокупность. Отдельный интерес представляют те межполовые различия в склонности к парасоциальным отношениям, которые были эмпирически обнаружены. Показано, что выбор объекта парасоциальных отношений у разных полов не похож на выбор в дружеских отношениях [Tukachinsky et al. 2020]. Для дружеских отношений что женщины, что мужчины выбирают партнеров одного с собой пола и оценивают такие отношения, как более содержательные и глубокие. В случае же выбора объекта парасоциальных отношений, он не является таким однозначным: женщины чаще, чем мужчины, выбирают предпочитаемого персонажа, если он противоположного пола. Эта особенность наблюдается даже в том случае, когда возможный выбор имеет сбалансированное количество мужских и женских персонажей. Связь данного феномена со склонностью к парасоциальным отношениям изучена мало и ее изучение имеет противоречивые результаты, однако анализ последних исследований показывает, что парасоциальные отношения более интенсивны у женщин [Tukachinsky et al. 2020].

Отмечается также, что отношения как таковые могут иметь различное сочетание характеристик «социальности» и «парасоциальности» и находиться на разных точках этого континуума [Tukachinsky et al. 2020]. Так, например, односторонние отноше-

ния со знаменитостью считаются по своей сущности менее парасоциальными, чем такие же отношения с персонажем мультсериала, но более парасоциальными, чем безответная симпатия человека, который боится заговорить со своим знакомым или знакомой. Обзор последних исследований показывает, что между вымышленными и невымышленными персонажами нет различий в той склонности к парасоциальным отношениям, которую они вызывают. На 2019 год, 27,5% исследований имели своими объектами парасоциальные отношения как с вымышленными, так и с невымышленными персонажами. 47,3% были сосредоточены на невымышленных персонажах: особенность, которая, в частности, присуща исследованиям в группах «новых медиа» вроде социальных сетей. Также на текущий момент в исследованиях не наблюдается связи склонности к парасоциальным отношениям с типом медиа ресурса: несмотря на наличие предположения, что интерактивные медиа ресурсы способствуют большей склонности к парасоциальным отношениям, оно не подтверждается. Похожие результаты были получены при сравнении выборки пользователей видеоигр, имеющих предпочитаемого игрового персонажа, с выборками респондентов, предпочитающих персонажей в мультсериалах, текстовых произведениях и прочих типах медиа [Самсонов, Ткаченко 2022].

Особый интерес в общей галерее исследований, посвященных парасоциальным отношениям, представляют те, что через призму данного феномена пытаются выявить и осмыслить условно негативные аспекты межличностного взаимодействия. Эмпирические свидетельства связи феномена парасоциальных отношений с особенностями межличностной коммуникации (такими, как одиночество, социальная тревога и эмоциональный интеллект) до сих пор остаются противоречивыми. Так авторы нескольких метааналитических исследований либо делают вывод, что парасоциальные отношения вообще не связаны с переживанием одиночества [Tukachinsky et al. 2020], либо показывают противоречивые результаты [Schramm, Liebers 2019]. Исследований связи парасоциальных отношений с социальной тревогой в данных обзорах представлено мало, и они также неоднозначны.

Дискуссия в научной среде вокруг связи парасоциальных отношений с «негативными» факторами межличностной коммуникации (вроде тревожности, одиночества, низкой самооценки и прочими) сводится к двум превалирующим точкам зрения: рассмотрение парасоциальных отношений в качестве «замещающей» функции (т.е. такой, которая обуславливает стремление человека заменить реальные отношения парасоциальными из-за меньших требований последних к коммуникативным навыкам и

отсутствием риска отвержения) и «дополняющей» (известной также как гипотеза Панксепа-Якобсона, согласно которой парасоциальные отношения являются не заменой, а расширением социального круга человека) [Tukachinsky et al. 2020]. Второй взгляд основывается на данных недавних исследований нейрокогнитивных коррелятов взаимодействия с художественной литературой и схожих принципах работы мозга при реальной и парасоциальной коммуникации [Jacobs, Willems 2018], в то время как первый уходит своими корнями в изучение мотивации пользователей при взаимодействии с медиа ресурсами [Rubin et al. 1985; Rosengren, Windahl 1972]. Согласно этой точке зрения, при взаимодействии с медиа источниками человек может компенсировать недостаток реального общения парасоциальным, так как оно более доступно и способно удовлетворить такую потребность. Основное отличие данного взгляда состоит в понимании парасоциальных отношений как мотивирующих и направляющих взаимодействие человека с медиа ресурсами при дефицитах общения.

В связи с исследовательской неоднозначностью и методологической путаницей в понимании значения парасоциальных отношений для межличностного взаимодействия, основной целью нашей работы стало выявление и изучение связи парасоциальных отношений с персонажами видеоигр с особенностями одиночества и социальной тревоги пользователей видеоигр. *Объектом* явились парасоциальные отношения.

Исследование было направлено на проверку *гипотезы* о том, что склонность к формированию парасоциальных отношений с игровыми персонажами положительно связана с социальной тревогой и переживанием одиночества.

Методы исследования

Операционализация исследуемых конструкторов и верификация гипотезы выполнена с помощью следующих методов: Дифференциальный опросник переживания одиночества Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева (ДОПО-3, краткая версия) [Осин, Леонтьев 2013]; Опросник социальной тревоги и социофобии О.А. Сагалаковой и Д.В. Труевцева (ОСТиСФ) [Сагалакова, Труевцев 2012]; факторизованная анкета для измерения парасоциальных отношений, статистически выделенных факторов – эмоционального симбиоза с персонажем и авторитета персонажа, описание психометрических характеристик шкал на основе данного и предыдущих исследований [Самсонов, Ткаченко 2022] – первичный этап стандартизации опросника МОПС-О (Мультижанровый опросник парасоциальных отношений).

Характеристика выборки

В основную выборку вошли (N=121) респонденты тематических игровых сообществ в социальной сети, принимавшие участие в исследовании в онлайн формате (Google Forms), в возрасте от 16 до 30 лет (M=20,34; SD=3,28), 62,8% составили женщины. Все респонденты ответили утвердительно на вопрос «Есть ли у вас предпочитаемый игровой персонаж?». По роду занятий 77,7% являются студентами или учениками, 7,4% – фрилансерами и 14,9% – специалистами. По уровню образования 30,6% имеют высшее образование, 20,7% – среднее специальное, 48,8% проходят или окончили школьное обучение. Кроме того, для реализации первичного этапа стандартизации опросника МОПС-О (Мультжанровый опросник парасоциальных отношений) были использованы данные пилотного исследования, проведенного на выборке в 208 человек, от 16 до 35 лет, с женской частью выборки в 85,1%.

Количественная обработка данных выполнена с помощью статистической программы SPSS Statistics 28. Проверка распределения показателей выявила несоответствие закону нормального распределения, в связи с чем для анализа межгрупповых различий использовались непараметрические критерии U Манна-Уитни (Mann-Whitney U-test) и H Краскела-Уоллиса (Kruskal-Wallis H-test). Для оценки психометрических характеристик шкал измерения склонности к парасоциальным отношениям применялся факторный анализ с вращением Варимакс. Для оценки внутренней согласованности полученных шкал использовался коэффициент альфа Кронбаха (Cronbach's Alpha). Для изучения связей между показателями применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Spearman's rank R) с поправкой Бонферрони.

Результаты и их обсуждение

На предварительном этапе был проведен факторный анализ (метод главных компонент, вращение Варимакс) 7 утверждений анкеты для измерения парасоциальных отношений, согласие с которыми оценивалось по шкале от 1 до 5, где 1 – полностью не согласен, 5 – полностью согласен. Ниже приведены факторные нагрузки утверждений (см. табл. 1) вместе с результатами, полученными для тех же утверждений на выборке (N=208) более раннего исследования (с предпочтениями персонажей из различных медиа сфер) [Самсонов, Ткаченко 2022].

Таблица 1

Показатели факторных нагрузок утверждений анкеты
для измерения парасоциальных отношений
(повернутая матрица компонентов)

	N=121		N=208	
	ЭмСимб	Авт	ЭмСимб	Авт
«Мне неудобно, если я подолгу не вижу с ней (с ним)»	0,873		0,827	
«Бывает, я скучаю по его или ее голосу»	0,803		0,737	
«Если у него или у нее плохое настроение, то мое тоже портится»	0,783		0,791	
«Успокоить меня было бы непосильной задачей для кого угодно, кроме нее (него)»	0,775		0,752	
«Он или она мог(ла) бы быть моим наставником в реальности»		0,813		0,815
«Когда я сталкиваюсь с трудными ситуациями, мне есть чему поучиться у него (у нее)»		0,809		0,703
«Его или ее мудрость – это то, к чему следовало бы прислушаться»		0,789		0,835

Примечания. На рисунке N=121 является выборкой данного исследования. Факторы склонности к парасоциальным отношениям: ЭмСимб – эмоциональный симбиоз с персонажем, Авт – авторитет персонажа.

Для оценки внутренней согласованности (см. табл. 2) шкал методики для измерения парасоциальных отношений применялся коэффициент альфа Кронбаха (Cronbach's Alpha).

Во всех трех случаях объединение утверждений двух шкал также показывает высокую степень согласованности (альфа Кронбаха $> 0,8$).

Далее был проведен анализ межвозрастных различий. При формировании групп использовалась периодизация Б.Г. Ананьева, в соответствии с которой выборка была разделена на группы 16 – 19, 20 – 24 и 25 – 30 лет. На статистическом уровне удалось выявить следующие различия (Рис. 1).

Полученные данные свидетельствуют о том, что респонденты в возрасте 16-19 лет испытывают больше зависимо одиночества ($H=10,012$; $p=0,021$), у них больше выражен эмоциональный симбиоз с персонажем ($H=6,968$; $p=0,032$) и авторитет персонажа ($H=7,134$; $p=0,033$) по сравнению с респондентами других возрастных групп.

Таблица 2

Показатели совокупной объясненной дисперсии и внутренней согласованности шкал методики для измерения парасоциальных отношений

	Альфа Кронбаха (ЭмСиб)	Альфа Кронбаха (Авт)	% объясненной дисперсии
N=121	0,86	0,78	70,4
N=208	0,81	0,73	64,9
N=329	0,83	0,75	66,7

Примечания. N=121 является выборкой данного исследования, N=329 – совокупной выборкой двух исследований. Факторы склонности к парасоциальным отношениям: ЭмСиб – эмоциональный симбиоз с персонажем, Авт – авторитет персонажа.

Исходя из этого, можно предположить, что пользователи видеоигр более молодого возраста демонстрируют большую чувствительность к одиночеству и парасоциальным отношениям. Для проверки характера связи этих двух компонентов был проведен корреляционный анализ отдельно для представителей возрастной группы 16–19 лет. В результате данной проверки значимых связей обнаружено не было.

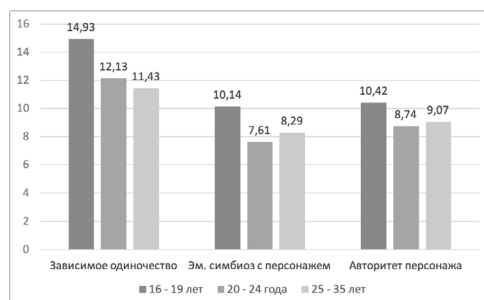

Рис. 1. Результаты оценки межвозрастных различий с использованием критерия Н Краскела-Уоллиса (Kruskal-Wallis H-test)

Далее анализировались межполовые различия. Выявлено, что женская часть выборки демонстрирует значимо большую социальную тревогу ($U=1324,500$; $p=0,039$) по сравнению с мужской (Рис. 2).

Для выявления связей между показателями парасоциальных отношений (эмоционального симбиоза и авторитета) и данными

характеристиками мы разделили выборку на группы респондентов мужского и женского пола. Далее представлены данные для группы женского (N=76) и мужского (N=45) пола.

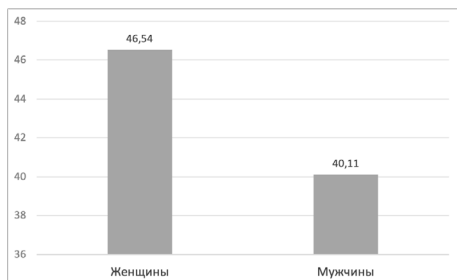

Рис. 2. Результаты оценки межполовых различий с использованием критерия U Манна-Уитни (Mann-Whitney U-test)

Результаты корреляционного анализа показателей парасоциальных отношений (эмоционального симбиоза, авторитета) с игровым персонажем и показателей межличностной коммуникации в группе женщин с применением критерия Спирмена (Spearman's rank R) с поправкой Бонферрони выявили положительную связь фактора авторитета персонажа с социальной тревогой ($r_s=0,34$; $p=0,003$). Результаты корреляционного анализа в группе мужчин значимых связей не выявили.

На основании этих результатов, можно предположить, что для женщин парасоциальные отношения могут выполнять в каком-то смысле компенсаторную функцию – позволять безопасно и контролируемо реализовывать значимые близкие отношения, избегая тревоги, к которой они более чувствительны, нежели мужчины. Но это предположение, безусловно, требует дальнейшей проверки.

Выводы

Факторизация (метод главных компонент, вращение Варимакс) пунктов методики подтвердила факторную структуру, полученную ранее в пилотном исследовании [Самсонов, Ткаченко 2022], высокую степень объясненной совокупной дисперсии (>65%) и внутренней согласованности шкал (альфа Кронбаха >0,7). Были подтверждены психометрические характеристики двух шкал, измеряющих склонность к парасоциальным отношениям: эмоционального симбиоза с персонажем и авторитета персонажа. Таким образом, это позволяет сделать заключение о реализации эксплораторного этапа стандартизации.

Гипотезы обсуждаемого исследования получили частичное подтверждение в результате эмпирической проверки: социальная тревога пользователей видеоигр действительно оказалась положительно связана со склонностью к формированию парасоциальных отношений.

Отдельно стоит отметить выявленную чувствительность возрастной группы игроков 16–19 лет к одиночеству и склонности к формированию парасоциальных отношений. Исходя из анализа связей между показателями одиночества и факторами парасоциальных отношений, можно говорить о том, что связи между этими показателями в данной возрастной группе нет.

Интересным представляется то, что именно для женщин как пользователей видеоигр характерна связь тревоги со склонностью к парасоциальным отношениям. Исследования показывают, что социальное взаимодействие имеет гендерно-специфичные особенности: так, для женщин свойственна большая стабильность их существующих связей и меньшая гибкость при формировании новых, и в целом круг их социальных контактов сравнительно меньше [Friebel et al. 2021]. Одним из оснований для постановки вопросов, нуждающихся в проверке в будущих исследованиях, может служить предположение, что парасоциальные отношения с одним и тем же персонажем также более стабильны для женщин. Однако мы не можем утверждать по результатам нашей выборки, что существуют явные межполовые различия по склонности формировать парасоциальные отношения у пользователей видеоигр. Эти результаты довольно неоднозначны, так как имеются свидетельства того, что склонность к формированию парасоциальных отношений у женщин больше, чем у мужчин [Schramm, Liebers 2019]. Возможно, это следствие специфики выборки, которая была задействована в нашем исследовании, поэтому экстраполировать полученные в нашей работе данные на всю популяцию не представляется возможным.

Благодарность

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-18-00516 «Транзитивное и виртуальное пространства – общность и различия».

Acknowledgments

The research was carried out with the support of Russian Scientific Foundation, project No 19-18-00516 “Transitive and virtual spaces - commonality and differences”.

Литература

Осин, Леонтьев 2013 – *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 55–81.

Сагалакова, Труевцев 2007 – *Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.* Социальные страхи и социофобии. Томск: Изд-во Томский государственный университет, 2007. 210 с.

Сагалакова, Труевцев 2012 – *Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.* Опросник социальной тревоги и социофобии [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2012. № 4 (15). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения 5 янв. 2022).

Самсонов, Ткаченко 2022 – *Самсонов Т.С., Ткаченко Д.П.* Связь склонности к парасоциальным отношениям с особенностями межличностных отношений с близкими людьми у медиа пользователей // Сборник научных статей и материалов международной конференции «Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека» / Под ред. Р.В. Ершовой. Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2022. 315 с.

Friebel et al. 2021 – *Friebel G., Lalanne M., Richter B., Schwardmann P., Seabright P.* Gender differences in social interactions // Journal of Economic Behavior & Organization. 2021. Vol. 186. P. 33–45.

Green 2021 – *Green M.* Transportation into Narrative Worlds // Entertainment-Education Behind the Scenes / Ed. by L. Frank, P. Falzone. Cham, Switzerland: Springer Nature Switzerland, Palgrave Macmillan, 2021. P. 87–101.

Greenwood 2008 – *Greenwood D.N.* Television as escape from self: Psychological predictors of media involvement // Personality and Individual Differences. 2008. Vol. 44. P. 414–424.

Horton, Wohl 1956 – *Horton D., Wohl R.* Mass communication and parasocial interaction: Observations on intimacy at a distance // Psychiatry. 1956. Vol. 19. P. 188–211.

Jacobs, Willems 2018 – *Jacobs A.M., Willems R.M.* The fictive brain: Neurocognitive correlates of engagement in literature // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22. Iss. 2. P. 147–160.

Rosengren, Windahl 1972 – *Rosengren K.E., Windahl S.* Mass media consumption as a functional alternative // Sociology of mass communications / Ed. by D. McQuail. Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 166–194.

Rubin et al. 1985 – *Rubin A.M., Perse E.M., Powell R.A.* Loneliness, parasocial interaction and local television news viewing // Human Communication Research. 1985. Vol. 12. P. 155–180.

Schramm, Liebers 2019 – *Schramm H., Liebers N.* Parasocial Interactions and Relationships with Media Characters – An Inventory of 60 Years of Research // *Communication research trends*. 2019. Vol. 38. Iss. 2. P. 4–31.

Tukachinsky et al. 2020 – *Tukachinsky R., Walter N., Saucier C.* Antecedents and Effects of Parasocial Relationships: A Meta-Analysis // *Journal of Communication*. 2020. Vol. 70. Iss. 6. P. 868–894.

References

Friebel, G., Lalanne, M., Richter, B., Schwardmann, P. and Seabright, P. (2021), “Gender differences in social interactions”, *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 186, pp. 33–45.

Green, M. (2021), “Transportation into Narrative Worlds”, in Frank, L. and Falzone, P. (ed.), *Entertainment-Education Behind the Scenes*, Springer Nature Switzerland, Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland, pp. 87–101.

Greenwood, D.N. (2008), “Television as escape from self: Psychological predictors of media involvement”, *Personality and Individual Differences*, vol. 44, pp. 414–424.

Horton, D. and Wohl, R. (1956), “Mass communication and parasocial interaction: Observations on intimacy at a distance”, *Psychiatry*, vol. 19, pp. 188–211.

Jacobs, A.M. and Willems, R.M. (2018), “The fictive brain: Neurocognitive correlates of engagement in literature”, *Review of General Psychology*, vol. 22, iss. 2, pp. 147–160.

Osin, E.N. and Leont'ev, D.A. (2013), “Differential measure of loneliness: structure and properties”, *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 10, no. 1, pp. 55–81.

Rosengren, K.E. and Windahl, S. (1972), “Mass media consumption as a functional alternative”, in McQuail D. (ed.), *Sociology of mass communications*, Penguin, Harmondsworth, UK, pp. 166–194.

Rubin, A.M., Perse, E.M. and Powell, R.A. (1985), “Loneliness, parasocial interaction and local television news viewing”, *Human Communication Research*, vol. 12, pp. 155–180.

Sagalakova, O.A. and Truevtsev, D.V. (2007), *Sotsial'nye strakhi i sotsiofobii* [Social anxiety and phobias], Tomsk state university, Tomsk, Russia.

Sagalakova, O.A. and Truevtsev, D.V. (2012), “Social anxiety and social phobia questionnaire”, *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, no. 4 (15) [Online], available at: <http://medpsy.ru> (Accessed 5 Jan. 2022).

Samsonov, T.S. and Tkachenko, D.P. (2022), “The connection of parasocial relationships to factors of close interpersonal relationships in media users”, *Sbornik nauchnykh statei I materialov mezhdunarodnoi konferentsii*

“*Tsifrovoe obshchestvo kak kul'turno-istoricheskii kontekst razvitiya cheloveka*” [Int. Conf. Proc. “Digital society as a cultural and historical context of human development”], Digital society as a cultural and historical context of human development, Moscow, Russia, 17 February 2022.

Schramm, H. and Liebers, N. (2019), “Parasocial Interactions and Relationships with Media Characters – An Inventory of 60 Years of Research”, *Communication research trends*, vol. 38, iss. 2, pp. 4–31.

Tukachinsky, R., Walter, N. and Saucier, C. (2020), “Antecedents and Effects of Parasocial Relationships: A Meta-Analysis”, *Journal of Communication*, vol. 70, iss. 6, pp. 868–894.

Информация об авторах

Василиса Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *v.r.orestova@gmail.com*

Дарья П. Ткаченко, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Тимофей С. Самсонов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *combine2009@yandex.ru*

Information about the author

Vasilisa R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *v.r.orestova@gmail.com*

Daria P. Tkachenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *bigbro-littlebro@yandex.ru*

Timofei S. Samsonov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; *combine2009@yandex.ru*

Косвенная самопрезентация людей с высоким уровнем макиавеллизма в ситуации успеха и неудачи

Светлана В. Федотова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, fedotova.s.v@gmail.com*

Илья Д. Белоглазов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, i.d.beloglazov@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования косвенной самопрезентации в диагностике личностных черт человека на примере людей с высоким уровнем макиавеллизма. Такой подход расширяет возможности в диагностике личностных особенностей человека, так как в данном случае нет необходимости сосредотачиваться на подборе ситуации для анализа самопрезентации. В этом случае важен уже не содержательный аспект повествования, а то, как оно строится. Для демонстрации такой возможности были выбраны две группы респондентов: макиавеллисты и немакиавеллисты, которым предлагалось придумать и рассказать истории, несвязанные лично с ними. В качестве основы для сюжета были использованы карты из настольной игры «Имаджинариум». Было показано, что техники самопрезентации могут быть выявлены не только в ситуациях прямой презентации себя, но и в их рассказах на абстрактные темы тоже. Также были выделены основные особенности самопрезентации макиавеллистов. В их рассказах речь идет о сильном герое, который противопоставляется всему остальному миру. В историях могут присутствовать другие персонажи, но их роль незначительна, или они игнорируются главным героем. Если речь идет о неудачи, то такие ситуации описываются как определенное стечение обстоятельств.

Ключевые слова: косвенная самопрезентация, макиавеллизм, вербальная самопрезентация

Для цитирования: Федотова С.В., Белоглазов И.Д. Косвенная самопрезентация людей с высоким уровнем макиавеллизма в ситуации успеха и неудачи // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 85–93. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-85-93

Indirect self-presentation of people with
a high level of Machiavellianism in
a situation of success and failure

Svetlana V. Fedotova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, fedotova.s.v@gmail.com*

Ilia D. Beloglazov

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, i.d.beloglazov@gmail.com*

Abstract. The possibilities of using indirect self-presentation in the diagnosis of a person's personality traits on the example of people with a high level of Machiavellianism are discussed in the article. This approach expands the possibilities in diagnosing personality traits, since in this case there is no need to focus on selecting a situation for analyzing self-presentation. In this case, it is no longer the content aspect of the narrative that is important, but how it is built. To demonstrate this possibility, two groups of respondents were selected: Machiavellian and non-Machiavellian, who were asked to create and tell stories that were not personally related to them. The cards from the board game „Imaginarium” were used as the basis for the plot. It was shown that self-presentation techniques can be identified not only in situations of direct self-presentation, but also in their stories on abstract topics too. The main features of the Machiavellian presentation were also highlighted. Their stories are about a strong hero who is opposed to the world. There may be other characters in the stories, but their role is insignificant, or they are ignored by the main character. If we are talking about failures, these situations are described as a certain combination of circumstances.

Keywords: indirect self-presentation, Machiavellianism, verbal self-presentation

For citation: Fedotova, S.V. and Beloglazov, I.D. (2022), “Indirect self-presentation of people with a high level of Machiavellianism in a situation of success and failure”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology, Pedagogics, Education” Series*, no. 2, pp. 85–93, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-85-93

Введение

В исследованиях принято выделять невербальные и вербальные техники самопрезентации [Федорова 2007]. Если говорить о невербальных, то они имеют достаточно много ограничений в использовании. (Например, популярность работ П. Экмана приводит к тому, что выделенные им паттерны становятся не валид-

ными.) Поэтому наиболее перспективной областью исследований становится вербальная самопрезентация. Мы можем по-разному подходить к анализу речи человека, чтобы ответить на вопрос «каков он?». Можно анализировать языковую структуру высказываний и подсчитывать частоту используемых слов [Медведева 2010]. Однако человек может использовать заученные фразы или представляться шаблонными фразами, что будет говорить больше не о нем самом, а о его социальных ролях. Более того, такой подход возможен только в том случае, если мы анализируем прямую вербальную самопрезентацию. То есть ту речь, цель которой – директивная презентация одного человека другому.

В то же время существует подход, где вводится понятие косвенная (непрямая) вербальная самопрезентация, что существенно увеличивает возможности исследований и материала для диагностики личности [Georgakopoulou 2015]. К данному виду, чаще всего, относятся истории из жизни, нарративы, которыми человек делится с окружающими [Svennevig 2014]. Такой подход значительно расширяет границы использования самопрезентации, так как мы обращаем внимание не на то, что человек говорит, а как он это делает.

Мы, в свою очередь, хотим дополнить существующие исследования косвенной самопрезентации, показав на примере людей с высоким уровнем макиавеллизма, что даже в историях на абстрактную тему человек презентует самого себя.

Объект исследования – косвенная вербальная самопрезентация личности.

Предмет исследования – техники косвенной вербальной самопрезентации личности, используемые при описании ситуации успеха, неуспеха, комфорта и не комфорта.

Гипотезы:

1. Выделение косвенных вербальных техник самопрезентации возможно при анализе историй по заданным стимулам.

2. Люди с высоким показателем макиавеллизма имеют качественные отличия в косвенной вербальной самопрезентации при описании 4 ситуаций в сравнении с людьми с низким показателем по данной шкале.

Методы

На первом этапе исследования для получения выборки с необходимыми нам показателями по шкале «макиавеллизм» использовалась методика диагностики личностных черт «Темная триада» М.С. Егоровой [Егорова 2009].

На втором этапе исследования проводилось полуструктурированное интервью со стимульными материалами. Так как ос-

новая идея заключалась в том, что человек, даже рассказывая абстрактную историю, презентует себя, было необходимо дать материал для создания историй, не имеющих непосредственного отношения к респондентам. Им послужили 13 отобранных карт из настольной игры «Имаджинариум». Выбор именно их как стимулов был совершен по нескольким причинам. Во-первых, чтобы доказать или опровергнуть гипотезу о наличии самопрезентации в любой речи, нам требовалось дать материал для создания историй, не имеющих отношения к испытуемым. Во-вторых, каждая из карт многогранна, что обеспечивает дополнительные возможности респондентам при сочинении уникальной истории по картинке.

Респондентам предлагалось выбрать 4 карты, которые, по их мнению, отображают успех, неуспех, комфорт и не комфорт (по одной на каждую категорию). Затем следовало обсуждение каждой карты: что происходит на данной карте, создание некой истории.

Всего было проведено 20 интервью. Возраст респондентов варьировался от 19 до 29 лет ($m = 23$; $sd = 7,1$). Основная деятельность – учеба в вузах (студенты медицинских вузов, а также гуманитарных и технических специальностей). Из них 10 макиавеллистов (2 мужчин, 8 женщин) и 10 немакиавеллистов (все женщины).

Анализ и обсуждение данных

Чтобы выделить косвенные техники вербальной самопрезентации при описании 4 ситуаций, необходимо анализировать не само содержание, не сюжет, который диктуется лишь выбором той или иной карты, а то, как рассказываются и как строятся истории респондентов с разными их представлениями об успехе/неудаче/комфорте/не комфорте.

Анализ рассказов про успех у макиавеллистов

Во всех историях, рассказанных респондентами данной группы, в центре событий находится герой, образ которого очень близок главному персонажу романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Он противопоставляется всему миру: он умнее, сильнее, он лучше всех, ему покорился этот мир. Цитата из интервью: «Она понимает, что она добилась успеха и, собственно, ей не за что переживать, не нужно там, грубо говоря, идти по головам, чего-то добиваться, и об этой жизни она мечтала». Только он способен противостоять жестокой реальности, видеть и нести свет: «Потому что вот этот маленький темный человечек, он запускает кораблик, который на всем остальном фоне выглядит достаточно оптимистично».

Во многих рассказах герой сам осознает свою силу, он понимает, что он лучше, чем все другие люди, и готов этим пользоваться в своих корыстных целях. При этом, если в истории присутствуют другие персонажи, то они незначительны и игнорируются главным героем.

Также стоит отметить, что при описании героев и их успехов всегда есть упоминание результативности, что они уже чего-то достигли. То есть в их жизни можно подвести некий итог и оценить его. Однако в каждом случае подчеркивается, что это не предел их успеха, у них есть возможности для дальнейшего развития.

Анализ рассказов про неуспех у макиавеллистов

В первую очередь, во всех рассказах присутствует описание судьбы как случайно сложившейся. Например, у первого респондента: «В общем, допустим, вот этот чувак во всем черном работал в ресторанчике, но вдруг его подставили, кто-то из его друзей». Или же у респондента № 5 при описании пугала: «Оно понимает свое предназначение, что его задача отпугивать там ворон, разных грызунов с поля, но при этом оно не может повлиять на свой внешний вид <...> его создали таким». Рассказ макиавеллистов про неуспех несет в себе описание жестокости судьбы к герою, который при этом винит себя в неудачах, но его главная стратегия – ожидание, так как, по его мнению, только сама судьба и может вернуть ему все.

Анализ рассказов про комфорт у макиавеллистов

Во всех ситуациях речь идет только о субъекте, так как основная мысль истории заключается в том, что герой, наконец, может побыть собой. То есть он вернулся в свое безопасное место, где можно «выдохнуть» и перестать притворяться, причем во многих рассказах звучит «это мое время». Например, «ну, как дома, где ты не ставишь себя в какие-то рамки, если ты дома можешь, ну, лично для меня, если я могу дома поковыряться в носу, да, и я знаю, что я живу не один, но и при этом я знаю, что если кто-то из моих домашних увидит это, ну, посмотрит, даже не заметит» – респондент № 5.

То есть в данных историях оказывается важным описание времени и места, где можно уже, наконец, «снять маску», так как осуждающий мир остался за дверью, расслабиться и быть собой. При этом во многих историях встречается необходимость «поставить мир на паузу», отдохнуть и снова отправиться в путь.

Анализ рассказов про не комфорт у макиавеллистов

В данном случае выделить большее число особенностей сочиненных историй, связанных с дискомфортом, не представляется возможным, так как способ повествования респондентов напрямую

зависел от содержания рассказа и смысла, которым испытуемый наделял источник дискомфорта. Однако есть одна явная особенность, прослеживающаяся от ситуации к ситуации – субъектная ориентированность, противопоставление себя и мира. Здесь речь идет о том, что во всех рассказанных членами данной группы историях в один момент весь мир стал злым, все против них. Именно тут одиночество, которое ранее (в ситуациях комфорта) описывалось как нечто позитивное, становится враждебным. Оно заставляет грустить, находиться в напряжении. Так как герой рассказа не ожидал и не хотел одиночества: «...я очень долгое время не могу, не могу находиться наедине с собой или даже с питомцем одна, потому что мне становится дико некомфортно от, можно так сказать, самой себя, от собственных каких-то мыслей, которые могут просто внезапно прийти в голову» (респондент № 1).

Анализ рассказов про успех у немакиавеллистов

Главная позиция, которая прослеживается из рассказа в рассказ – это необходимость «терпеть». По мнению героев, общество ожидает от них всегда «большего, чем они могут». Респондент 12: «Они улыбаются, они очень счастливы, потому что они, наверное, очень долго ждали, но, мне кажется, что у них такое чувство, что они должны как будто улыбаться, как будто слишком много... у них не получается расслабиться после этого всего».

Это не означает, что герои их рассказов не рады своему успеху или же недовольны своей жизнью, просто герои историй немакиавеллистов чувствуют себя обязанными делиться успехом с окружающими. Они понимают, что любой успех имеет обратную сторону: за него надо платить наигранностью, а также упадком в других сферах жизни.

Таким образом, можно сказать, что немакиавеллисты, повествуя историю успеха, рисуют образ человека-лидера. Этот человек, несомненно, рад своей славе и тому, что нашел себя и свое призвание. Однако его публика ждет от него «на сцене» такой отдачи, после которой ему нужно время, чтобы насладиться покоем.

Анализ рассказов про неуспех у немакиавеллистов

В отличие от персонажей макиавеллистов, персонажам данной группы респондентов стыдно за свою жизнь, поэтому некоторые из них и пытаются это скрыть, из-за чего выглядят еще более жалко в глазах окружающих. Они стараются изменить свое нестабильное положение в мире, но у них ничего не выходит: «О, у него явно какие-то проблемы, но пытается, но не очень, не очень пытается» (респондент № 14).

Герои попали в такую ситуацию не из-за своих действий, а из-за стечения обстоятельств. Однако они не перестают верить в то, что все изменится. Также в большинстве историй описывается, что действия героя разрушительны и для окружающих.

Анализ рассказов про комфорт у немакиавеллистов

Как и макиавеллисты, они также хотят быть в одиночестве, но цель уединения рассматриваемых групп различна. Для персонажей этой группы более важно постижение себя, своего внутреннего мира. Для них лучший отдых – это «поразмыслить» о чем-то своем. Причем они не описывают такой вид комфорта как единственный возможный. Они с удовольствием провели бы время с друзьями, однако их компания не совсем такая, какую они для себя хотели бы, поэтому они выбирают подумать в одиночестве и полностью ощутить уют, нежели в компании, которая соответствует не в полной мере.

Анализ рассказов про не комфорт у немакиавеллистов

И здесь можно обнаружить различия по сравнению с первой группой в техниках самопрезентации. В историях немакиавеллистов персонажи также находятся в ситуации, в которых они предоставлены самим себе. Однако подчеркивается безысходность положений героев, а также говорится о случайности сложившейся ситуации: понятно, что ничего не остается, кроме как принять свою судьбу.

Заключение

Обобщая полученные результаты, важно отметить, что выделенные способы описания повествования макиавеллистов можно использовать, выходя за рамки предложенных нами 4 ситуаций, так как были обнаружены их точки зрения на социальную реальность, что будет проявляться во многих ситуациях. То есть мы можем сказать:

1. В речи макиавеллистов характерно противопоставление себя и мира, ощущение враждебности по отношению к нему.

2. Макиавеллисты говорят о своих планах очень амбициозно, подчеркивая факт того, сколько они всего уже добились и сколько они планируют еще сделать.

3. Для речи макиавеллиста характерна субъект-центрированная позиция: все истории значимы только для него. То есть если это рассказ о неудаче, то пострадал в этой ситуации только он.

4. Также для данной группы не характерно чувство стыда и излишнее переживание. Однако мы можем услышать от них признание своей вины.

5. Стоит также отметить, что при анализе рассказов мы уви-

дели, что макиавеллисты нуждаются в собственном безопасном и спокойном месте, где они могут не притворяться и быть собой.

Также на основе анализа рассказов по 4 ситуациям мы можем составить общий речевой профиль и для немакиавеллистов.

1. В их речи часто можно отметить значимость для них мнения общества, что сказывается на их действиях, так как они часто действуют, как нужно другим.

2. При этом от немакиавеллистов нередко можно услышать про их старания для благополучия всего общества в целом.

3. Также в их речи часто можно обнаружить отголоски стыда за все плохое, что произошло с ними и окружающими. При этом совершенно необязательно, чтобы они сами были виноваты в случившемся.

4. Однако немакиавеллисты стараются сохранять позитив и верить в наилучший исход, даже если они сами не представляют его возможным.

Таким образом, мы можем говорить о том, что существуют качественные отличия между двумя группами респондентов. (То есть вторая основная гипотеза подтверждается.)

Более того, мы можем говорить о подтверждении и более общей гипотезы: возможно выделение косвенных вербальных техник самопрезентации в рассказах по заданным стимулам. Так как мы увидели, что несмотря на то, что сюжеты имели сильную вариацию в зависимости от выбранной карты и самой ситуации, мы находим нечто общее внутри групп: характер повествования, позиция, с которой выступает сам автор.

Литература

Егорова 2009 – *Егорова М.С.* Макиавеллизм в структуре личностных свойств // Вестник Пермского государственного педагогического университета. 2009. Т. 10. С. 65–80.

Медведева 2010 – *Медведева И.А.* Вербальная самопрезентация студентов в ситуации трудоустройства: особенности речевого сценария // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 32. С. 92–96.

Федорова 2007 – *Федорова Н.А.* Личностные и ситуационные факторы выбора вербальных техник самопрезентации: Дис. ... канд. психол. наук. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2007.

Georgakopoulou 2015 – *Georgakopoulou A.* Small stories research // The handbook of narrative analysis / Ed. by A. De Fina, A. Georgakopoulou. New York, NY: John Wiley & Sons Limited, 2015. P. 255–271.

Svennevig 2014 – *Svennevig J.* Direct and indirect self-presentation in first conversations // *Journal of Language and Social Psychology.* 2014. Vol. 33. no. 3. P. 302–327.

References

Egorova, M.S. (2009), “Machiavellianism in the structure of personal properties”, *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 10, pp. 65–80.

Fedorova, N.A. (2007), Personal and situational factors in the choice of verbal self-presentation techniques, Ph.D. Thesis, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Georgakopoulou, A. (2015), “Small stories research”, in De Fina, A. and Georgakopoulou, A. (ed.), *The handbook of narrative analysis*, John Wiley & Sons Limited, New York, NY, USA, pp. 255–271.

Medvedeva, I.A. (2010), “Verbal self-presentation of students in a situation of employment: features of the speech scenario”, *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 32, pp. 92–96.

Svennevig, J. (2014), “Direct and indirect self-presentation in first conversations”, *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 33, no. 3, pp. 302–327.

Информация об авторах

Светлана В. Федотова, кандидат психологических наук, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; *fedotova.s.v.v@gmail.com*

Илья Д. Белоглазов, студент, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; *i.d.beloglazov@gmail.com*

Information about the authors

Svetlana V. Fedotova, Cand. of Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11-9, Mokhovaya Street, Moscow, Russian, 125009; *fedotova.s.v.v@gmail.com*

Ilya D. Beloglazov, student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 11-9, Mokhovaya Street, Moscow, Russian, 125009; *i.d.beloglazov@gmail.com*

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-94-105

Особенности переживания одиночества и избегания близости у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного и полиаморного типа

Вероника И. Войтышева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, bikunatsu@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена феномену полиаморных отношений, а также особенностям личности, предпочитающей такие отношения. Обсуждаются история возникновения и изучения данного явления, его существенные отличия от иных форм романтических отношений. Рассматриваются исследования, связанные с изучением полиаморных отношений и особенностей людей, вступающих в эти отношения. Так в анализе теоретических источников приводятся теория привязанности Боулби и работы его последователей. К тому же феномен полиаморных отношений до сих пор остается малоисследованным из-за возникших предрассудков по поводу данного формата романтических отношений, что нашло свое отражение как в научных статьях и опросниках, так и во взглядах обывателей. Цель статьи отчасти состоит и в том, чтобы показать эти предрассудки и продемонстрировать многообразие данной темы в научном дискурсе. В проведенном нами исследовании изучаются особенности переживания одиночества и компонентов привязанности молодых людей, вовлеченных в романтические отношения моногамного и полиаморного типов. Отражены межгрупповые различия между мужчинами и женщинами, представителями разных возрастных групп, респондентами с разным семейным статусом и практикующими романтические отношения разного типа.

Ключевые слова: романтические отношения, переживание одиночества, привязанность, моногамные отношения, полиаморные отношения

Для цитирования: Войтышева В.И. Связь переживания одиночества и избегания близости у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного и полиаморного типа // Вестник РГГУ. Серия «Психология.

Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 94–105. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-94-105

Differences in romantic relationships between young people with monogamous or polyamorous partners

Veronika I. Voytysheva

*Russian State university for the Humanities,
Moscow, Russia, bikunatsu@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the study of the phenomenon of polyamorous relationships, as well as the characteristics of a person who prefers such relationships. The history of the emergence and study of this phenomenon, as well as its significant differences from other forms of romantic relationships, is discussed. The analysis of theoretical sources discusses Bowlby's theory of attachment, as well as the work of his followers. The research related to the study of polyamorous relationships and the characteristics of people included in these relationships are considered. Also, an important part of the topic of polyamorous relationships is the stigma around, both on the part of the inhabitants and on the part of researchers - in scientific articles, questionnaires. The phenomenon of polyamorous relationships still remains unexplored due to the prejudices that have arisen about this format of romantic relationships. The purpose of the article is partly to show these prejudices and to show the diversity of this topic in scientific discourse. The study examines the features of the experience of loneliness and attachment components of young people involved in romantic relationships of monogamous and polyamorous types. Intergroup differences are shown between men and women, representatives of different age groups, respondents with different marital status and practicing different types of romantic relationships.

Keywords: romantic relationships, experiencing loneliness, attachment, monogamous relationships, polyamorous relationships

For citation: Voytysheva, V.I. (2022), "Differences in romantic relationships between young people with monogamous or polyamorous partners", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 94–105, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-94-105

Введение

Современный мир предлагает множество различных видов романтических отношений, общество стало более свободным, появились иные варианты поведения и отношений, в которых

учитываются личностные границы других людей, их права, стремление к равенству. В связи с увеличением количества различных моделей романтических и сексуальных отношений изменилось и отношение людей как друг к другу, к близости в целом. Несмотря на это общество все еще с поощрением относится к моногамии и с подозрением смотрит на все открытые полигамные формы отношений. Соответственно, вокруг последних сохраняется некая стигма: полигамные отношения считаются менее крепкими, глубокими, доверительными. Также бытует мнение, что такие отношения носят исключительно сексуальный характер.

Полиамория – это форма сексуальных и романтических отношений, при которой человек имеет двух и более партнеров, при этом все партнеры в курсе того, что они есть друг у друга. (У каждого участника отношений может быть несколько партнеров, но осведомленных друг о друге.) Такая форма отношений еще называется этичной полигамией (или этичной немонагамией), т.к. все в этих отношениях обсуждается, и соблюдается полная открытость и осведомленность участников, психологические границы не нарушаются, а «договор» отношений может постоянно преобразовываться и меняться в зависимости от потребностей партнеров. Отличительной чертой полиамории является комперсия – чувство радости, когда партнер приобретает еще одного партнера, т.е. становится более счастливым [Sheff 2015].

Феномен полиамории возник как сочетание различных культурных идей и ценностей, которые так или иначе касаются романтических отношений, близости и сексуальной сферы. Первые упоминания термина «полиамория» появились в 1950-х годах и в течение нескольких следующих десятилетий закрепились в языке.

Как некий предшествующий ему подход в Европе XVIII в. существовал культурный идеал любви, романтических отношений, заключающий в себе идеи единства сексуального и эмоционального увлечений; нераздельности любви и брака; интеграции родительства; ценности взаимной преданности; роста индивидуализации; равенства полов. Дальнейшие события (изменения в отражении гетеросексуальной близости, движение за сексуальное раскрепощение, права женщин, ЛГБТ и другие) подорвали некоторые нормы моногамии. Однако во многом рассуждения о полиамории были сформированы, именно исходя из представлений о любви и сексуальности общества в конце XX – начале XXI веков [Клессе 2011].

Как сейчас, так и ранее, существует стигма вокруг полигамных отношений. Считается, что «эксклюзивность» в отношениях есть

признак успешных романтических отношений. Исследователи, изучающие немоногамные отношения, используют термины «неверность» и «измена». Партнера человека, у которого был секс вне пары, часто называют «преданным» [Charny, Parnass 1995; Fife et al. 2013], что говорит о невольно предвзятом подходе к различным полигамным формам отношений. Однако в одной из научных работ при исследовании людей, состоящих в моногамных и полигамных отношениях, между этими двумя группами не нашли различий по показателям удовлетворенности жизнью, вовлеченности в отношения, романтической привязанностью. Таким образом, участие в этической немоногамии не исключает общего удовлетворения отношениями или приверженности этим отношениям [Conley 2017].

В другой научной работе [Shepard 2013] исследовались особенности психического здоровья у женщин, состоящих в полигамных отношениях. Так, полигамные женщины имеют высокий риск психологического и эмоционального стресса, а также существенно более высокий уровень соматизации, депрессии, тревоги, психотизма, уровень неудовлетворенности жизнью и браком, враждебности, параноидальных идей, психических расстройств, низкий уровень социального интеллекта, по сравнению с женщинами, состоящими в моногамных отношениях. Однако, как подчеркивают исследователи, это может быть связано не только с особенностями отношений. Данные некоторых психотерапевтов говорят о том, что большинство их клиентов-полиаморов имели диагноз – синдром Аспергера [Aparol 2010]. Кроме того, за последние несколько десятилетий исследователи выяснили, что гомосексуальные мужчины в полигамных и моногамных отношениях одинаково удовлетворены этими отношениями [Blasband, Peplau 1985; LaSala 2004; Parsons et al. 2012].

Шесть различных исследований обнаружили, что люди в отношениях полигамных и моногамных имеют одинаковый уровень удовлетворенности отношениями и счастья в целом [Blasband, Peplau 1985; Gilmartin 1974; Hosking 2013; Murstein et al. 1985; Rubin 1982; Rubin, Adams 1986]; что люди в полигамных отношениях немного, но статистически значимо отличаются от моногамных по уровню удовлетворенности отношениями [Bergstrand, Williams 2000]; а также то, что у полигамов удовлетворенность отношениями все-таки ниже [Kurdek, Schmitt 1986]. В двух других исследованиях даже говорится о том, что люди в моногамных отношениях, примерившие статус полигамных, увеличили свою удовлетворенность браком [Bergstrand, Williams 2000; Knapp 1976].

Несмотря на это, исследователи невольно предвзято относятся к различным полигамным формам отношений. Например, шкала страстной любви [Hatfield, Sprecher 1986] включает в себя пункт «Я бы ревновал, если бы думал, что [мой партнер] влюбляется в кого-то еще». Этот пункт основан на предположении, что меньшая ревность к третьему лицу эквивалентна меньшей страстной любви. Более того, практически все шкалы относительной регуляции относятся к единственному партнеру (а не к партнерам), что игнорирует возможность наличия многопартнерских договоренностей и затрудняет возможность искренне отвечать людям, состоящим в отношениях с несколькими партнерами. Очевидно, что посыл идеализации моногамии неявно (и иногда явно) интегрирован во многие сферы жизни, в том числе и в научную деятельность.

Таким образом, феномен полиамории и понимание психологических особенностей людей, практикующих данный тип отношения, остаются все еще плохо изученными и находятся в дискуссионном проблемном поле. Особенный интерес вызывают вопросы об удовлетворенности отношениями, привязанностями и переживания счастья в целом. Исходя из этого, целью нашей работы стало выявление особенностей переживания одиночества и избегания близости у молодых людей, состоящих в отношениях моногамного и полиаморного типа. Основной проверяемой гипотезой стало предположение о том, что у респондентов, практикующих отношения полиаморного типа, более выражены негативные компоненты переживания одиночества и избегания близости в отношениях в сравнении с моногамными респондентами.

Анализ и обсуждение результатов

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 138 респондентов от 20 до 35 лет ($sd = 26,7$). Из них 30 мужчин (21%) и 108 женщин (79%). При этом 35 респондентов состоят в полиаморных отношениях, и 103 – в моногамных. Для участия в исследовании были отобраны респонденты, состоящие в романтических отношениях на момент проведения опроса.

Методы. Для проверки поставленных гипотез использованы Опросник привязанности к близким людям Н.В. Сабельниковой, Д.В. Каширского и Опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой, а также вопросы анкеты, направленные на прояснение отдельных аспектов отношений с партнером (партнерами).

Для анализа результатов использовались непараметрические методы: межгрупповые различия оценены непараметрическими

критериями U Манна-Уитни (Mann-Whitney U-test) и H Краскела-Уоллиса (Kruskal-Wallis H-test), для изучения связей между показателями – коэффициент ранговой корреляции Спирмена (Spearman's rank R).

На предварительном этапе были проверены межгрупповые различия для исключения вклада факторов пола, возраста и семейного статуса в вариативность исследуемых психологических переменных. Анализ межполовых различий показал одно достоверное различие по удовлетворенности предыдущими отношениями в самом их начале (Рис. 1). У мужчин этот показатель выше.

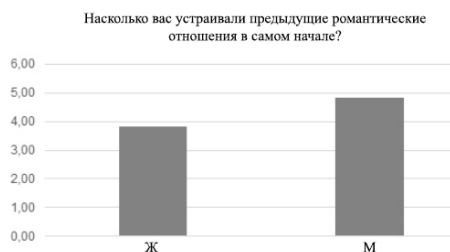

Рис. 1. Различия у мужчин и женщин по удовлетворенности текущими отношениями в самом их начале

Межвозрастной анализ различий показал, что представители ранней (20-25 лет) и средней (26-35 лет) взрослости различаются по показателю духовного одиночества (как отсутствия поддержки, принятия) (Рис. 2). У представителей ранней взрослости этот показатель выше.

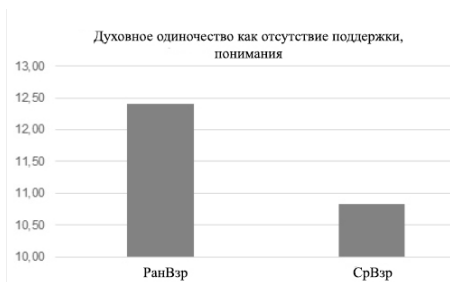

Рис. 2. Различия между группами ранней и средней взрослости по шкале «Духовное одиночество как отсутствие поддержки, понимания»

Это может быть связано с еще не стабильным социальным окружением, т.к. именно в данный период активно сменяются круги общения: происходят такие изменения, как поступление или выпуск из университета, поиск первой постоянной работы, первые серьезные романтические отношения или даже создание семьи. Однако мы не исключаем варианта, что полученные результаты – особенность данной выборки.

Анализ различий между респондентами с разным семейным положением показал, что переживание одиночества как негативного чувства; духовное одиночество как отсутствие поддержки, понимания; одиночество вследствие внешней непривлекательности; избегание и беспокойство в привязанности к близким людям выше у респондентов, не состоящих в браке и не сожительствующих (Рис. 3).

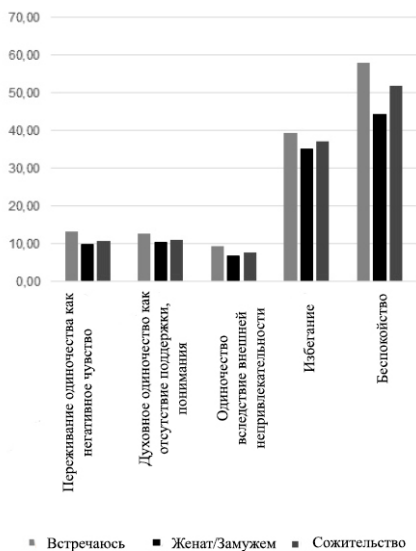

Рис. 3. Различия между группами респондентов разного семейного положения по шкалам опросника переживания одиночества и опросника привязанности к близким людям

Возможно, молодые люди, не живущие вместе и не состоящие в браке, меньше проводят времени со своими партнерами, и это делает их более одинокими. Высокие показатели избегания и беспокойства могут говорить о личностных особенностях респондентов. Вероятно, они боятся близости и чувствуют себя от этого более одинокими.

Далее был проведен основной анализ различий между группами людей, состоящих в полиаморных и моногамных отношениях. Было показано, что респонденты отличаются только по выраженности удовлетворенности предыдущими близкими отношениями в фазе завершения, которая оказалась выше у респондентов, состоящих в полиаморных отношениях. Можно предположить, что из-за особенности этики и правил в полиаморных связях завершение отношений происходит в более корректном и спокойном формате, чем у практикующих моногамные отношения. Однако эта особенность может быть обусловлена и другими причинами.

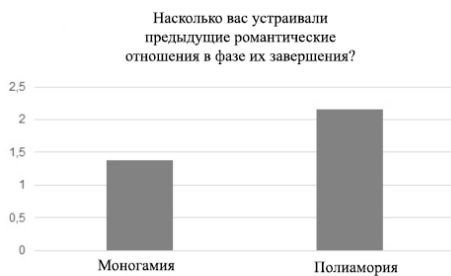

Рис. 4. Различия между группами людей, состоящих в моногамных и полиаморных отношениях, по пункту авторской анкеты «Насколько вас устраивали предыдущие близкие отношения в фазе их завершения?»

Последним мы провели анализ различий между группами респондентов разной сексуальной ориентации. Анализ не выявил ни одного значимого различия между группами гетеросексуалов, бисексуалов и гомосексуалов. Таким образом, на основании выявленных различий, можно говорить о необходимости учета таких факторов, как пол, возраст и семейное положение при оценке переживания одиночества и компонентов близости. В то время как тип отношений (моногамия или полиамория), а также сексуальная ориентация, судя по всему, не вносят столь существенного вклада в вариативность исследуемых характеристик.

Выводы

В результате проведенного исследования наша гипотеза не нашла своего подтверждения. Однако были обнаружены следующие любопытные различия:

1. Мужчины демонстрируют более выраженные показатели удовлетворенности предыдущими отношениями в их начале;

2. Молодые люди от 20 до 25 лет больше подвержены духовному одиночеству, чем люди от 26 до 35 лет;

3. Молодые люди, не состоящие в браке и не живущие вместе, в большей степени подвержены чувству одиночества, избеганию и беспокойству в близких отношениях;

4. Молодые люди, находящиеся в полиаморных отношениях, оказались более удовлетворены предыдущими отношениями в фазе их завершения, чем люди, состоящие в моногамных отношениях.

Интерпретируя данные результаты для понимания феномена полиаморных отношений, мы можем предварительно заключить, что, вероятно, переживание одиночества и характер близости не являются наиболее показательными психологическими аспектами, отражающими особенности людей, практикующих данный вид отношений. Судя по всему, другие социально-демографические факторы такие, как пол, возраст и семейный статус вносят более существенный вклад в переживание одиночества и близость. Исходя из этого, мы видим необходимость в изучении данных явлений с учетом этих факторов и на больших по размеру выборках.

Литература

Клессе 2011 – *Клессе К.* Понятие любви в полиамории: составляющие дискурса о множественных любовных отношениях // *Laboratorium: журнал социальных исследований.* 2011. № 2. С. 121–127.

Anapol 2010 – *Anapol D.* Polyamory in the 21st century: Love and intimacy with multiple partners. Lanham, MA: Rowman & Littlefield Publishers, 2010.

Bergstrand, Williams 2000 – *Bergstrand C., Williams J.B.* Today's alternative marriage styles: The case of swingers // *Electronic Journal of Human Sexuality.* 2000. Vol. 3.

Blasband, Peplau 1985 – *Blasband D., Peplau L.* Sexual exclusivity versus openness in gay male couples // *Archives of Sexual Behavior.* 1985. Vol. 14. P. 395–412.

Charny, Parnass 1995 – *Charny I.W., Parnass S.* The impact of extramarital relationships on the continuation of marriages // *Journal of Sex & Marital Therapy.* 1995. Vol. 21. P. 100–115.

Conley et al. 2017 – *Conley T.D., Ziegler A., Moors A.C., Matsic J.L., Valentine B.A.* Investigation of Consensually Nonmonogamous Relationships: Theories, Methods, and New Directions // *Perspectives on Psychological Science.* 2017. Vol. 12 (2). P. 205–232.

Fife et al. 2013 – *Fife S.T., Weeks G.R., Stellberg-Filbert J.* Facilitating forgiveness in the treatment of infidelity: An interpersonal model // *Journal of Family Therapy*. 2013. Vol. 35. P. 343–367.

Gilmartin 1974 – *Gilmartin B.G.* Sexual deviance and social networks: A study of social, family, and marital interaction patterns among co-marital sex participants // *Beyond monogamy* / Ed. by R. Smith, L.G. Smith. Baltimore, MD: John Hopkins University Press, 1974. P. 291–323.

Hatfield, Sprecher 1986 – *Hatfield E., Sprecher S.* Measuring passionate love in intimate relationships // *Journal of Adolescence*. 1986. Vol. 9. P. 383–410.

Hosking 2013 – *Hosking W.* Agreements about extra-dyadic sex in gay men's relationships: Exploring differences in relationship quality by agreement type and rule-breaking behavior // *Journal of Homosexuality*. 2013. Vol. 60. P. 711–733.

Knapp 1976 – *Knapp J.J.* An exploratory study of seventeen sexually open marriages // *Journal of Sex Research*. 1976. Vol. 12. P. 206–219.

Kurdek, Schmitt 1986 – *Kurdek L., Schmitt J.P.* Relationship quality of gay men in closed or open relationships // *Journal of Homosexuality*. 1986. Vol. 2. P. 85–99.

LaSala 2004 – *LaSala M.C.* Extradyadic sex and gay male couples: Comparing monogamous and nonmonogamous relationships // *Families in Society*. 2004. Vol. 85. P. 405–412.

Murstein et al. 1985 – *Murstein B.I., Case D., Gunn S.P.* Personality correlates of ex-swingers // *Alternative Lifestyles*. 1985. Vol. 8. P. 21–34.

Parsons et al. 2012 – *Parsons J.T., Starks T.J., Gamarel K.E., Grov C.* Non-monogamy and sexual relationship quality among same-sex male couples // *Journal of Family Psychology*. 2012. Vol. 26. P. 669–677.

Rubin 1982 – *Rubin A.M.* Sexually open versus sexually exclusive marriage: A comparison of dyadic adjustment // *Alternative Lifestyles*. 1982. Vol. 5. P. 101–108.

Rubin, Adams 1986 – *Rubin A.M., Adams J.R.* Outcomes of sexually open marriages // *Journal of Sex Research*. 1986. Vol. 22. P. 311–319.

Shepard 2013 – *Shepard L.D.* The impact of polygamy on women's mental health: a systematic review // *Epidemiology and psychiatric sciences*. Vol. 22 (1). P. 47–62.

Sheff 2015 – *Sheff E.* *Polyamorists Next Door: Inside Multiple-Partner Relationships and Families*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2015.

References

- Anapol, D. (2010), *Polyamory in the 21st century: Love and intimacy with multiple partners*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, Maryland, USA.
- Bergstrand, C. and Williams, J.B. (2000), "Today's alternative marriage styles: The case of swingers", *Electronic Journal of Human Sexuality*, vol. 3.
- Blasband, D. and Peplau, L. (1985), "Sexual exclusivity versus openness in gay male couples", *Archives of Sexual Behavior*, vol. 14, pp. 395–412.
- Charny, I.W. and Parnass, S. (1995), "The impact of extramarital relationships on the continuation of marriages", *Journal of Sex & Marital Therapy*, vol. 21, pp. 100–115.
- Conley, T.D., Ziegler, A., Moors, A.C., Matsick, J.L. and Valentine, B.A. (2017), "Investigation of Consensually Nonmonogamous Relationships: Theories, Methods, and New Directions", *Perspectives on Psychological Science*, vol. 12 (2), pp. 205–232.
- Fife, S.T., Weeks, G.R. and Stellberg-Filbert, J. (2013), "Facilitating forgiveness in the treatment of infidelity: An interpersonal model", *Journal of Family Therapy*, vol. 35, pp. 343–367.
- Gilmartin, B.G. (1974), "Sexual deviance and social networks: A study of social, family, and marital interaction patterns among co-marital sex participants", in Smith, J.R. and Smith, L.G. (ed.), *Beyond monogamy*, John Hopkins University Press, Baltimore, MD, USA, pp. 291–323.
- Hatfield, E. and Sprecher, S. (1986), "Measuring passionate love in intimate relationships", *Journal of Adolescence*, vol. 9, pp. 383–410.
- Hosking, W. (2013), "Agreements about extra-dyadic sex in gay men's relationships: Exploring differences in relationship quality by agreement type and rule-breaking behavior", *Journal of Homosexuality*, vol. 60, pp. 711–733.
- Klesse, C. (2011), "The concept of love in polyamory: components of the discourse on multiple love relationships", *Laboratorium: jurnal social'nyh issledovaniï*, no. 2, pp. 121–127.
- Knapp, J.J. (1976), "An exploratory study of seventeen sexually open marriages", *Journal of Sex Research*, vol. 12, pp. 206–219.
- Kurdek, L. and Schmitt, J.P. (1986), "Relationship quality of gay men in closed or open relationships", *Journal of Homosexuality*, vol. 12, pp. 85–99.
- LaSala, M.C. (2004), "Extradynamic sex and gay male couples: Comparing monogamous and nonmonogamous relationships", *Families in Society*, vol. 85, pp. 405–412.
- Murstein, B.I., Case, D. and Gunn, S.P. (1985), "Personality correlates of ex-swingers", *Alternative Lifestyles*, vol. 8, pp. 21–34.

Parsons, J.T., Starks, T.J., Gamarel, K.E. and Grov, C. (2012), "Non-monogamy and sexual relationship quality among same-sex male couples", *Journal of Family Psychology*, vol. 26, pp. 669–677.

Rubin, A.M. (1982), "Sexually open versus sexually exclusive marriage: A comparison of dyadic adjustment", *Alternative Lifestyles*, vol. 5, pp. 101–108.

Rubin, A.M. and Adams, J.R. (1986), "Outcomes of sexually open marriages", *Journal of Sex Research*, vol. 22, pp. 311–319.

Shepard, L.D. (2013), "The impact of polygamy on women's mental health: a systematic review", *Epidemiology and psychiatric sciences*, vol. 22 (1), pp. 47–62.

Sheff, E. (2015), *Polyamorists Next Door: Inside Multiple-Partner Relationships and Families*, Rowman & Littlefield, Lanham, MD, USA.

Информация об авторе

Вероника И. Войтышева, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; bikunatsu@gmail.com

Information about the author

Veronika V. Voytysheva, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; bikunatsu@gmail.com

Гендерная специфика образа Я современных молодых людей

Анастасия С. Горшкова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, kitsune_2@outlook.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию образа Я и его гендерной специфики. Показано, что гендерная социализация, претерпевающая изменения в условиях современных социальных и культурных трансформаций, является одним из компонентов формирования позитивной или негативной гендерной идентичности, которая, в свою очередь, влияет на образ Я, понимаемый как совокупность глубины знаний о себе (когнитивный компонент), самоотношения (эмоционально-оценочный компонент) и адекватность и согласованность поведенческих паттернов (поведенческий компонент). В исследовании приняли участие 38 женщин и 9 мужчин в возрасте 19-28 лет, из них 21 – с гармоничной гендерной идентичностью, 13 – с андрогинной гендерной идентичностью и 13 – с дисгармоничной гендерной идентичностью (гендерно неопределенные респонденты обоих полов, маскулинные женщины и фемининные мужчины). Обнаружено, что андрогинные респонденты показывают независимо-доминирующий тип межличностных отношений и низкую внутреннюю конфликтность. Группа дисгармоничной гендерной идентичности имеет наибольшую выраженность прямолинейно-агрессивного типа, а группа гармоничной гендерной идентичности – зависимо-послушного типа межличностных отношений. Выявлено, что по показателю дружелюбия группа гармоничной гендерной идентичности значительно превосходит остальные. Результаты иллюстрируют влияние гендерной социализации на позитивный образ Я.

Ключевые слова: образ Я, самооценка, самоотношение, гендерная идентичность, маскулинность, фемининность, андрогинность, гендерная социализация

Для цитирования: Горшкова А.С. Гендерная специфика образа Я современных молодых людей // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 106–118. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-106-118

Gender specificity of the self-image of modern young people

Anastasia S. Gorshkova

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, kitsune_2@outlook.com*

Abstract. The study of the self-image and its gender specificity is presented in the article. It is stated that gender socialization, having global changes in terms of modern social and cultural transformations, is one of the components of the positive or negative gender identity, which is in turn correlated with self-image, understood as a set of the depth of self-knowledge (cognitive component), self-relation (affective component) and the relevance consistency of behavior patterns (behavior component). There are 38 women and 9 men who took part in our research, aged between 18-28 years. Among them, there are 21 participants with the harmonical gender identity, 13 participants with the androgyny and 13 participants with the disharmonic gender identity (such as gender-unidentified men and women, masculine women and feminine men). It is shown that androgynous participants have the independent (II) type of interpersonal relationship and the lowest level of internal conflictness. The group with the disharmonic gender identity shows the aggressive (III) type of interpersonal relationship. The group with the harmonical gender identity shows the dependent (VI) type of interpersonal relationship. The results illustrate the correlation between gender socialization and the positive self-image.

Keywords: self-image, self-esteem, self-relation, gender identity, masculinity, femininity, androgyny, gender socialization

For citation: Gorshkova, A.S. (2022), "Gender specificity of the self-image of modern young people", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 106–118, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-106-118

*Введение:
постановка проблемы*

Современное общество демонстрирует ряд значимых для современной личности тенденций, среди которых изменения жизненных ценностей, идеалов и догм в сторону индивидуализации личности, ее самоактуализации, поощрения саморазвития и свободы выбора совместно с общесоциальной тенденцией к глобализации [Марцинковская 2009]. Однако вместе с этим система требований, предъявляемых к различным аспектам жизни личности: ее внешности и телесности [Мельничук, Лебедева 2019],

сексуальности, самопрезентации (в том числе в виртуальном пространстве), к амбициозности и стремлению к успеху, способностям достигать профессиональной, ролевой [Сарадиева и др. 2011], семейной успешности – с одной стороны, ужесточается, а, с другой стороны, открыта для свободы самореализации и творческому конструированию.

Среди важных и глобальных требований и ожиданий, стоящих на пути современной личности, были и остаются гендерные ожидания, пронизывающие остальные институты социализации наиболее плотно. Влияние этих ожиданий ощутимо как в профессиональной, семейной сфере, при взаимодействии со СМИ или в родительском воспитании, так и в таких достаточно ригидных видах идентичности, как этническая [Гаджимурадова 2006], а также заложено в человеческое сознание, в том числе с помощью архетипов – глубинных и в известной степени «древних» личностных образов-конструктов [Куимова 2019].

Гендерные требования и предписания в настоящее время также приобретают большую изменчивость и меньшую жесткость. Тенденции к трансформации, которым подвергается общество, понуждают трансформироваться и гендерную информацию, как то: ролевые модели, представления о гендерном Я-идеале мужчин и женщин, дифференцированные долженствования в паттернах поведения, самопрезентации, отношения к телу [Чуркина 2018а; Щекотуров 2012]. Особо ярко актуализируется в исследовательском поле феномен трансгендерности как несоответствие гендера биологическому полу, а также его связь с понижением личностного и психологического благополучия [Иванова 2018].

В свете этого предполагается, что особенности гендерной идентичности, комплексно охватывающие широчайший пласт психической жизни индивида, в современных социокультурных реалиях, осложняющих и дифференцирующих как ее уже имеющееся содержание, так и дальнейшее наполнение, будут тесно связаны с содержанием образа Я личности и в том числе с показателями, свидетельствующими о его позитивности, благополучии и гармоничности.

При этом для анализа был выбран молодой возраст, поскольку он, с одной стороны, демонстрирует окончание активной фазы формирования как образа Я, так и гендерной идентичности, а, с другой стороны, сензитивен для формирования и осознанного контроля собственной субъектности индивидом, интеграции общественных ценностей в единую, уникальную личностную позицию на стадии индивидуализации в период с 19 до 28 лет [Слободчиков, Цукерман 1996].

Цель статьи – обнаружение и описание различий в содержании компонентов образа Я в связи с содержанием гендерной идентичности личности.

Операционализация понятий исследования

«Образ Я» – совокупность образов чувств и представлений о своих действиях в отношении себя и окружающих, совокупность черт и характеристик, с помощью которых субъект описывает себя как индивидуальность. Он обладает адаптационной функцией в новой ситуации и формируется в социальном взаимодействии [Абдуллин, Тумбасова 2012]. Включает в себя когнитивный, эмоционально-оценочный (аффективный) и поведенческий компоненты [Палачева, Жиляев 2010].

Критерии позитивности образа Я – высокая рефлексивность [Клементьева 2020], высокая дифференцированность знаний о себе [Харькова 2011], высокое самопонимание, самоотношение и эмоциональная устойчивость, способствующие самореализации и самоактуализации поведенческие акты [Пикулева 2013].

Гендерная идентичность – специфика ощущения своей принадлежности к мужскому или женскому полу, осознания себя мужчиной, женщиной или существом иного пола. Это ощущение связано с представлениями человека о своем поле, и является результатом взаимодействия его природных задатков и соответствующей социализации [Перегудина 2011].

Типы гендерной идентичности [Фетискин 2017]:

- недифференцированный – слабая выраженность черт обоих полов;
- маскулинный – выраженность черт, традиционно считающихся мужскими;
- фемининный – выраженность черт, традиционно считающихся женскими;
- андрогинный – одинаковая и гармоничная выраженность черт обоих полов; считается как наиболее адаптивным, так и стирающим гендерную специфику личности.

Гармоничная гендерная идентичность – идентичность, соответствующая биологическому полу («цисгендерная») [Иванова 2018]: маскулинные мужчины и фемининные женщины.

Дисгармоничная гендерная идентичность – идентичность, не соответствующая биологическому полу («трансгендерная»): гендерно-недифференцированные субъекты, маскулинные женщины и фемининные мужчины.

Гендерная стереотипизированность – приверженность субъекта к стереотипам, нормам и правилам, привычным для пони-

мания маскулинности и фемининности, мужского и женского долженствования в обществе.

Основные современные социально-психологические тенденции, которые влияют на гендерную социализацию личности:

– общесоциальное сочетание тенденций к глобализации и индивидуализации, автономизации, плюрализации [Курбанова 2012];

– унификация ценностей, ослабление влияния гендерных стереотипов, реализация андрогинии [Чуркина 2017];

– успешность в обществе маскулинного типа поведения, что влечет за собой маскулинизацию женщин, межполовую конкуренцию, разрушение женской идентичности [Чуркина 2018a];

– глобализация феминизма как признания права женщины на маскулинный тип поведения и права мужчин на фемининный тип поведения, инверсия маскулинности и фемининности [Крыкова 2008];

– либерализация в оценке маргинальных гендерных общностей и признание за ними некоторых юридических прав в сочетании с яркими проявлениями гендерного консерватизма, дискриминации [Чуркина 2018];

– расширение возможностей профессиональной сферы, тенденции к смягчению «стеклянного потолка» и уравниванию профессиональных способностей и возможностей между полами [Харченко 2016];

– возникновение Интернет-пространства как особого агента гендерной социализации, своеобразного «черновика» для конструирования всевозможных, даже трудно реализуемых, оффлайн идентичностей и их проживания [Щекотуров 2012].

Описание исследования

Выборка исследования составила 47 участников, из них 38 женщин и 9 мужчин. Возраст испытуемых от 19 до 28 лет, мода – 22 года, образование не ниже неоконченного высшего. По результатам проведения группирующей методики сформировались группы из 21 человека – с гармоничной гендерной идентичностью, 13 – с андрогинной гендерной идентичностью и 13 – с дисгармоничной гендерной идентичностью. Были использованы следующие методики:

– методика диагностики гендерной идентичности (С. Бем, модификация В.А. Лабунской и М.В. Бураковой);

– проективная самооценка гендерной идентичности «Я – женщина/мужчина» (Л.И. Ожигова);

– тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд, Т.В. Румянцева) в авторской модификация «Какой Я»);

– методика исследования самооотношения (МИС) С.Р. Пантлеева.

– методика диагностики межличностных отношений (ДМО) Т. Лири.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что содержание образа Я связано с содержанием гендерной идентичности личности. Большое количество самоописаний в адаптивных личностных чертах (открытость опыту, стабильность, экстраверсия, обособленность), средние показатели по структуре самооотношения и более адаптивные типы межличностных отношений ожидаются у молодых людей с гендерной идентичностью, понимаемой нами как гармоничная, а также для молодых людей с более высоким уровнем гендерной стереотипизированности.

Были проведены два корреляционных исследования: первое – с однородными группами, образованными критериальной переменной «гендерная идентичность», второе – с синхронными корреляциями переменной «уровень гендерной стереотипизированности» с другими зависимыми. Использовались следующие статистические методы: Н-критерий Крускаллы-Уоллеса для поиска различий между тремя группами, U-критерий Манна-Уитни для дальнейших попарных проверочных сравнений; r-критерий корреляции Спирмена для поиска связи показателей. Также мы прибегали к контент-анализу для выделения и подсчета категорий самоописания и гендерных стереотипов. Ответы на вопрос: «Какой Я?» кодировались, исходя из категорий и подкатегорий Большой пятерки [Хромов 2000].

Анализ и обсуждение результатов

Когнитивный компонент. Выявлены значимые различия в уровне выраженности самоописаний в категории «импульсивность» (подкатегории «неаккуратность», «отсутствие настойчивости», «импульсивность», «безответственность», «беспечность») ($p = 0,02$). Группа с дисгармоничной гендерной идентичностью обнаруживает меньше таких самоописаний по сравнению с группой с гармоничной гендерной идентичностью ($p = 0,006$). Между группой с дисгармоничной и гармоничной гендерной идентичностью различий не наблюдалось ($p = 0,262$); андрогинная гендерная идентичность демонстрирует различия в частоте самоописаний по сравнению с дисгармоничной группой на уровне тенденции ($p = 0,095$). Поскольку большая часть выборки – женщины, то импульсивность и ее подкатегории особо характерны, разрешены и одобряемы в обществе по отношению именно к ним, что и было выявлено. Педантичность, настойчивость, целеустремленность, самоконтроль, ответственность и предусмотритель-

тельность (антагонисты подкатегорий) являют собой качества, которые ожидаемы от маскулинных мужчин. Напротив, вышеперечисленные качества характерны для фемининных женщин, характеризующихся как чувствительные, вспыльчивые, конформные, ожидающими более авторитетной фигуры, которая будет нести ответственность. Данная группа предполагает соответствие респондентов гендерным ожиданиям. Поэтому же менее всего фемининные качества представлены у маскулинных женщин в выборке с дисгармоничной гендерной идентичностью.

Также была выявлена значимая положительная корреляция между уровнем гендерной стереотипизированности и уровнем выраженности самоописаний в категории «привязанность»: чем выше количество стереотипов, тем чаще в самоописании фигурируют понятия, связанные с теплотой, доверчивостью, пониманием и уважением других людей ($r = 0,26$; $p = 0,039$). Это частично подтверждает наши предположения. Успешная установка на плотные, доверительные, равные взаимодействия с другими субъектами и обществом в целом ожидаема у людей с более высоким уровнем гендерной стереотипизированности как уровнем четкости и структурированности гендерной идентичности. Такие люди не склонны обособливаться (антагонист категории) от общества, поскольку оно принимает их и создает условия для комфортного существования. Однако и здесь стоит отметить половую специфику выборки: крайне вероятно, что подобное качество может быть обусловлено требованиями к фемининным женщинам.

Эмоционально-оценочный компонент. Были выявлены значимые различия у групп с различной гендерной идентичностью в выраженности внутренней конфликтности как компонента самоотношения ($p = 0,021$). У группы андрогинов внутренняя конфликтность значимо меньше, чем у других групп (для группы гармоничной гендерной идентичности $p = 0,006$; для группы дисгармоничной гендерной идентичности $p = 0,044$). Мы предполагаем, что андрогины, обладая достаточной и гармоничной степенью выраженности мужских и женских черт, обнаруживают в себе большую социальную адаптивность, больший спектр возможностей действия, большие возможности и способности. Все это позволяет конструировать свое поведение с учетом как внутренних личностных убеждений, так и общественных требований.

Также мы обнаружили значимую отрицательную корреляцию между уровнем гендерной стереотипизированности и уровнем самопринятия ($r = -0,3$; $p = 0,02$). Вероятно, содержание этих стереотипов вступает в конфликт с собственными качествами

и желанием, которые хотелось бы проявлять и реализовывать, поэтому принимать себя как человека, хотя бы немного не соответствующего интегрированным в себя жестким гендерным рамкам, достаточно трудно. Напротив, люди с низкой стереотипизованностью гендерной идентичности от этих рамок свободны и постулируют свободу в самореализации, уверенность в своих личных силах и возможностях, принятие себя таким, какой ты есть, соответствующим тому, чтобы добиваться желаемого, что обуславливает более высокое самопринятие.

Поведенческий компонент. Значимые различия у групп с разной гендерной идентичностью, обнаруженные в этой части структуры образа Я, касаются следующих типов межличностных отношений:

– «независимый-доминирующий» ($p = 0,004$). У людей с гармоничной гендерной идентичностью он выражен меньше, в сравнении как с группой андрогинов ($p = 0,001$), так и группой с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p = 0,029$). Независимость от другого и доминирование как показатели, сопряженные с хвастливостью, тщеславием, самовлюбленностью в своих экстремальных значениях, менее характерны для людей, находящихся в гармонии с принятием своего гендера, поскольку эти показатели дезадаптивны. Также люди с гармоничной гендерной идентичностью в определенной степени признают зависимость от гендерных требований, в отличие от иных групп, поэтому заявлять о себе громко таким людям нет необходимости.

– «прямолинейный-агрессивный» ($p = 0,025$). У субъектов с гармоничной гендерной идентичностью данный тип выявляется значимо реже, чем у субъектов с дисгармоничной гендерной идентичностью ($p = 0,017$). Различия между группами гармоничной и андрогинной гендерной идентичности выявляются на уровне тенденции ($p = 0,053$). Данный тип нацелен на агрессивное поведение, на резкость и смелость в высказываниях, на враждебность по отношению к окружающим. Такое дезадаптивное поведение менее всего характерно для людей с гармоничной гендерной идентичностью, у которых нет причин чувствовать со стороны общества опасность в силу соблюдения ими догм. Такое поведение менее характерно и для андрогинов, характеризующихся адаптивностью в социуме. Людям же с дисгармоничной гендерной идентичностью, вероятно, надо заявить о себе, «выгрызть» у общества право быть такими, какие они есть, они ощущают вражду общества, в которое не вписываются.

– «зависимый-послушный» ($p = 0,003$). Субъекты с гармоничной гендерной идентичностью обнаруживают его чаще, чем группа андрогинов ($p = 0,002$) и группа с дисгармоничной ген-

дерной идентичностью ($p = 0,013$). Субъекты, соответствующие гендерным ожиданиям, обычно более конформны, зависят от чужих оценок и мнений. Ожидания, будучи навязаны извне, могут быть корректно оценены только другими людьми, поэтому в поиске соответствия этим ожиданиям люди с гармоничной гендерной идентичностью ведут себя подобным образом, так заслуживая одобрение, принятие, комфорт и адаптируясь в группе.

Также выявлены различия в интегральном показателе «дружелюбие» между группами ($p = 0,001$). Субъекты с гармоничной гендерной идентичностью обнаруживают в сочетании типов межличностных отношений большее дружелюбие, чем у иных групп (для группы андрогинов $p = 0,003$; для группы с дисгармоничной гендерной идентичностью $p = 0,001$). Это говорит о том, что такие люди более вовлечены в социум, открыты новому социальному опыту и контактам, менее подозрительны и враждебны к другим, стараются помогать другим, ориентированы на социальное одобрение, что, с одной стороны, адаптивно и способствует самореализации, а, с другой, конформно. Вероятно, и на этот результат влияет преимущественно женская выборка. Ожидаемо люди с дисгармоничной гендерной идентичностью менее всего дружелюбны, однако не отличаются значимо от андрогинов, которые, скорее всего, адаптации в обществе достигают благодаря широте своих возможностей, а не путем использования этих возможностей исключительно в целях соответствия гендерным нормам, как то, к чему, возможно, прибегают люди с гармоничной гендерной идентичностью.

Заключение

Проведенное исследование позволяет подвести некоторые итоги и сделать следующие выводы. Во-первых, была сформулирована и обоснована дефиниция и позиция образа Я в структуре личности, определены его компоненты и критерии позитивности. Во-вторых, был подготовлен теоретический обзор основной гендерной проблематики, обуславливающей специфику образа Я. На основании полученных результатов мы можем предполагать, что средства достижения позитивного и адаптивного образа Я разнятся для групп с гармоничной и андрогинной гендерной идентичностью. Респонденты-андрогины активно реализовывают возможности, связанные с их более разнообразным и широким арсеналом поведения, обусловленным большим количеством черт обоих полов, при этом отрицая влияние общества на их реализацию, что предположительно может затруднять их адаптацию в нем. Респонденты с гармоничной гендерной идентичностью – преимущественно феминные женщины – строят свое поведение

с помощью конформности, пониженной критики к общественным требованиям, что, в свою очередь, влияет на нормативность структуры их самоотношения. Деадаптивный образ Я, обнаруженный у субъектов с дисгармоничной гендерной идентичностью, может быть объяснен их тенденцией к открытому, агрессивному конфликту с социумом, попытке отстоять право на свое «Я», которое не вписывается во внешние требования.

Таким образом, было показано, что образ Я имеет свою конкретную гендерную специфику, которая, в свою очередь, связана с его гармоничностью и позитивностью. Связи эти имеют не столь линейный, как предполагалось, характер, а потому требуют дальнейшего изучения.

Литература

Абдуллин, Тумбасова 2012 – *Абдуллин А.Г., Тумбасова Е.Р.* «Образ Я» как предмет исследования в зарубежной и отечественной психологии // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2012. № 6 (265). С. 4–11.

Гаджимурадова 2006 – *Гаджимурадова З.М.* Этническое самосознание как элемент структуры самосознания личности // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2006. № 3. С. 42–47.

Иванова 2018 – *Иванова А.С.* Особенности самосознания агендеров // Инновации в науке. 2018. № 2 (78). С. 32–35.

Клементьева 2020 – *Клементьева М.В.* Теоретико-методологические аспекты психологического исследования биографической рефлексии личности // Сибирский психологический журнал. 2020. № 77. С. 44–67.

Крыкова 2008 – *Крыкова И.В.* Феминизм: происхождение понятия и его трактования в современной науке [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2008. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-proishozhdenie-ponyatiya-i-ego-traktovaniya-v-sovremennoy-nauke> (дата обращения 02 мар. 2022).

Куимова 2019 – *Куимова В.М.* Гендерная идентичность и архетип в дискурсе психоаналитических идей // Диалог культур и цивилизаций: материалы Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. М.: МГЛУ, 2019. С. 126–131.

Марцинковская 2009 – *Марцинковская Т.Д.* «Образ Я» в современном мире: константы и трансформации // Мир психологии. 2009. № 4 (60). С. 142–149.

Мельничук, Лебедева 2019 – *Мельничук Т.А., Лебедева П.Ю.* Содержательная динамика концепта body positivity в англоязычном интернет-дис-

курсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 10. С. 232–237.

Палачева, Жияев 2010 – *Палачева Т.И., Жияев А.Г.* Формирование «Я-концепции» в детском, подростковом и юношеском возрастах // Молодой ученый. 2010. Т. 2. № 1-2. С. 208–215.

Перегудина 2011 – *Перегудина В.А.* Особенности становления мужской и женской гендерной идентичности в возрастном диапазоне от старшего дошкольного до юношеского возраста: Дис. ... канд. психол. наук. Тула, 2011. 239 с.

Пикулева 2013 – *Пикулёва О.А.* Психология самопрезентации личности: гендерные и возрастные аспекты // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18. № 4. С. 37–44.

Сарадиева и др. 2011 – *Сарадиева З.Х., Балабанов С.С., Кузьмина Л.М.* Социальные роли современных российских мужчин // Женщина в российском обществе. 2011. № 3. С. 86–93.

Слободчиков, Цукерман 1996 – *Слободчиков В.И., Цукерман Г.А.* Интегральная периодизация общего психического развития // Вопросы психологии. 1996. № 5. С. 38–50.

Фетискин 2017 – *Фетискин Н.П.* Психологические основы гендерных исследований. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2017. 548 с.

Харченко 2016 – *Харченко В.С.* Культура фриланса: компоненты и принципы организации [Электронный ресурс] // Метеор-Сити. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-frilansa-komponenty-i-printsipy-organizatsii> (дата обращения 01 мар. 2022).

Харькова 2011 – *Харькова Т.П.* Образ Я и стратегии поведения личности в трудных жизненных ситуациях [Электронный ресурс] // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3. Педагогика и психология. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ya-i-strategii-povedeniya-lichnosti-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah> (дата обращения 28 фев. 2022).

Хромов 2000 – *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие. Курган: КГУ, 2000. 23 с.

Чуркина 2017 – *Чуркина Н.А.* Андрогиная идентичность как способ адаптации человека в современном обществе // Манускрипт. 2017. № 5 (79). С. 204–206.

Чуркина 2018 – *Чуркина Н.А.* Маскулинность и феминность в современном обществе: состояние, тенденции трансформации // Социодинамика. 2018. № 5. С. 16–20.

Чуркина 2018а – *Чуркина Н.А.* Гендерная идентичность в аспекте трансформации гендерной ментальности // Социодинамика. 2018. № 9. С. 98–104.

Щекотуров 2012 – *Щекотуров А.В.* Web 2.0: особенности, стратегии и технологии гендерной социализации подростков в сети Интернет // Вестник ННГУ. 2012. № 4-1. С. 437–444.

References

Abduln, A.G. and Tumbasova, E.R. (2012), “The self-image as a subject of research in foreign and domestic psychology”, *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Psihologiya”*, no. 6 (265), pp. 4–11.

Churkina, N.A. (2017), “Androgynous identity as a way of human adaptation in modern society”, *Manuskript*, no. 5 (79), pp. 204–206.

Churkina, N.A. (2018), “Gender identity in the aspect of transformation of gender mentality”, *Sotsiodinamika*, no. 9, pp. 98–104.

Churkina, N.A. (2018), “Masculinity and femininity in modern society: state, trends of transformation”, *Sotsiodinamika*, no. 5, pp. 16–20.

Fetiskin, N.P. (2017), *Psikhologicheskie osnovy gendernykh issledovaniy* [Psychological Foundations of Gender Studies], Nekrasov Kostroma State University, Kostroma, Russia.

Gadzhimuradova, Z.M. (2006), “Ethnic self-consciousness as an element of the structure of personal self-consciousness”, *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 42–47.

Ivanova, A.S. (2018), “Features of self-awareness of agenders”, *Innovatsii v nauke*, no. 2 (78), pp. 32–35.

Kharchenko, V.S. (2016), “Freelancing culture: components and principles of organization” [Online], *Meteor-Siti*, no. 5, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-frilansa-komponenty-i-printsipy-organizatsii> (Accessed 01 Mar. 2022).

Khar'kova, T.P. (2011), “Self-image and strategies of personality behavior in difficult life situations” [Online], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Pedagogika i psikhologiya*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-ya-i-strategii-povedeniya-lichnosti-v-trudnyh-zhiznennyh-situatsiyah> (Accessed 28 Feb. 2022).

Khromov, A.B. (2000), *Pyatifaktornyi oprosnik lichnosti* [Five-factor Personality Questionnaire], KGU, Kurgan, Russia.

Klement'eva, M.V. (2020), “Theoretical and methodological aspects of the psychological study of the biographical reflection of personality”, *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*, no. 77, pp. 44–67.

Krykova, I.V. (2008), “Feminism: the origin of the concept and its interpretation in modern science” [Online], *Analitika kul'turologii*, no. 11, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm->

proishozhdenie-ponyatiya-i-ego-traktovaniya-v-sovremennoy-nauke (Accessed 02 Mar. 2022).

Kuimova, V.M. (2019), "Gender identity and archetype in the discourse of psychoanalytic ideas", in Daletskii, Ch.B. and Platko, A.Yu. (ed.), *Dialog kul'tur i tsivilizatsii: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dialogue of Cultures and Civilizations: Proc. of the Int. Scientific and Practical Conference], Moscow State Linguistic University Press, Moscow, Russia, pp. 126–131.

Martsinkovskaya, T.D. (2009), "Self-image in the modern world: constants and transformations", *Mir psikhologii*, no. 4 (60), pp. 142–149.

Mel'nichuk, T.A. and Lebedeva, P.Yu. (2019), "Content dynamics of the concept of body positivity in the English Internet discourse", *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10, pp. 232–237.

Palacheva, T.I. and Zhilyaev, A.G. (2010), "Formation of «self-concept» in childhood, adolescence and youth", *Molodoi uchenyi*, vol. 2, no. 1-2, pp. 208–215.

Peregudina, V.A. (2011), Features of the formation of male and female gender identity in the age range from senior preschool to adolescence, Ph.D Thesis, Psychology, Tula State University, Tula, Russia.

Pikuleva, O.A. (2013), "Psychology of self-presentation of personality: gender and age aspects", *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, vol. 18, no. 4, pp. 37–44.

Saradieva, Z.Kh., Balabanov, S.S. and Kuz'mina, L.M. (2011), "Social roles of modern Russian men", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 86–93.

Shchekoturov, A.V. (2012), "Web 2.0: features, strategies and technologies of gender socialization of adolescents on the Internet", *Vestnik NNGU*, no. 4-1, pp. 437–444.

Slobodchikov, V.I. and Tsukerman, G.A. (1996), "Integral periodization of general mental development", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 38–50.

Информация об авторе

Анастасия С. Горшкова, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; kitsune_2@outlook.com

Information about the author

Anastasia S. Gorshkova, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 5-11, Mokhovaya Street, Russia, Moscow, 125009; kitsune_2@outlook.com

УДК 159.9

DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-119-132

Связь когнитивных и личностных характеристик с успешностью решения проблемных задач

Всеволод А. Грудинин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, seva.grudinin@gmail.com*

Аннотация. В рамках проведенного исследования предпринята попытка изучить связь между когнитивными и личностными характеристиками и успешностью решения двух типов проблемных задач – «научного» и «художественного» содержания. В исследовании приняли участие 20 человек (обработано 80 протоколов). Работа включала два этапа – диагностический, где изучались особенности когнитивных и личностных характеристик участников, и экспериментальный. Для выявления когнитивных характеристик использовались следующие методики: «Прогрессивные матрицы Равена» и «Сложные аналогии», для личностных характеристик – опросник «САМОАЛ» (методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина) и «Тест эмоционального интеллекта» Д.В. Люсина. В рамках экспериментальной части исследования участникам предлагалось решить 4 проблемные задачи: «неизмеряемый сосуд» и «универсальная пробка» (научного содержания) и «крыжовник» и «пересолил» (художественного). В результате была установлена положительная связь между аутосимпатией и успешностью решения проблемной задачи научного содержания, а также пониманием своих и чужих эмоций и успешностью решения проблемных задач художественного содержания; отрицательная связь между потребностью в познании и успешностью решения художественных проблемных задач. Связи с когнитивными характеристиками обнаружено не было.

Ключевые слова: невербальный интеллект, эмоциональный интеллект, сложные логические отношения, познавательная потребность, аутосимпатия, проблемные задачи, успешность решения

Для цитирования: Грудинин В.А. Связь когнитивных и личностных характеристик с успешностью решения проблемных задач // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 119–132. DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-119-132

The interrelationship of cognitive and personal characteristics with the success of problem solving

Vsevolod A. Grudinin

*Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia, seva.grudinin@gmail.com*

Abstract. Within the framework of the conducted research, an attempt to study the relationship between cognitive and personal characteristics and the success of solving two types of problematic tasks: “scientific” and “artistic” content is made. 20 people took part in the study (80 protocols were processed). Two stages were carried out in this study – diagnostic and experimental. As for the diagnostic part, the features of the cognitive and personal characteristics of the participants were studied. The following techniques were used to study cognitive characteristics: “Raven’s Progressive Matrices” and the “Complex Analogies” technique. To study personal characteristics, we used: the questionnaire “SAMOAL” (the method of A.V. Lazukin adapted by N.F. Kalin) and the “Emotional Intelligence Test” by D.V. Lyusin. As for the experimental part of the study, participants were asked to solve 4 problematic tasks: “immeasurable vessel” and “universal cork” – based on scientific content and “gooseberry” and “over-salted” – based on artistic content. As for the results of the study, a positive relationship between autosympathy and the success of solving a problem of scientific content, and also between understanding one’s own and others’ emotions and the success of solving problematic tasks of artistic content was established; a negative relationship between the need for cognition and the success of solving artistic tasks was also established. No connection with cognitive characteristics was found.

Keywords: nonverbal intelligence, emotional intelligence, complex logical relationships, need for cognition, autosympathy, problem solving, successful solutions

For citation: Grudinin, V.A. (2022), “The interrelationship of cognitive and personal characteristics with the success of problem solving”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, pp. 119–132, DOI: 10.28995/2073-6398-2022-2-119-132

Введение: постановка проблемы

В настоящее время проблема связи когнитивных и личностных характеристик с успешностью в деятельности различного рода не теряет своей актуальности [Kayla, David 2021]. Спор о том, является ли интеллект важным предиктором успешности деятельности и дальнейшего профессионального и социального успеха все еще открыт, несмотря на то, что существует значительное количество исследований, отвечающих на этот вопрос [Lynn,

Vanhane 2002; Sternberg, Grigorenko 2003]. В рамках нашей работы предпринимается попытка изучить когнитивные и личностные характеристики в достаточно новой, проблемной для субъекта ситуации, в отличие от изучения вышеописанных характеристик в их связи с академической или профессиональной успешностью в довольно пролонгированные сроки. Актуальность данная тема приобретает еще и потому, что направлена на изучение комплекса характеристик, которые играют существенную роль в решении различного рода задач.

Целью данного исследования является изучение того, какими когнитивными и личностными особенностями обладают люди, более успешно справляющиеся с проблемными задачами, а какими те, кто справляется менее успешно. В качестве гипотезы исследования выступало предположение о том, что повышение коэффициента интеллекта, развитое умение устанавливать сложные логические отношения, высокий эмоциональный интеллект и выраженность познавательной потребности как черты личности будут положительно связаны с успешностью решения проблемных задач.

Теоретическая часть

В качестве ведущей точки зрения на процесс решения проблемных задач в данном исследовании выступает подход А.М. Матюшкина. В рамках этого подхода решение различного рода задач принято считать одной из базовых компетенций человека в любом историческом периоде и культуре. Существуют задачи условно простые (поднять шкаф на 6 этаж и т.д.) и сложные (решение инсайтных задач и т.д.). В основе разделения лежит степень определенности средств для их решения и тех действий, которые необходимы для этого. А.М. Матюшкин [Матюшкин 2017] определяет действия, в большей степени необходимые для первого типа задач, как практические, а для второго – как интеллектуальные. В качестве особого типа задач автором выделяются проблемные задачи, требующие достижения ранее неизвестного в практическом или теоретическом плане, необходимого для выполнения действия и достижения цели. По Матюшкину, проблемная задача – это «практическое или теоретическое задание, вызывающее познавательную потребность в новом неизвестном знании, служащем для правильного выполнения действия, приводящего к достижению цели» [Матюшкин 2017, с. 181]. Проблемная задача требует для достижения искомого обнаружения знаний или способов преобразования заданных условий, которые на данный момент неизвестны субъекту.

В качестве основной точки зрения на интеллект в данном исследовании выступает представление о «генеральном факторе» Ч. Спирмена, которое в дальнейшем развивалось Дж. Равеном [Raven 1989]. Помимо этого, в рамках представленной работы изучается способность к пониманию сложных логических отношений и выделение абстрактных связей, на что направлена методика «сложные аналогии» [Сложные аналогии 2006]. Для изучения личностных особенностей был использован опросник «САМОАЛ» (методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина) [Фетискина 2002], позволяющий выяснить степень выраженности у субъекта черт самоактуализирующейся личности, одной из них выступает познавательная потребность. Эмоциональный интеллект исследовался с помощью методики Д.В. Люсина [Люсин, Ушаков 2009], рассматривающей его как определенную способность и направленную на 4 стороны эмоционального интеллекта: внутриличностный эмоциональный интеллект, межличностный эмоциональный интеллект, умение понимать свои и чужие эмоции, умение управлять своими и чужими эмоциями.

Анализ и обсуждение результатов

Для проверки гипотез был проведен эксперимент по интраиндивидуальному экспериментальному плану, состоявший из диагностической и экспериментальной части. Диагностическая часть проводилась в онлайн-формате с использованием следующих методик:

1. Методика «Прогрессивные матрицы Равена» [Прогрессивные матрицы 2011];
2. «Сложные аналогии» [Сложные аналогии 2006];
3. «Тест эмоционального интеллекта Д.В. Люсина» [Люсин, Ушаков 2009];
4. Опросник «САМОАЛ» (методика А.В. Лазукина в адаптации Н.Ф. Калина) [Фетискина 2002].

Экспериментальная часть проводилась в индивидуальной форме и в очном формате, здесь участникам предлагалось решить 4 проблемные задачи разного содержания – 2 «научного» и 2 «художественного».

Задача №1 – «Универсальная пробка» [Матюшкин 2017] – направлена на раскрытие новых условий выполнения известного действия. Пробка не является чем-то новым для участника исследования, и ее функционал ему знаком, но при этом те условия, в которых ему необходимо эту пробку применить, являются не совсем привычными для него. В качестве критериев для оцен-

ки успешности выполнения данной задачи были разработаны 4 уровня успешности решения проблемной задачи:

1 балл – испытуемый решает задачу с пробкой конкретно, вылепливает три разных формы в соответствие с заданной проекцией пробки;

2 балла – делает одну единую пробку, которая закрывает круглое и квадратное отверстие (понимает смысл задачи более абстрактно);

3 балла – отказывается от решения с двумя сторонами пробки и понимает, что форма должна быть другая;

4 балла – создание «универсальной пробки» с использованием одновременно трех плоскостей.

Примеры ответов (с оценками в баллах):

1 балл – «Я думаю, что можно сделать три отдельных и соединить их в одну»;

2 балла – «Вытянутая по форме горлышка пробка с одной стороны круглая, с другой – треугольная. То есть две стороны закрывают круглую и треугольную часть»;

3 балла – «Тогда я не понимаю, если уж нельзя из составных частей сделать, то как иначе»;

4 балла – «Принцип решения в том, что мы условно делим «пробку» на три уровня. По оси Т зайдет в треугольное отверстие. По оси КР – круг. По оси КВ – квадрат» (Рис. 1)

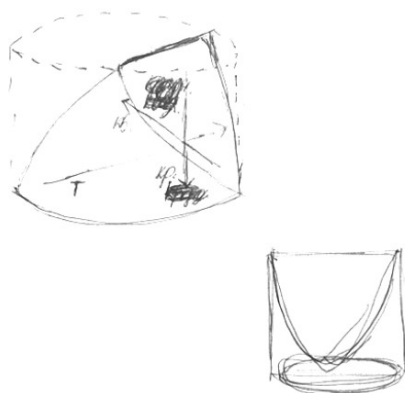

Рис. 1. Наиболее близкий к эталонному варианту эскиз «универсальной пробки»

Задача №2 – «Неизмеряемый сосуд» [Матюшкин 2017]. Данная проблемная задача направлена на изучение процесса поиска нового способа действия. Испытуемому необходимо как можно точнее вычислить объем стеклянного сосуда, заполненного водой на $1/3$ и закупоренного пробкой. Нижняя часть сосуда представляла собой цилиндр и была частично заполнена водой, следующая часть бутылки была в форме неправильной полусферы, затем шел переход к горлышку, само горлышко имело цилиндрическую форму, и заканчивалась бутылка пробкой, которая ее плотно закрывала. Для оценки успешности решения данной проблемной задачи аналогично предыдущей были разработаны критерии ее оценки, образующие 4 уровня:

1 балл – не продвигается в решении дальше попытки использовать формулы измерений простых геометрических фигур;

2 балла – понимание, что известные формулы не работают в подобной ситуации, и попытка найти иное решение;

3 балла – понимание того, что вода выступает важным элементом для решения проблемной задачи, без нахождения способа измерить объем сосуда с ее помощью;

4 балла – использование воды в качестве средства измерения сосуда.

Примеры ответов (с оценками в баллах):

1 балл – «Вычислить по той же формуле, по которой вычисляется горлышко и нижняя часть сосуда. Зная высоту и радиус, вычислим объем».

2 балла – «Если мы вычислим объем верхней и нижней частей, то останется только средняя, которая неправильная. Хочется подумать о том, как формулой может учитываться постоянно меняющийся размер».

3 балла – «Нужно подумать о том, как нам здесь может понадобиться вода. С помощью ее мы можем как-то узнавать изменение меняющегося объема. Только принцип я сформулировать не готов. Можно было бы залить определенное количество воды, и на основании того количества, которое было залито, вычислить, сколько вмещает в себя бутылка».

4 балла – «Я нахожу сначала объем цилиндра с высотой h_4 (нижняя часть сосуда). Нахожу объем воды в цилиндре. Нахожу объем верхнего цилиндра. Наклоняю бутылку, вода, как мне кажется, будет выходить за... полностью заполнит полусферу. Переверну, и там еще останется запас, узнаю объем запаса, который остался».

Задачи «художественного» содержания представляют собой фрагменты рассказов А.П. Чехова «Крыжовник» и «Пересолил» [Матюшкина 2018], после прочтения которых необходимо ответить на ряд вопросов, для чего участнику необходимо углубиться в содержание фрагмента рассказа. Необходимо было ответить на следующие вопросы: 1. Опишите своими словами кратко, как Вы поняли смысл прочитанного отрывка. 2. Выделите в тексте фрагмент(ы), наиболее значимые для понимания смысла рассказа, и объясните, почему эти фрагменты важны. 3. Постарайтесь объяснить название рассказа, опираясь на смысл отрывка. Ответ запишите. Оценка успешности решения задач «художественного» содержания также производилась на основе разработанных в рамках исследований А.А. Матюшкиной критериев:

1 балл – непонимание смысла рассказа;

2 балла – буквальное понимание смысла – установление последовательности событий без понимания скрытого смысла, иронии; на данном уровне респондент не всегда соотносит название рассказа с содержанием фрагмента текста;

3 балла – конкретное понимание заложенного смысла, конкретная интерпретация названия без учета идеи автора;

4 балла – точное понимание идеи, заложенной автором, способность выразить, в чем она заключается; на данном уровне становится возможным выявление глобальной мысли автора по отношению к смыслу произведения в целом, респондент соотносит смысл названия с содержанием текста» [Матюшкина 2015, с. 100].

Примеры ответов к фрагменту рассказа А.П. Чехова «Крыжовник»:

1 балл – «Каким бы ты влиятельным или авторитетным не был, твой достаток может не делать тебя счастливым»

2 балла – «Заветная мечта человека исполнилась: он стал дворянином и вырастил свой собственный крыжовник, о котором мечтал»

3 балла – «Дворянин пытался выставить себя идеальным человеком, что даже такой абсурд, как кислый крыжовник, он не желал показывать невкусным»

4 балла – «Николай Иванович любит крыжовник. Это первое, что я поняла. Далее, более осмысленно, я поняла, что тут дело не в крыжовнике, а в перемене человека и его восприятия мира. Раньше он был другим... Потом мне пришла мысль о том, что дело еще глубже. Скорее всего, в тесте имеется ввиду, что Николай Иванович стал доволен самим собой от «возвышающегося

обмана». В тексте есть тонкое сравнение кислоты крыжовника и жизни Н.И. На самом деле, все не так радужно, как говорит сам человек».

Примеры ответов к фрагменту рассказа А.П. Чехова «Пересолил»:

1 балл – не присутствует в выборке;

2 балла – «Клим думал, что его пассажир хочет его ограбить, но на самом деле тот просто пошутил»

3 балла – Название «Пересолил» говорит само за себя, то есть сильно приукрасил. Отсутствие общего языка между людьми из разных социальных пластов, недоверие друг другу.

4 балла – «О том, что не каждая угроза может быть серьезной; о том, что человеческие слабости в случае, если на них давить, становятся причиной неадекватного поведения; о том, что стоит следить за своими словами и знать, что они ранят».

Для анализа полученных данных был использован критерий ранговой корреляции Спирмена, ввиду несоблюдения условия нормального распределения (значения асимметрии и эксцесс, критерий Колмогорова-Смирнова) и малый объем выборки. Анализ производился в программе SPSS 22.0.

В исследовании приняли участие 20 студентов старших курсов государственных вузов России в возрасте от 21 до 25 лет, 12 мужчин и 8 женщин, 16 из которых обучаются по гуманитарным направлениям (психология, политология, международные отношения) и 4 по техническим (программирование, инженерное дело).

Рассмотрим описательную статистику полученных данных, средний балл (M), медиана (Me), минимум (min) и максимум (max) по методикам. Методика «Прогрессивные матрицы»: M – 51,30; Me – 51,50; min – 44, max – 60; методика «Сложные аналогии» M – 16,55; Me – 16,50; min – 14, max – 20; опросник «САМОАЛ»: «ориентация во времени» M – 5,9; Me – 2; min – 9, max – 20; «ценности» M – 9,15; Me – 5; min – 15, max – 20; «взгляд на природу человека» M – 4,5; Me – 4; min – 2, max – 9; «потребность в познании» M – 6,2; Me – 6; min – 3, max – 9; «креативность» M – 10,4; Me – 11; min – 7, max – 13; «автономность» M – 8,9; Me – 8; min – 6, max – 15; «спонтанность» M – 7,75; Me – 7; min – 4, max – 14; «самопонимание» M – 6,2; Me – 6; min – 1, max – 9; «аутосимпатия» M – 8,05; Me – 8,05; min – 2, max – 14; «контактность» M – 6,05; Me – 6,50; min – 2, max – 9; «гибкость в общении» M – 5,9; Me – 5,9; min – 3, max – 8; тест эмоционального интеллекта:

«межличностный эмоциональный интеллект» $M = 43,55$; $Me = 43,5$; $min = 24$, $max = 64$; «внутриличностный эмоциональный интеллект» $M = 46,7$; $Me = 47$; $min = 17$, $max = 65$; «понимание эмоций» $M = 46,85$; $Me = 46$; $min = 15$, $max = 65$; «управление эмоциями» $M = 43$; $Me = 44,5$; $min = 18$, $max = 67$.

Рассмотрим успешность решения проблемных задач, данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение по уровню успешности решения задач
в целом по выборке

Задача*	Уровни решения	1	2	3	4
УП	Количество	2	13	1	4
	%	10	65	5	20
НС	Количество	10	4	3	3
	%	50	20	15	15
К	Количество	2	3	5	10
	%	10	15	25	50
П	Количество	2	8	5	5
	%	10	40	25	25

*УП – универсальная пробка, НС – неизмеряемый сосуд, К – крыжовник, П – пересолит

Из представленных данных видно, что наибольшее число испытуемых успешно справилось с заданием «Крыжовник» (50%); наименьшее количество испытуемых смогли успешно решить проблемную задачу «Неизмеряемый сосуд» (15%). На основании полученных данных об успешности решения проблемных задач можно сказать о том, что наименее сложной для испытуемых оказалась «художественная» задача «Крыжовник», а наиболее сложной – «Неизмеряемый сосуд». Также, разделяя данные задачи на две группы («научные» и «художественные»), видно, что с «научными» задачами справилось гораздо меньшее количество испытуемых (35% выборки), по сравнению с «литературными» (75% выборки). На основании чего можно сделать вывод об объективной сложности «научных» проблемных задач относительно «художественных» в рамках данной выборки.

Можно предположить, что причиной подобных результатов может выступать то, что преимущественное большинство участников исследования относится к условно гуманитарным направ-

лениям подготовки. Но, с другой стороны, в рамках подхода А.М. Матюшкина, одним из условий того, что задача будет восприниматься участником как проблемная, выступает отсутствие у решающего прошлого опыта, который бы был непосредственно связан с решением подобных задач. В рамках задачи «универсальная пробка» в роли подобного опыта может выступать знание стереометрии на университетском уровне; в рамках задачи «неизмеряемый сосуд» – знание сложных формул для нахождения объема; в рамках задач «художественного» содержания – наличие широкого опыта анализа различных литературных произведений на университетском уровне.

По результатам исследования были установлены следующие связи: аутосимпатии и успешности решения задачи «научного» содержания – «универсальная пробка» ($r=0,527$, $p<0,05$), потребности в познании и успешности решения задачи «художественного» содержания ($r=-0,517$, $p<0,05$), понимания эмоций и успешности решения аналогичной задачи ($r=0,449$, $p<0,05$). Можно предположить, что участники с более выраженной аутосимпатией успешнее решают задачи, требующие создания нового предмета или использования нового средства для измерения неизвестной формы. При этом испытуемые, имеющие менее выраженную познавательную потребность, но лучше понимающие эмоции других и свои собственные эмоции, успешнее справляются с задачами, где необходимо проникать в контекст описанной ситуации и «вскрывать» неочевидные смыслы. Обнаруженная отрицательная связь потребности в познании и успешности решения «художественных» задач может интерпретироваться как стремление участников с высокой выраженностью данной характеристики искать сторонние смыслы в произведении, при этом уходя от его реального содержания, которое предьявляется в контексте решаемой задачи. В данном случае это выступает как недостаток, уход от условия задачи, возможен переход в некое фантазирование.

Заметим, что связи с коэффициентом интеллекта, способностью устанавливать сложные логические отношения и успешностью решения проблемных задач обнаружено не было, интерпретаций чему может быть несколько. Во-первых, можно предположить, что IQ не является важным фактором для успешного решения представленных в эксперименте типов задач. Данная интерпретация несколько противоречит подходам к интеллекту как Ч. Спирмена, чьим последователем выступает Дж. Равен по линии инструмента для измерения интеллекта, так и подходу А.М. Матюшкина, в рамках которого коэффициент интеллекта является важным основанием для успешного решения проблем-

ных задач. В качестве другой, несколько более обоснованной интерпретации, можно предположить, что, при достаточно высоком уровне интеллекта, его роль в успешности решения проблемных задач снижается и на первый план выходят другие личностные характеристики. Средние и медианные значения интеллекта в исследуемой выборке находятся в высоком диапазоне – 51 балл, что соответствует 114 баллам IQ в рамках данной методики. Схожая ситуация была обнаружена и с результатами по методике «сложные аналогии», в рамках которой средние значения по выборке находятся в диапазоне выше среднего.

Заключение

Данное исследование было реализовано по схеме интраиндивидуального экспериментального плана с регулярным чередованием. В рамках его диагностической части проводилось изучение когнитивных, эмоциональных и личностных характеристик участников, а в экспериментальной – испытуемым необходимо было постараться решить 4 проблемные задачи различного содержания. Таким образом, гипотеза нашего исследования о том, что повышение коэффициента интеллекта, развитое умение устанавливать сложные логические отношения, высокий эмоциональный интеллект и выраженность познавательной потребности как черты личности будут положительно связаны с успешностью решения проблемных задач, была частично подтверждена. Установлена положительная связь между характеристиками эмоционального интеллекта (понимание эмоций) и успешностью решения проблемных задач художественного содержания. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что для решения проблемных задач художественного содержания при достаточном уровне интеллекта (от 44 до 60 успешно решенных задач по методике Равена) на первый план выходят личностные характеристики. При этом была обнаружена отрицательная связь между выраженностью познавательной потребности и успешностью решения проблемных задач художественного содержания, на основании чего можно говорить о том, что не чрезмерный уровень развития познавательной потребности может оказаться барьером на пути успешного решения проблемных задач научного содержания.

В качестве исследовательских перспектив можно обозначить следующее: расширение как выборки, так и методического инструментария, который будет в большей степени ориентирован на личностные и эмоциональные характеристики, нежели на когнитивные; проверка выдвинутых гипотез на разновозрастных выборках (от подросткового возраста до юношеского) с уравни-

ванием по полу. Помимо этого, пересмотра могут потребовать и используемые в рамках исследования задачи, так как часть их может быть не совсем понятна участникам исследования и в некоторой степени оторвана от реального использования.

Литература

Люсин, Ушаков 2009 – *Люсин Д.В., Ушаков Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям. М.: Институт психологии РАН, 2009.

Матюшкин 2017 – *Матюшкин А.М.* Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций: учебное пособие. М.: ИД «Международные отношения», 2017. 226 с.

Матюшкина 2015 – *Матюшкина А.А.* Уровни решения проблемного задания как отражение глубины мышления // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2015. № 3. С. 93–107.

Матюшкина 2018 – *Матюшкина А.А.* Понимание проблемной ситуации и успешность ее решения // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7. Вып. 1 (25). С. 62–67.

Прогрессивные матрицы 2011 – Прогрессивные матрицы Равена. Методические рекомендации / Сост. и общая редакция О.Е. Мухордовой, Т.В. Шрейбер. Ижевск: «Удмуртский университет», 2011.

Сложные аналогии 2006 – Сложные аналогии. Психологические тесты / Сост. С. Касьянов. М.: Эксмо, 2006. С. 344–345.

Фетискина 2002 – *Фетискина Н.П.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Институт Психотерапии, 2002.

Kayla, David 2021 – *Kayla M.K., David P.B.* The Development of Intelligence: Education and Neuroscience // Encyclopedia of Behavioral Neuroscience. 2nd edition / Ed. by Sergio Della Sala. Amsterdam: Elsevier Science, 2021.

Lynn, Vanhanen 2002 – *Lynn R., Vanhanen T.* IQ and the wealth of nations. Westport, CT: Praeger, 2002.

Raven 1989 – *Raven J.* The Raven Progressive Matrices: A Review of National Norming Studies and Ethnic and Socioeconomic Variation Within the United States // Journal of Educational Measurement. 1989. Vol. 26 (1). P. 1–16.

Sternberg, Grigorenko 2003 – *Sternberg R.J., Grigorenko E.* The Psychology of Abilities, Competencies and Expertise. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

References

- Fetiskina, N.P. (2002), *Social'no-psihologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality and small development], Institute of Psychotherapy, Moscow, Russia.
- Kasyanov, S. (ed.) (2006), *Slozhnye analogii. Psihologicheskie testy* [Complex analogies. Psychological tests], Eksmo, Moscow, Russia, pp. 344–345.
- Kayla, M.K. and David, P.B. (2021), “The Development of Intelligence: Education and Neuroscience”, in Della Sala, S. (ed.), *Encyclopedia of Behavioral Neuroscience*, 2nd ed., Elsevier Science, Amsterdam, Netherlands, pp. 540–551.
- Lynn, R. and Vanhanen, T. (2002), *IQ and the wealth of nations*, Praeger, Westport, CT, USA.
- Lyusin, D.V. and Ushakov, D.V. (2009), *Social'nyj i emocional'nyj intellekt: ot modelej k izmereniyam* [Social and Emotional Intelligence: from Models to Measurements], Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Matyushkin, A.M. (2017), *Psihologiya myshleniya. Myshlenie kak razreshenie problemnykh situacij: uchebnoe posobie* [Psychology of thinking. Thinking as a solution to problem situations: textbook], Publishing house “International Relations”, Moscow, Russia, 226 p.
- Matyushkina, A.A. (2015), “Levels of problem task solution as a reflection of the depth of thinking”, *Bulletin of the Moscow University. Series 14. Psychology*, no. 3, pp. 93–107.
- Matyushkina, A.A. (2018), “Understanding the problem situation and the success of its solution”, *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psihologiya razvitiya*, vol. 7, iss. 1 (25), pp. 62–67.
- Mukhordova, O.E. and Schreiber, T.V. (ed.) (2011), *Progressivnye matricy Ravena. Metodicheskie rekomendacii* [Raven's Progressive Matrices – methodological recommendations], Udmurt University, Izhevsk, Russia.
- Raven, J. (1989), “The Raven Progressive Matrices: A Review of National Norming Studies and Ethnic and Socioeconomic Variation Within the United States”, *Journal of Educational Measurement*, vol. 26 (1), pp. 1–16.
- Sternberg, R.J. and Grigorenko, E. (2003), *The Psychology of Abilities, Competencies, and Expertise*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Информация об авторе

Всеволод А. Грудинин, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9; *seva.grudinin@gmail.com*

Information about the author

Vsevolod A. Grudinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 9–11 Mokhovaya Street, Russia, Moscow, 125009; *seva.grudinin@gmail.com*

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

И.В. Попова

Компьютерная верстка

В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать .06.2022.

Формат 60x90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 8,1. Усл. печ. л. 10,4.

Тираж 1050 экз. Заказ № .

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru